ЖИВЫЯ ЯДРА

ОЧЕРКЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ ЯПОНСКОЙ АРМІИ ПОДЪ ПОРТЪ-АРТУРОМЪ

∘∘∘∘∘ СОЧИНЕНІЕ ∘∘∘∘∘

ТАДЕУЧИ САКУРАЙ

Поручика Японской арміи,

съ предисловіемъ ГРАФА ОКУМА.

Съ англійскаго,

подъ редакціей **Ю. Романовскаго** и **А. фонъ-Шварцъ.**

Цѣна 1 р. 25 к.

Издалъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1909.

ВЪ СКЛАДѢ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Что нужно нашей арміи? Современное ея состояніе и необходимыя въ ней реформы. *Д. Парскій.* Генеральнаго Штаба полковникъ. . . . . **2** р.

„Каждый, кто интересуется современнымъ состояніемъ нашей арміи, долженъ прочитать эту книгу и не столько для того, чтобы ознакомиться со взглядами автора, съ которыми можно и не соглашаться, а для того, чтобы поразмыслить надъ многими вопросами, на которые жизнь наталкиваетъ не каждаго".

В. Новицкій. *Прил. къ „Рус. Инв." 1908 г. № 10.*

Правовое положеніе арміи въ государствѣ. Опытъ изслѣдованія правовыхъ основаній жизни арміи въ главнѣйшихъ государствахъ современной Европы. *А. Грековъ.* Генеральнаго штаба . . . . . **2** р.

. . . „Интересная книга г. А. Грекова. Любопытны законоположенія различныхъ государствъ по вопросу объ участіи военнослужащихъ въ политической жизни страны".

Изъ газеты «Рѣчь» 1908 г. № 86.

„Въ книгѣ Грекова они (читатели) найдутъ не только обоснованные выводы, но и ссылки на русскіе и иностранные источники, по которымъ съ большой подробностью можно ознакомиться съ тѣмъ или инымъ вопросомъ".

Изъ газеты «Слово» 1908 г. № 434.

Осада и сдача Портъ-Артура. *Эллисъ-Агимедъ-Бартлетъ.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ примѣчаніями Генеральнаго Штаба Полковника *А. М. Хвостова.* 1907 г., съ 2-мя отдѣльными воен.-топографич. картами, 3-мя фортификаціонными чертежами и 17-ю фотографіями въ текстѣ. . . . . **3** р.

Въ русскомъ переводѣ цѣнность книги значительно повысилась присоединеніемъ къ ней многихъ замѣчаній сдѣланныхъ полковникомъ Хвостовымъ, едва ли не лучше всѣхъ у насъ освѣдомленнымъ о всемъ ходѣ Портъ-Артурской эпопеи.

Съ появленіемъ этой книги сдѣланъ большой шагъ къ серьезному объясненію событій минувшей войны.

Ш—й. *«Развѣдчикъ» № 870.*

2635.

„Русская Скоропечатня“ Спб., Екатеринин. кан. 94.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе графа Окума 1
Отъ автора 5
Живыя ядра:
Гл. I. Мобилизація 8
„ II. Отправленіе 17
„ III. Въ пути 24
„ IV. Опасная высадка 28
„ V. Значеніе Портъ-Артура 38
„ VI. Бой при Наньшанѣ 43
„ VII. Наньшань послѣ боя 52
„ VIII. Окопныя работы и развѣдки 62
„ IX. Первые плѣнные 68
„ X. Нашъ первый бой при Вайту-шанѣ 74
„ XI. Занятіе Кензана 80
„ XII. Контръ-атака Кензана 85
„ XIII. Въ ожиданіи перехода въ наступленіе 96
„ XIV. Лагерная жизнь 105
„ XV. Памяти храбрыхъ воиновъ 112
„ XVI. Бой при Тайпо-шанѣ 119
„ XVII. Занятіе Тайпо-шана 129
„ XVIII. Поле битвы послѣ сраженія 137
„ XIX. Перевязочный пунктъ 146
„ XX. На пути къ побѣдѣ 154
„ XXI. Штурмъ Таку-шана 161
„ XXII. Знамя Восходящаго Солнца на Таку-шанѣ 170
„ XXIII. Производство и переводъ 179
„ XXIV. Начало генеральнаго штурма 188
„ XXV. Дождь живыхъ ядеръ 198
„ XXVI. Потерянная надежда 208
„ XXVII. Изъ когтей смерти 220
Приложенія 236

Предисловіе графа Окума.

Недавно меня посѣтилъ корреспондентъ газеты „Русь“, отставной русскій офицеръ. Онъ находился въ Харбинѣ, когда была объявлена война между Россіей и Японіей. Вызванный вскорѣ въ Портъ-Артуръ, онъ отправился туда, но вынужденъ былъ вернуться во Владивостокъ, такъ какъ сообщеніе съ Портъ-Артуромъ было уже прервано японцами.

Этотъ господинъ разсказывалъ мнѣ, что поѣзда, прибывающіе изъ Россіи, везли множество орденовъ и большія денежныя суммы для раздачи наградъ, а офицеры и солдаты, слѣдовавшіе съ этими поѣздами, были въ веселомъ и приподнятомъ настроеніи, словно они уже возвращались съ тріумфомъ послѣ одержанной побѣды. Они были увѣрены, что хорошо обученныя русскія войска уничтожатъ полудикихъ воиновъ Японіи и шутя заслужатъ награды и отличія. Имъ даже и въ голову не приходило, что они направляются какъ бы къ логовищу дикаго звѣря или приближаются къ своей могилѣ. Японцы, напротивъ того, мужественно шли къ мѣсту сраженія, готовые пере-

носить всякія бѣдствія и страданія за свою родину и Императора. Какъ древніе воины, они шли на смерть безъ надежды остаться въ живыхъ. У русскихъ не было единства, общности между начальниками и подчиненными: генералы были недоступны, надменны, люди — принижены; офицеры жили въ довольствѣ, солдаты нерѣдко были лишены самаго необходимаго. Они жили между собой, какъ собаки съ обезьянами *). Въ японскихъ войскахъ самая строгая дисциплина уживалась рядомъ съ товарищескими отношеніями, какъ въ одной большой дружной семьѣ; тамъ были лишь отцы, сыновья и братья. Принимая во вниманіе эти условія, можно было даже до перваго сраженія безошибочно предсказать, на чьей сторонѣ будетъ побѣда или пораженіе. Такъ говорилъ мой русскій знакомый и былъ правъ. Строгая дисциплина господствуетъ въ нашей арміи, но она одинаково обязательна здѣсь для всѣхъ и во всѣхъ родахъ оружія. Всякій солдатъ радостно жертвуетъ жизнью за родину, и эта готовность самопожертвованія есть характерная черта расы Ямато. При осадѣ Портъ-Артура особенно ярко выказался этотъ геройскій духъ. Съ матеріальной стороны потери нашей арміи ужасны, но превосходство духа и силы, выказанное японцами въ этой борьбѣ,—уже есть побѣда, заставляющая мириться съ потерями: она покрыла великою славою исторію націи. Самый послѣдній солдатъ шелъ въ бой съ непоколебимымъ

---

*) Въ Японіи существуетъ поговорка: живутъ, какъ собака съ обезьяной,—вмѣсто нашего: какъ кошка съ собакой.

Прим. переводч.

мужествомъ и встрѣчалъ смерть, какъ „возвращеніе домой“*) и въ то же время онъ оставался мягкимъ съ любвеобильнымъ сердцемъ. Не разъ случалось имъ утирать слезу, безропотно стоя подъ градомъ пуль. Но долгъ для нихъ былъ прежде всего—въ немъ была ихъ честь и слава—умирая они кричали „банзай“ своему Императору. Таковы воины Самурая и этимъ они отличаются отъ тѣхъ, кто въ сраженіи видитъ лишь случай добиться ордена, повышенія или денежной награды. Поручикъ Сакурай—младшій братъ моего друга, господина Хикои-широ-Сакурай,—лично участвовалъ въ трагической осадѣ Портъ-Артура, гдѣ выказалъ незаурядную храбрость. При этомъ онъ обладаетъ литературнымъ талантомъ. Его корреспонденціи съ театра войны читались съ большимъ интересомъ; онъ ярко описывалъ, какъ внѣшнія событія того времени, такъ и нравственное состояніе воюющихъ сторонъ. Я узналъ позднѣе, что онъ былъ тяжело раненъ во время перваго большого штурма и вынужденъ былъ писать свои корреспонденціи лѣвой рукой, такъ какъ правая утратила способность дѣйствовать. Онъ нарисовалъ намъ величественныя и грустныя картины войны, далъ яркіе образы людей, переживавшихъ тяжелыя невзгоды, а порою и минуты высокаго счастья и славы,—словомъ развернулъ передъ нами всю потрясающую драму Портъ-Артура. Его можно поздравить съ выдающимся и заслуженнымъ успѣхомъ. Его заслуга особенно въ томъ, что своимъ общедоступ-

*) „Смерть—это возвращеніе домой“—выдержка изъ китайскихъ классиковъ.

нымъ изложеніемъ онъ выяснилъ массѣ причину непрерывнаго успѣха японскихъ войскъ, разсказалъ о геройствѣ тѣхъ тысячъ людей, кости коихъ бѣлѣютъ въ пустыняхъ Ліаотунга. Онъ пишетъ такъ же хорошо, какъ бился на полѣ сраженія. Его книга оставитъ, несомнѣнно, яркій слѣдъ въ нашей военной литературѣ.

Шигенобу-Окума.

Отъ автора.

Русско-Японская война! Эта страшная борьба двухъ націй, наконецъ, окончилась... Сотни и тысячи храбрецовъ вернулись на родину, увѣнчанные побѣдными лаврами и восторженно привѣтствуемые благодарной націей. Какой торжествующій и ликующій у нихъ видъ... но за радостной улыбкой чувствуется подавленная слеза при воспоминаніи о товарищахъ, погибшихъ въ далекой Манчжуріи, во славу родины и Императора... они не дожили до побѣдоноснаго возвращенія домой...

Когда, по окончаніи Китайско-Японской войны, войска возвращались въ Японію, одинъ отрядъ передъ посадкой на суда отпросился сходить проститься съ могилами погибшихъ товарищей... Я слышалъ, какъ одинъ солдатикъ, выступивъ изъ рядовъ, подошелъ къ одной изъ могилъ и сквозь горькія слезы проговорилъ:

„Другъ Като! Я возвращаюсь въ Японію... Мы бились бокъ-о-бокъ подъ дождемъ и вѣтромъ, подъ градомъ пуль... ты погибъ, я остался живъ... мнѣ кажется, что я виноватъ передъ тобою, и жалко и больно мнѣ оставлять тебя тутъ одного... но не печалься, другъ Като, теперь Ліаотунгскій полуостровъ принадлежитъ намъ... ты остаешься не въ чужой землѣ... слышишь, другъ? Мнѣ пора... Прощай!“

Онъ говорилъ словно съ живымъ товарищемъ, стараясь отъ всего сердца успокоить и ободрить его. Передъ вѣчной разлукой съ нимъ онъ молча простоялъ нѣсколько минутъ... затѣмъ смахнулъ слезу, полилъ могилу водою изъ своей фляги и покорно занялъ свое мѣсто въ рядахъ.

Это было 10 лѣтъ назадъ. На пути въ Японію отрядъ узналъ, что Ліаотунгскій полуостровъ у нихъ отобранъ! Бѣдный Като, ты съ улыбкой умиралъ за родину... неужели ты погибъ безцѣльно? Каково было отчаяніе оставшагося въ живыхъ его товарища... вѣдь кости славнаго Като остались на чужбинѣ!

Десять лѣтъ мы ждали случая отомстить за эту обиду! Когда непобѣдимая Императорская армія снова высадилась на эту землю... изъ нѣдръ ея тысячи погибшихъ здѣсь привѣтствовали возвратившихся товарищей; казалось, ихъ геройскія души не могли найти покоя въ этой вырванной у нихъ землѣ. Когда я впервые вступилъ на полуостровъ, я невольно воскликнулъ: „Это наша, японская земля! Мы купили ее цѣной крови нашихъ славныхъ воиновъ!“

Во все время моего пребыванія на этихъ мѣстахъ, я тщательно разыскивалъ какіе-либо слѣды погибшихъ и погребенныхъ здѣсь десять лѣтъ назадъ... но не могъ найти ни малѣйшаго признака могилъ. Но я чувствовалъ вездѣ кругомъ невидимое присутствіе этихъ жертвъ войны: онѣ воодушевляли насъ и двигали на новыя побѣды.

„Подъ нашими ногами тлѣютъ кости нашихъ братьевъ, надъ нами паритъ ихъ духъ... онъ не

находитъ себѣ успокоенія. Люди умерли, но души ихъ безсмертны! Тамъ въ выси, надъ нами онѣ зовутъ насъ въ бой“!.. вотъ что говорилъ я солдатамъ, ведя ихъ противъ непріятеля.

Волею Бога и мудростью Его Величества, Императорскія войска побѣдили непріятеля на морѣ и на сушѣ. Армія достигла безпримѣрнаго успѣха и доставила своей родинѣ грозное могущество и всемірную славу. Отторгнутый когда-то у насъ полуостровъ снова сталъ нашимъ; на немъ снова охраняются и чтутся могилы тѣхъ, кто палъ въ безрезультатной борьбѣ десять лѣтъ тому назадъ. Исторія сохранитъ намъ память о сотняхъ тысячъ храбрецовъ, мужественно и радостно покидавшихъ семьи и родину, чтобы умереть за нее среди горъ Ліаотунга, долинъ Манчжуріи и въ водахъ Желтаго и Японскаго морей; потомство не забудетъ ихъ подвиговъ. Безъ сомнѣнія, Русско-Японская война дождется своего достойнаго историка; я же, скромный участникъ самыхъ ужасныхъ и тяжелыхъ боевъ, когда-либо извѣстныхъ въ военной исторіи, хочу только разсказать то, чего я былъ очевидцемъ и что пережилъ во время осады Портъ-Артура; быть можетъ, и мой слабый, но правдивый разсказъ поможетъ читателю понять весь ужасъ этой тяжелой трагедіи.

Тадеуши Сакурай.

ЖИВЫЯ ЯДРА.

ГЛАВА I-я.

Мобилизація.

Во второмъ мѣсяцѣ тридцать седьмого года эры Мейджи *) дипломатическія отношенія между Японіей и Россіей стали обостряться и грозили разрывомъ. Съ первой минуты войны японскій флотъ нанесъ пораженіе русскимъ судамъ при Чемульпо и въ Портъ-Артурѣ. Его Императорское Величество объявилъ войну, отдавъ приказъ о мобилизаціи арміи. При этомъ извѣстіи мы, японскіе солдаты, возликовали: наконецъ, настала такъ долго ожидаемая минута отмщенія. Слово „мобилизація“ радостно отозвалось въ нашихъ сердцахъ и всѣ мы одинаково стремились на войну. Какая дивизія формируется первою? Какая будетъ за нею слѣдующая? Долго ли придется намъ ждать своей очереди? Лишь бы не медлили; только бы скорѣе попасть въ дѣйствующую армію!—раздавалось повсюду кругомъ. Не потому, чтобъ мы хотѣли отличиться въ первыхъ же бояхъ, но потому, что мы не хотѣли отставать отъ

*) Мейджи—значитъ освѣщеніе. Эра начинается съ воцареніемъ настоящаго Императора.

тѣхъ, на долю которыхъ выпадетъ первая честь сразиться съ врагомъ. Но что могли мы сдѣлать до полученія „приказа“? Мы, солдаты, готовы были броситься въ огонь и въ воду по первому слову команды, но желанное слово „впередъ“ еще не раздавалось. Мы ждали приказа о нашей мобилизаціи съ трепетной надеждой, какъ землепашецъ ждетъ благодатнаго дождя во время засухи. Въ храмахъ читали молитвы о мобилизаціи, какъ молятъ иногда о дождѣ. У всѣхъ въ мысляхъ и на устахъ было одно желаніе, одно слово—„мобилизація“. Наконецъ, въ половинѣ апрѣля—мѣсяца „вишневаго цвѣта“ *), столь любимаго японскими солдатами, услыхали мы желанный приказъ выступать, и нашъ гарнизонъ сталъ лихорадочно готовиться къ отправкѣ на театръ военныхъ дѣйствій. Я былъ тогда знаменосцемъ полка. Узнавъ о приказѣ, я подошелъ къ командиру и сказалъ ему: „Примите самыя сердечныя поздравленія, полковникъ, мы получили приказъ“. На мои слова полковникъ Аоки посмотрѣлъ на меня съ счастливой улыбкой и, вздохнувъ облегченно, проговорилъ: „Дождались, наконецъ!“ Да это былъ счастливѣйшій день въ нашей жизни... я не могъ удержаться, чтобы не пойти и не сообщить радостную вѣсть всѣмъ офицерамъ ближайшихъ полковъ... Словно электрическая искра пробѣжала по всѣму гарнизону. Каждому казалось возможнымъ вступить въ единоборство съ цѣлой Россіей, и хотя

---

*) „Вишневый цвѣтъ“ чтится у японскихъ воиновъ какъ эмблема красоты, недолговѣчности и геройской смерти.

мы еще оставались въ Японіи, но мысли и сердца наши уже были на Ліаотунгѣ.

Резервисты перваго и второго призыва также радостно и спѣшно собирались къ своимъ полкамъ. Нѣкоторые были такъ бѣдны, что, уходя, не знали, съ чѣмъ оставить женъ и дѣтей; другіе покидали больныхъ и престарѣлыхъ родителей; у каждаго было свое дѣло, своя забота, но въ эту минуту, когда ихъ призвали итти воевать за честь и славу родины, все остальное было забыто и каждый считалъ счастьемъ и честью отдать свою жизнь во славу всей націи. Прибывающіе резервисты своимъ приподнятымъ настроеніемъ еще болѣе поднимали общій духъ полковъ.

Бывали и грустные и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательные эпизоды: одинъ резервистъ 1-го призыва Никамура долженъ былъ оставить совсѣмъ больную жену и трехлѣтняго ребенка; они были такъ бѣдны и немощны, что имъ предстояло умереть съ голоду. Но что значила своя бѣда, когда націи нужны солдаты. Наканунѣ отправки мужа бѣдная, истощенная женщина едва дотащилась до ближайшаго города и на свои послѣднія гроши купила немного рису и вязку топлива, чтобы въ такую торжественную минуту устроить прощальный пиръ своему мужу. Онъ шелъ на войну—этимъ все сказано. Могла ли она, разставаясь съ мужемъ и отдавая ему послѣднее, думать о томъ, что съ его уходомъ ей нечѣмъ будетъ прокормить себя и истощеннаго ребенка!

Рано, до восхода солнца, обнявъ жену и ребенка и не простившись съ сосѣдями, Никамура

бодро отправился къ своему посту... Я разсказалъ лишь одинъ случай, но такихъ было сотни и тысячи. Надо сказать, что сосѣди и односельчане никогда не оставляли безъ помощи семей ушедшихъ на войну и этимъ не мало способствовали спокойному и бодрому состоянію духа сражающихся.

При осмотрѣ собравшихся по своимъ полкамъ резервистовъ 1-го и 2-го призыва, нѣкоторыхъ пришлось забраковать по слабости здоровья или другой причинѣ. Надо было только видѣть отчаяніе забракованныхъ и слышать ихъ мольбы:

„Нельзя ли меня принять! Вѣдь меня такъ весело снаряжали на войну, такъ долго кричали „банзай“ *), когда отходилъ нашъ поѣздъ! Я былъ увѣренъ, что не вернусь домой. Какой позоръ быть выброшеннымъ за негодностью!“ Офицерамъ стоило большого труда успокоить ихъ и уговорить спокойно вернуться домой.

— „Съ Богомъ, товарищъ! Не горюй о семьѣ, ужъ мы о ней позаботимся“.

— „Спасибо вамъ, въ долгу не останусь, привезу въ гостинецъ дюжинку, другую русскихъ головъ!“

— „Другъ Саку, будь здоровъ, пока не сразитъ тебя пуля—это добрая смерть... твоихъ не оставимъ!“

— „Если не вернусь на родную землю, такъ помяните, друзья!“

— „Прощайте, родину и народъ не посрамимъ!“..

Такія восклицанія раздавались со всѣхъ сторонъ. Полная готовность, даже радость, итти противъ

*) Наше „ура“. Въ буквальномъ переводѣ—„Десять тысячъ лѣтъ тебѣ!“

врага и въ то же время увѣренность, что семьи не останутся безъ призора! Съ такими чувствами можно было только побѣждать! Съ ранняго утра и до глубокой ночи работали мы всѣ, пока не закончилась мобилизація, пока всѣ не были распредѣлены: кто въ полевыя войска, кто въ запасные баталіоны, и, наконецъ, всѣ были готовы къ выступленію.

Тѣ, кому пришлось остаться до времени въ резервѣ, были огорчены и умоляли офицеровъ зачислить ихъ въ дѣйствующую армію... Товарищи успокаивали ихъ тѣмъ, что война съ Россіей не могла окончиться въ полгода и даже въ 1 годъ, что настанетъ и ихъ очередь и, быть можетъ, именно на ихъ долю выпадетъ счастье нанести послѣдній ударъ непріятелю.

Разскажу грустный эпизодъ, случившійся передъ самымъ нашимъ выступленіемъ: въ числѣ другихъ не попалъ въ передовой полкъ Того Міятаке и долженъ былъ остаться съ резервомъ и ждать своей очереди въ Буддійскомъ храмѣ Кван-нон-и. Онъ былъ совершенно здоровъ и бодръ духомъ, когда прощался съ родителями, братьями и друзьями, обѣщая вступить въ первые ряды арміи. И вдругъ ему велятъ спокойно ждать своей очереди, что казалось ему ужаснымъ позоромъ и обидой; въ такомъ подавленномъ состояніи духа, бѣдный Того рѣшился умереть, чтобы душа его, освобожденная отъ тѣлесныхъ узъ, послѣдовала бы за товарищами, шедшими въ бой. Ночью, когда всѣ кругомъ спали, онъ написалъ записку, въ которой, прощаясь съ товарищами, говорилъ: „Не могу пережить от-

чаянія ждать и не итти съ вами. Живымъ меня не берутъ, такъ мертвымъ буду впереди всѣхъ“... Затѣмъ онъ распоролъ себѣ животъ кинжаломъ, отравленнымъ бѣлымъ деревомъ *), при чемъ слабѣющими губами шепталъ „банзай“ Императору и обливался слезами. Это случилось въ дождливую, унылую ночь 12-го мая въ отдаленномъ уголкѣ полуразрушеннаго храма. Но небо сжалилось надъ несчастнымъ... товарищи во время увидали, что онъ сдѣлалъ, подали помощь, перевязали рану и привели въ чувство. Онъ былъ затѣмъ отправленъ въ лазаретъ и по выздоровленіи отосланъ домой... впослѣдствіи ему все-таки разрѣшили отправиться въ дѣйствующую армію. Благоразумные люди, конечно, назовутъ его безумцемъ или фанатикомъ, но нельзя отрицать, что этотъ случай свидѣтельствовалъ о дѣтски чистой вѣрѣ и геройскомъ духѣ, царившихъ въ цѣлой арміи.

Русскіе гордятся обширностью своей Имперіи и многочисленностью войскъ, но народъ ихъ подавленъ и приниженъ бюрократіей. Поэтому они не только не стремились попасть на эту войну, начатую бюрократіей, но даже шли такъ неохотно, что, казалось, ихъ чуть не штыками гнали въ Манчжурію. Да, русскіе солдаты сильны и храбры, но имъ недостаетъ силы духа — главнаго условія успѣха на войнѣ. У насъ же, напротивъ, при самой строгой воинской дисципли-

---

*) Отравленные бѣлымъ деревомъ съ такой же рукояткой кинжалы употребляются японцами при совершеніи chara-kiri.

нѣ, въ каждомъ солдатѣ жилъ непобѣдимый духъ—Ямато-дамаши *).

Всѣ многочисленныя и разнообразныя распоряженія и работы, вызванныя мобилизаціей, исполнялись и завершались съ заранѣе предусмотрѣнной механической точностью и своевременностью. Теперь все было готово и мы ждали дня выступленія.

Это было время радостнаго ожиданія. Казалось, даже руки и ноги наши рвались въ бой; съ любовью осматривали мы свое блестящее оружіе, горя желаніемъ скорѣе пустить его въ дѣло...

Когда всѣ приготовленія были закончены, нашъ полковой командиръ произвелъ намъ смотръ. Большое поле отъ одного конца до другого было покрыто тысячами солдатъ и офицеровъ, вполнѣ снаряженныхъ и вооруженныхъ. Намъ предстояло дружно, вмѣстѣ, плечомъ къ плечу итти навстрѣчу острымъ штыкамъ и свистящимъ ядрамъ, вмѣстѣ мокнуть подъ дождемъ, зябнуть въ пронизывающемъ до костей туманѣ, вмѣстѣ ѣсть и спать, вмѣстѣ итти навстрѣчу опасности и самой смерти.

Подъ торжественные звуки полковыхъ трубъ было принесено славное полковое знамя и по командѣ полковника Аоки войска торжественно отдали ему честь. Три тысячи храбрецовъ отдавались въ его распоряженіе.... Полковникъ говорилъ мнѣ позднѣе, что онъ и страшился возложенной на него

---

*) Ямато-дамаши—духъ Ямато—выраженіе, заключающее въ себѣ идею всего героизма народа и исторіи Японіи. Ямато—было названіе провинціи, прежде всего покоренной Джимму-Тенно и послужившей основаніемъ его имперіи. Это названіе сохранилось и до нашего времени, но часто употребляется какъ понятіе всей Японіи вообще.

отвѣтственности за жизнь и честь этихъ тысячъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ гордился мужественнымъ и бодрымъ духомъ солдатъ. По окончаніи смотра полковникъ обратился къ намъ съ напутственной рѣчью и его трогательныя, воодушевленныя слова такъ взволновали насъ, что большинство едва удерживало слезы.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого смотра командующій бригадой, генералъ Яманака, обратился къ войскамъ съ письменнымъ приказомъ, гласившимъ:

„Знамя вашего полка покрыло себя славой въ послѣдней войнѣ съ Китаемъ,—славой, которая не изгладилась изъ вашей памяти. На васъ легла обязанность не только уберечь ее, но и придать ей вашими подвигами новый блескъ—это въ рукахъ вашихъ. Помните, что малѣйшее пятно на этомъ знамени ляжетъ стыдомъ на васъ и никогда не смоется... Высоко несите его... Я буду дѣлить съ вами всѣ труды и опасности, съ радостью буду сражаться за это знамя, съ гордостью умру подъ нимъ. Вы главная опора Его Величества, надежда страны и народа. Свою великую обязанность вы исполните, никогда не отступая отъ пяти пунктовъ Императорскаго Приказа *), исполняйте свой долгъ и пусть въ поведеніи вашемъ выразятся тѣ чувства, которыя васъ воодушевляютъ... Нашъ Императоръ, посылая насъ, сказалъ:

„Мы вѣримъ въ ваше мужество и храбрость, дайте намъ побѣду и сохраните незапятнанной славу на-

---

*) Императорскій Приказъ сухопутнымъ и морскимъ войскамъ, который служитъ основой всей дисциплины и духа арміи.

Полное его содержаніе и эти 5 пунктовъ приведены въ Приложеніи В.

ціи". Какъ отвѣтить намъ на милостивыя слова Его Величества? Не посрамимъ славы Японіи, не обманемъ надеждъ народа, со всей силой мужества, до послѣдней капли крови, будемъ сражаться и добьемся побѣды. Если дадимъ прочный миръ своей странѣ— лучшей награды желать не можемъ".

Понимая сколько довѣрія оказывалъ намъ Императоръ, сколько надеждъ возлагалъ на насъ народъ, мы еще сильнѣе чувствовали свою отвѣтственность передъ націей и еще радостнѣе шли умирать за нее.

ГЛАВА II.

Отправленіе.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того радостнаго дня, когда былъ отданъ приказъ о мобилизаціи, намъ привелось пережить не менѣе значительное событіе—день нашего выступленія на театръ военныхъ дѣйствій.

Пока еще шли наши приготовленія, не разъ доходили до насъ слухи о побѣдахъ нашихъ войскъ при Чу-ли-ченгѣ *) и его окрестностяхъ.

Хотя мы искренно радовались такимъ извѣстіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно опасались, что, если ходъ событій будетъ итти такимъ ускореннымъ темпомъ, то война можетъ окончиться прежде, чѣмъ намъ прикажутъ выступать. „Такія-то дивизіи уже отправлены, зачѣмъ же насъ задерживаютъ. Пока мы томимся здѣсь, другіе дѣлаютъ славное дѣло и одерживаютъ побѣды. Что же останется на нашу долю“. Такъ думали почти всѣ, и поэтому столь долго жданный приказъ о выступленіи засталъ насъ вполнѣ готовыми.

Въ этотъ желанный день намъ приказано было

---

*) При Тюренченѣ. Примѣчаніе переводч.

собраться на плацу къ 6 час. утра. Радость наша была безмѣрна: насталъ великій день нашей жизни. „И храбрецъ можетъ заплакать,—говоритъ пословица,—но онъ не выронитъ слезы въ минуту разлуки“. Хотя всѣ мы радостно и охотно шли навстрѣчу неизвѣстному будущему, но эта неизвѣстность и заставляла насъ думать о вѣроятности вѣчной разлуки—отца съ дѣтьми, мужа съ женой и брата съ сестрой. „Самъ Oni *) можетъ пролить слезу“,—гласитъ другая поговорка,—тѣмъ болѣе намъ было простительно глотать скрытыя слезы, маскируя невольную печаль веселой улыбкой.

Въ ночь передъ выступленіемъ я собралъ фотографіи старыхъ своихъ друзей, простился съ ними, привелъ въ порядокъ всѣ свои вещи, чтобы не было съ ними хлопотъ моимъ друзьямъ въ случаѣ моей смерти. Покончивъ со всѣмъ этимъ, я въ послѣдній разъ улегся на удобной кровати и крѣпко заснулъ. Въ 3 часа утра раздались 3 залпа изъ пушекъ съ крѣпостной башни. Я бодро вскочилъ съ постели, обмылся холодной водой, одѣлся въ новый мундиръ и, обратясь на востокъ, гдѣ находился Императоръ, я прочелъ Его объявленіе о войнѣ и мысленно произнесъ обѣтъ о вѣрной службѣ Его Величеству. Я всталъ передъ семейнымъ хранилищемъ останковъ моихъ предковъ и прочелъ прощальныя молитвы; я былъ увѣренъ, что прощаюсь съ ними навсегда... и вдругъ почувствовалъ непонятный трепетъ... мнѣ слышались ихъ напутственныя слова: „Ты не принадлежишь теперь себѣ... не

*) Oni—злой духъ, діаволъ.

обезславь своихъ предковъ трусостью. Иди, сражайся за родину и Императора—за нихъ сложи свои кости, пролей свою кровь“..

Моя семья и родственники собрались проводить меня, дать мнѣ выпить на дорогу чашку Zake *) и поздравить съ желаннымъ отъѣздомъ.

„Не заботься о томъ, что оставляешь дома; отдай всѣ свои мысли святому дѣлу, на которое идешь. Отецъ не боится потерять тебя... Умирая за родину, ты прибавишь новый цвѣтокъ къ нашему семейному дереву“...—вотъ, что сказалъ мнѣ прощаясь отецъ.

„Прошу обо мнѣ не печалиться; умереть за родину есть величайшее счастье для солдата. Берегите свой покой“...—отвѣчалъ ему я. Также прощались, ободряя и поздравляя другъ друга и въ другихъ семьяхъ.

---

*) Прощальная чаша воды (naizu—sakazuki—чаша воды и вина), о которой говоритъ не разъ поручикъ Сакурай въ своемъ разсказѣ, есть религіозный обычай, весьма давняго происхожденія. Когда умираетъ японецъ, ближайшій изъ присутствующихъ его родственниковъ подноситъ ему чашу воды, выпивъ которую, онъ очищается для будущей жизни. То же дѣлается, когда кто-либо отправляется въ дальнее путешествіе—наливаютъ ему не кубокъ вина—символъ веселья и дружбы, но чашу воды—символъ чистоты. Въ одной японской классической драмѣ „Тайкоки“, дававшейся на сценѣ еще въ 1582 году, Таско, молодой юноша, отправляется на войну; онъ женихъ и передъ отъѣздомъ его совершается брачный обрядъ. Но чаша, которую должны выпить вмѣстѣ женихъ и невѣста, наполняется не sake, а водою въ знакъ того, что союзъ ихъ не для здѣшней, а для будущей жизни. Женихъ послѣ обряда отправляется на войну, гдѣ и находитъ смерть. Невѣста немедленно убиваетъ себя и соединяется съ мужемъ въ новой жизни, какъ соединились они, выпивая вмѣстѣ брачную чашу воды.

Когда наступилъ моментъ разлуки, я взялъ саблю—святыню нашей семьи—опоясался ею, выпилъ прощальную чашу воды, которую мнѣ подала мать, и вышелъ изъ дому съ легкимъ сердцемъ и легкимъ шагомъ, не надѣясь когда-либо вернуться домой.

Одинъ изъ офицеровъ, также бодро и охотно отправлявшійся на войну, потерялъ любимую жену за нѣсколько часовъ до своего выступленія въ походъ; она умерла, оставивъ ему ребенка. Бѣдняга не могъ даже проводить жену до могилы и, глотая слезы, твердо отправился въ путь. Личное горе должно быть забыто передъ національной бѣдой, но человѣческая природа имѣетъ тоже свои права... и бѣдному офицеру въ походной палаткѣ по ночамъ долго снился деревянный столбъ *) на могилѣ жены и колыбель, въ которой плакалъ, зовя мать, его бѣдный ребенокъ.

Въ 6 час. утра нашъ полкъ выстроился въ резервной колоннѣ; передъ ней подъ торжественные звуки марша „Аши-бики“ развѣвалось полковое знамя. Ждали полковника, который долженъ былъ вести насъ „по песчанымъ, пустыннымъ равнинамъ“. Молодцы солдаты ждали полковника, считая себя какъ бы слитыми съ нимъ воедино. Всѣ мы сказали „прости“ своимъ родителямъ и родному дому, отнынѣ полковникъ будетъ нашимъ

---

*) На могилахъ въ Японіи ставятся деревянные четырехугольные столбы, съ написанными на нихъ прежнимъ и новымъ, буддійскимъ, именемъ покойника. Въ концѣ перваго года деревянные столбы замѣняются каменными плитами.

отцомъ, а пустынная степь нашей родиной. Трудно выразить словами ту духовную связь, которая установилась сама собою во всемъ полку между старшими и младшими, безъ различія между тѣмъ, кто приказывалъ и кто повиновался. Полковникъ обошелъ ряды, поздоровался и громко прочелъ послѣдній приказъ и наставленія; затѣмъ по его примѣру мы трижды восторженно прокричали „банзай“ Его Величеству нашему верховному вождю. Полковникъ произнесъ:

„Впередъ, по слову нашего великаго Императора, славные воины. Гдѣ вы появитесь, тамъ разверзнутся небеса и задрожитъ земля. Первый баталіонъ, направо кругомъ, маршъ!“—Это были первыя слова команды, услышанныя нами отъ полковника Аоки. Они еще болѣе воодушевили насъ въ стремленіи сразиться и побѣдить врага.

Длинной нитью вытянулся нашъ полкъ и, сопровождаемый громкимъ „банзай“ собравшагося народа, медленно двинулся въ путь. Все слабѣе и слабѣе доносился оставшимся шумъ нашихъ шаговъ, все тише слышался имъ лязгъ нашего оружія и звуки полкового оркестра, которыми мы съ ними прощались, а между тѣмъ намъ все еще слышенъ былъ ликующій „банзай“ провожавшей насъ толпы и виденъ былъ издали развѣвающійся національный флагъ. И позднѣе, когда мы шли въ опасную атаку, въ нашихъ ушахъ раздавался этотъ вызывающій „банзай“ и мы знали, что нашъ военный кличъ эхомъ отдается въ сердцахъ нашихъ собратьевъ... одна душа страдала и ликовала во

всемъ японскомъ народѣ, однимъ пульсомъ бились наши сердца.

Мнѣ назначена была почтенная должность состоять при полковомъ знамени. Всюду, гдѣ мы проходили, толпы народа, собиравшіяся на нашемъ пути, низко кланялись знамени и привѣтствовали его громкими возгласами. Все это прямо кружило мою голову и поддерживало во мнѣ сознаніе всей важности и отвѣтственности возложенной на меня задачи. Во время пути замѣтилъ меня Г. Коима, бывшій въ теченіе пяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ высшей военной школѣ, моимъ учителемъ. Онъ пробрался ко мнѣ сквозь толпу и радостно, глядя на меня, проговорилъ: „Бодрись, Сакурай, иди къ славѣ“. Эти добрыя слова вспоминались мнѣ часто во время кампаніи и не разъ ободряли и успокаивали меня.

Часто, когда мы проходили вблизи селеній, толпы дѣтей высыпали намъ навстрѣчу и провожали насъ криками и пѣніемъ. Ихъ звонкіе голоса трогали насъ до глубины души, а старыя, сгорбленныя женщины протягивали намъ руки, перебирая четки и громко молясь за насъ. „Вы идете за всѣхъ насъ, славные воины; великій Будда сохранитъ и направитъ васъ“...—говорили онѣ.

Два транспортныхъ судна, „Кагошима-Мару“ и „Явата-Мару“, готовыя отправиться въ путь, ждали насъ на якорѣ. Началась посадка людей на суда; шлюпки сновали взадъ и впередъ. Всѣ пригорки и холмы по берегу были усыпаны людьми всякаго возраста, пришедшими сюда изъ сосѣднихъ селъ и городовъ. И здѣсь развѣвались національные флаги и слышались крики „банзай“. Губернаторъ Егим-

кена пришелъ пожать руку нашему полковнику и дружески простился съ нимъ.

Наконецъ, всѣ размѣстились, выкинули флаги и медленно тронулись... куда? Оставляя за собою густые клубы дыма, мы направились къ западу... желанному западу. Внезапно темныя тучи закрыли небо, полилъ дождь, скоро превратившійся въ ливень.

Друзья! Братья! Думали ли вы, провожая насъ, бодрыхъ веселыхъ, что мы вернемся къ вамъ, покрытые славой!

ГЛАВА III.

Въ пути.

Подъ вліяніемъ сердечныхъ проводовъ наше воображеніе увлекало насъ черезъ рѣки и горы на далекій западъ. Куда насъ везутъ? Гдѣ высадятъ? Гдѣ будемъ сражаться? Никто этого не зналъ, кромѣ нашего полковника и командира судна, которымъ были даны секретные приказы; да и тѣ не знали всего при отплытіи, такъ какъ получали предписанія постепенно по пути къ мѣсту назначенія. Везутъ ли насъ въ Шанам-пу, къ устью Ялу, къ Хайчену или, наконецъ, къ Портъ-Артуру?

Все это возбуждало безконечные толки, но въ сущности намъ было все равно, гдѣ высадиться и куда итти; у всѣхъ было одно желаніе, одна мечта: скорѣе исполнить волю Императора и со знаменемъ полка итти навстрѣчу врагу къ побѣдѣ. Къ вечеру 21-го мая*) мы прошли Симоносекскій проливъ; потерявъ изъ виду нашъ родной Нипонъ, мы невольно ощутили тоскливое чувство разлуки съ родиной. „Прощай, страна Ямато! Прощай, родная земля!“

Въ эту ночь Японское море было спокойно, а

---

*) Всѣ числа приведены по новому стилю. Прим. переводч.

послѣ утренняго ливня вѣтеръ совершенно разогналъ тучи Кругомъ все тихо;—тысячи солдатъ мирно спятъ. Что снилось имъ въ эту первую ночь на морѣ—оставленный востокъ или манящій западъ? Мягкій плескъ волнъ, шумъ пароходнаго винта и равномѣрное дыханіе спящихъ придавали тихую всей картинѣ прелесть. На слѣдующее утро небо совершенно прояснилось; всѣ суда шли полнымъ ходомъ мимо острова Мицуры; вдали виднѣлись Цусимскія горы... Вдругъ соколъ *) опустился на палубу нашего судна... люди гонялись за нимъ по палубѣ, радуясь счастливому предзнаменованію... Нѣсколько времени птица не оставляла корабля, то садясь на мачты, то кружась около нихъ. Принеся добрую вѣсть нашему экипажу, птица улетѣла, и сѣла на слѣдующее судно, какъ бы желая и тамъ подбодрить людей.

Скоро время стало казаться намъ безконечно длиннымъ и, чтобъ нарушить однообразіе нашего продолжительнаго плаванія, пришлось пускать въ ходъ всѣ наши „скрытые таланты“... Кто принимался разсказывать разные случаи изъ своей жизни, другой пугалъ исторіями о привидѣніяхъ или смѣшилъ анекдотами, иные пѣли народныя пѣсни и говорили о любовныхъ похожденіяхъ; каждый находилъ слушателей, которые группировались сообразно своимъ вкусамъ. Находились любители атлетическихъ упражненій... а кто-то, устроивъ

---

*) Эта птица всегда предвѣщаетъ побѣду. Легенда говоритъ, что соколъ былъ неизмѣннымъ спутникомъ Джима-Тенно во время его побѣдоноснаго шествія черезъ Ямато.

изъ ранцевъ кафедру, говорилъ съ нея, обмахиваясь вѣеромъ и подражая профессіональному оратору.

Аплодисменты и похвала раздавались на импровизированной сценѣ нашего судна, и лица исполнителей блистали удовольствіемъ и гордостью. Ихъ примѣръ подѣйствовалъ заразительно, и между этими людьми, скученными какъ картофель въ мѣшкѣ, оказались и разсказчики, и прорицатели, и фокусники, и заклинатели, которые наперерывъ смѣшили и занимали публику.

Мы всѣ, ѣдущіе на театръ войны, чтобы сражаться и не надѣясь вернуться живыми, сблизились между собой въ пути и жили какъ одна большая семья, стараясь общими силами заполнить длинные часы томительнаго ожиданія, и часто веселый, звучный хохотъ раздавался въ поощреніе исполнителей.

Цусима осталась уже далеко позади насъ и едва виднѣлась сквозь окружающій насъ туманъ; мы держали направленіе къ сѣверу вдоль Корейскаго берега съ его горными хребтами съ рѣзкими горными пиками; попрежнему мы продолжали развлекать себя и товарищей, но чаще всего, утомившись игрой въ до *) или другими развлеченіями, мы принимались обсуждать планъ предстоящей кампаніи, страстно желая, чтобы скорѣе поднялась завѣса, скрывающая его отъ насъ, и мы могли бы

*) Игра „до“ играется бѣлыми и черными фигурками на доскѣ, раздѣленной на квадраты; она требуетъ большой сообразительности и напряженнаго вниманія, она даже серьезнѣе игры въ шахматы. Весьма характерно, что въ Японіи она распространена во всѣхъ классахъ общества и во всѣхъ возрастахъ.

на театрѣ войны показать свою силу и знанье не только врагамъ, но и цѣлому міру.

Я помню точно, что 23-го мая нашъ капитанъ попросилъ каждаго изъ насъ, офицеровъ, дать ему наши автографы на память. Я взялъ листъ бумаги и на верху его нарисовалъ наше судно Кагошима-Мару, идущее на всѣхъ парахъ, а ниже полковникъ Аоки и всѣ офицеры подписали свои имена. 37 именъ оказалось на листѣ... какъ мало изъ подписавшихъ ихъ осталось въ живыхъ! Грустное воспоминаніе представляетъ этотъ листъ бумаги. Оставшись живымъ, но калѣкой и безполезнымъ въ жизни, я часто завидую товарищамъ, чьи кости покоятся въ Манчжуріи, а геройскій духъ обитаетъ въ храмѣ Кудана *).

24-го мая утромъ, проходя близъ острововъ Эллiота, мы увидали вдали на морѣ многочисленные дымки; то былъ нашъ соединенный флотъ, привѣтствующій наши суда. Какое великолѣпное зрѣлище представляли они въ океанѣ. Одинъ изъ броненосцевъ приблизился къ намъ и сталъ конвоировать насъ. Вѣроятно, онъ привезъ намъ приказы.

Земля была уже близко; намъ предстояло высадиться, чтобы отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, но мы до сихъ поръ еще не знали, гдѣ насъ высадятъ и куда поведутъ. Всѣ единодушно желали одного—итти къ Портъ-Артуру!

---

*) Куданъ—названіе горы въ—Токіо, на которой находится Шокон-ша или „Храмъ молящихся духовъ“, гдѣ обитаютъ души всѣхъ погибшихъ за родину. Это одинъ изъ религіозныхъ пунктовъ Новой Японіи.

ГЛАВА IV.

Опасная высадка *).

Вопросъ о томъ, гдѣ насъ высадятъ, занималъ насъ во все время нашего плаванія. Придется ли высадиться въ Таку-шанѣ и атаковать Хайченъ и Ляоянъ съ сѣвера, какъ думали одни, или мы пойдемъ прямо въ Печилійскій заливъ и пристанемъ въ Іякао, какъ предполагали другіе, или, наконецъ, насъ высадятъ въ какомъ-либо пунктѣ Ліаотунгскаго побережья и пошлютъ на югъ для атаки Портъ-Артурскихъ твердынь. Понятно, что всѣ высказываемыя предположенія мѣнялись вмѣстѣ съ направленіемъ нашего судна. Наконецъ, когда мы по картѣ увидали, что идемъ южнѣе острова Элліота, то поняли, что намъ предстоитъ высадка въ одномъ изъ ближайшихъ къ Портъ-Артуру пунктовъ. Велика была общая радость, когда мы убѣдились, что наши транспорты и конвоирующія ихъ военныя суда приняли это направленіе. Вскорѣ, несмотря на туманъ, мы могли различить длинную, узкую, темную полосу земли—то былъ

---

*) Авторъ описываетъ высадку 11-й пѣхотной дивизіи, назначенной въ составъ арміи генерала Ноги и оперировавшей все время противъ Портъ-Артура. Примѣчаніе переводч.

Ліаотунгскій полуостровъ, мѣсто, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ пало столько вѣрныхъ сыновъ Ямато, кости которыхъ истлѣвали одиноко въ этой землѣ! Наканунѣ съ вечера небо покрылось тучами, туманъ окуталъ все кругомъ. Сильный вѣтеръ порывисто обрушивался на мачты судна; онъ то разгонялъ облака, то снова сбивалъ ихъ въ темную массу; волны вздымались высоко и разливались бѣлоснѣжной пѣной по палубѣ. Кругомъ грозное море и сѣрыя облака, а тамъ вдали за ними небо Нипона, и вѣтеръ, яростно дующій съ той стороны, казалось, доносилъ къ намъ веселые клики „банзай“ оставшихся товарищей, легкій трескъ четокъ, перебираемыхъ старческими руками, и нѣжные звуки дѣтскихъ голосовъ, провожающихъ насъ боевою пѣснью.

Мы должны были высадиться на восточномъ берегу полуострова въ заливѣ Янтоува, къ юго-западу отъ Бицзыво. Здѣсь Китайское море образуетъ небольшой заливъ. Лучшей гавани на восточномъ берегу Ліаотунгскаго полуострова не было, если не считать Таліенвана, но эта прекрасная гавань была въ рукахъ непріятеля. Намъ не оставалось другого выбора и рѣшено было пристать къ названному выше весьма неудобному пункту исключительно въ виду стратегическихъ соображеній. Море у берега и въ названномъ заливѣ весьма ненадежно и даже при небольшомъ вѣтрѣ не только невозможно пристать къ берегу, но даже стоянка на якорѣ становится опасною; къ тому же море у берега очень мелко и всякому даже мелкосидящему судну приходится становиться по крайней мѣрѣ въ разстояніи 5 миль отъ берега, при сильномъ же вѣтрѣ еще далѣе. Можно себѣ

представить, какъ волновались при такихъ условіяхъ тѣ, на комъ лежала отвѣтственность за благополучную высадку войскъ. Наши конвоиры не отходили отъ насъ, не выпускали насъ изъ виду, охраняя отъ нападенія, словно морскія чайки, оберегающія своихъ птенцовъ. Но вѣтеръ крѣпчалъ, переходя въ бурю, море бушевало, волны вздымались высоко, подбрасывая наши суда, какъ скорлупки. Китайскія джонки, зафрахтованныя нашимъ правительствомъ, были сбиты вѣтромъ въ одну кучу, представляя цѣлый лѣсъ мачтъ, ежеминутно угрожая потопить одна другую, словно во время великаго нашествія монголовъ при попыткѣ ихъ высадиться въ Гакатанскомъ заливѣ *).

Могли ли мы безопасно пристать къ берегу и высадиться здѣсь? Если высадимся, пошлютъ ли насъ тотчасъ же въ дѣло? Мы чувствовали себя, какъ лошади, запряженныя въ экипажъ,—идемъ не зная куда, повинуясь возницѣ. Полковникъ одинъ зналъ, что слѣдовало дѣлать и наша участь была въ его рукахъ. Одно, впрочемъ, мы знали: мы должны высадиться и итти, куда намъ прикажутъ. Послѣ недолгаго ожиданія войска начали высаживаться, несмотря на рискъ; очевидно, обстановка на театрѣ войны не допускала никакого промедленія. Сотни джонокъ, шлюпокъ, лодокъ, паровыхъ катеровъ, явившихся словно по щучьему велѣнію, окружили

---

*) Указываемое нашествіе монголовъ относится къ 1274 г., когда Кублай-Ханъ, овладѣвъ Китаемъ и Кореею, задумалъ предпринять нашествіе на Японію. Его флотъ дошелъ до Гакатанскаго залива у береговъ Кіусіу, но тутъ японцы не дали высадиться монголамъ и отогнали ихъ суда въ море, гдѣ они и погибли отъ сильной бури.

насъ, чтобы принять съ судовъ и перевезти на берегъ солдатъ и офицеровъ. Огромныя волны, то вздымаясь, то опускаясь, казалось, готовы поглотить и лодки, и людей. Бережно и съ трудомъ держа въ рукахъ полковое знамя, я помѣстился въ одну шлюпку съ командиромъ полка. Мелкія лодки прицѣплялись къ паровымъ катерамъ, за которыми, толкаясь и взлетая на волнахъ, пробирались къ берегу. Наше знамя, несмотря на бурю и волны, благополучно достигло твердой земли. Какъ памятны наши первые шаги въ этой странѣ, занятой непріятелемъ. Казалось, мы только вчера оставили родину, а теперь уже не въ мечтахъ, а въ дѣйствительности вступили въ обѣтованную страну.

Какая радость, какое торжество водрузить Императорское знамя на Ліаотунгскомъ полуостровѣ, на этой землѣ, намъ родной, освященной пролитой здѣсь кровью нашихъ братьевъ! Буря все усиливалась, положеніе становилось критическимъ, нельзя было ни пристать лодкамъ къ берегу, ни вернуться на суда. Оставалось одно: отдаться силѣ вѣтра и волнъ и, воспользовавшись моментомъ, когда лодку прибьетъ близко къ берегу, броситься въ воду и стараться вплавь добраться до земли. Вотъ эпизодъ, доказывающій какому риску мы подвергались:

Капитанъ Тсукудо съ командой изъ 60 человѣкъ переправлялся съ корабля на маленькой лодкѣ, которую вела на буксирѣ паровая шлюпка. Волны подбрасывали лодку какъ мячъ, грозя ежеминутно поглотить ее въ водоворотѣ. Къ довершенію ужаса канатъ, прицѣпленный къ паровой шлюпкѣ, оборвался... Говорятъ, что даже гигантская птица „Но“,

которая пролетаетъ нѣсколько тысячъ верстъ безъ отдыха, не можетъ бороться съ такимъ ураганомъ: онъ обламываетъ ей крылья,—какое же сопротивленіе вѣтру могла оказать небольшая лодка! Повидимому, этой несчастной командѣ не оставалось ничего больше, какъ послужить лакомствомъ для морскихъ рыбъ. Спасенія ждать неоткуда! Воля небесъ должна свершиться. Смерть ихъ не страшила, но стать отбросомъ въ морѣ, умереть въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ земли, гдѣ ихъ ждалъ врагъ, погибнуть, не сразясь съ нимъ—это было поистинѣ ужасно. Съ воспаленными глазами, стоящими дыбомъ на головѣ волосами, капитанъ Тсукудо дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы спасти людей, но, увы! они были въ положеніи человѣка, упавшаго въ заброшенный колодезь среди пустыннаго луга,—онъ не тонулъ, но и не могъ выкарабкаться, такъ какъ корни, за которые онъ цѣплялся, были подгрызены крысами. Наконецъ, капитанъ Тсукудо бросился въ воду и поплылъ къ берегу, отчаянно борясь съ волнами, но неумолимыя онѣ не уступали его усиліямъ, играли его ослабѣвшимъ тѣломъ, то проглатывая, то выбрасывая свою жертву... капитанъ не выдержалъ и лишился чувствъ. Небо, однако, не отвернулось отъ него: онъ былъ выброшенъ на берегъ и, очнувшись, увидѣлъ себя совершенно нагимъ. Не теряя ни минуты на одѣванье, онъ бросился къ ближайшей палаткѣ и отчаянными жестами сталъ звать людей на помощь. Говорить онъ не могъ—горло пересохло и голосъ исчезъ, даже стоять долѣе не могъ—силы измѣнили ему, но онъ добился того, что команда его была спасена.

Одну барку, нагруженную амуниціей и лопадьми,

опрокинуло, лошади поплыли, но одна изъ нихъ отбилась отъ берега. Солдатъ, которому она была поручена, бросился вплавь за нею, но прежде, чѣмъ онъ до нея добрался, лошадь исчезла подъ водою, которая затѣмъ покрыла и храбраго солдата. Бѣдняга, его привязанность къ четвероногому товарищу была, какъ видно, сильнѣе любви аиста къ своимъ птенцамъ,—этотъ только жалобно кричитъ, когда дѣти покидаютъ гнѣздо. Хоть и не вражья пуля сразила его, тѣмъ не менѣе умеръ онъ почетною смертью, исполняя свой долгъ.

Нашли ли мы эту обѣтованную землю Ханаана такою, какъ мы ее себѣ представляли въ мечтахъ? Говоря откровенно, она совсѣмъ не казалась намъ столь заманчивою, хотя и лилась на ней 10 лѣтъ тому назадъ наша японская кровь. Мѣстность представляла, насколько видѣлъ взоръ, однообразную песчаную равнину, мѣстами покрытую камнями и галькой; на всемъ пространствѣ лежалъ однообразный красно-сѣрый отпечатокъ. По сравненію съ нашей плодородной, вездѣ воздѣланной почвой Японіи, ея веселымъ съ разнообразной окраской пейзажемъ, къ которому мы такъ привыкли, она казалась совершенно запущенной, заброшенной. Къ мѣсту высадки нашихъ войскъ явились со всѣхъ сторонъ сотни туземцевъ, съ лошадьми и телѣжками, жадныхъ заработать копѣйку. Что это за люди! Какіе-то пришибленныя существа съ безсмысленнымъ, животнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плутоватымъ выраженіемъ лица, не внушающимъ никакой симпатіи или довѣрія, а развѣ только жалость къ тому

рабскому положенію, въ которомъ ихъ держатъ. Сначала они было угрожали японцамъ, но издали, не рѣшаясь приблизиться къ нимъ ;вѣроятно, они испытали на себѣ варварское обращеніе русскихъ, которые отнимали у нихъ имущество, оскорбляли ихъ женъ и дочерей. Японцы, напротивъ, съ самаго начала и все время были справедливы, мягки въ своемъ обращеніи съ туземцами, ободряли ихъ и не препятствовали никому заниматься его обычнымъ дѣломъ, поэтому послѣдніе скоро перестали дичиться и оказывали намъ полное довѣріе*). Надо сказать, что это люди, готовые на все изъ-за денегъ, нищенствуютъ въ полномъ смыслѣ слова, имѣя не одну тысячу золотыхъ въ карманѣ. Наша армія не разъ платилась за свою довѣрчивость къ этимъ алчнымъ измѣнникамъ; объ этомъ разскажу послѣ.

Въ нашемъ лагерѣ постоянно раздавались крики: Ата, ата! Уо,уо!—это ихъ способъ погонять лошадей и коровъ. Мы часто дивились ихъ удивительному умѣнью обращаться съ лошадьми и вообще со скотомъ. Безъ ударовъ, безъ кнута, однимъ голосомъ они заставляли лошадей и другой скотъ итти, куда требовалось, и распоряжались ими, какъ собственными руками и ногами. Отношеніе между этимъ народомъ и его скотомъ можно сравнить съ отноше-

---

*) Въ данномъ случаѣ авторъ не можетъ отрѣшиться отъ тенденціознаго отношенія къ русскимъ. Китайцамъ стало житься несравненно лучше послѣ занятія Квантуна нашими войсками, чѣмъ при китайскомъ правительствѣ. Русскія власти и войска обращались съ ними вполнѣ гуманно и за время русскаго управленія Квантуномъ благосостояніе туземнаго населенія значительно увеличилось. Прим. перев.

ніями въ нашей арміи между солдатами и начальствующими: не страхъ кнута или наказанія, но безусловное уваженіе и сознаніе долга заставляли, первыхъ повиноваться безпрекословно,—въ этомъ тайна военной дисциплины и успѣха. Именно этого важнѣйшаго фактора въ военномъ дѣлѣ и недоставало русскимъ войскамъ, что намъ стало ясно позднѣе изъ показаній плѣнныхъ.

Лишь нѣсколько баталіоновъ нашей дивизіи успѣли, хотя и съ величайшими затрудненіями, съѣхать на берегъ, штормъ такъ усилился, что высадку людей велѣно было пріостановить. Полковникъ Аоки, его адъютантъ, переводчикъ, полковой священникъ и я отправились, съ небольшимъ конвоемъ, черезъ лежащую кругомъ насъ пустыню, по направленію къ Ванг-шіа-тунъ,—пункту, намѣченному для нашей первой ночевки на полуостровѣ. Мы стали оріентироваться въ мѣстности по картѣ, а переводчикъ разспрашивалъ встрѣчныхъ туземцевъ. У меня съ собой былъ карманный китайско-японскій словарь и съ помощью его я спросилъ: „Были здѣсь русскіе солдаты?“—на что получилъ отвѣтъ: „Они отошли въ Портъ-Артуръ“. Мы всѣ были опечалены, узнавъ, что намъ не придется немедленно же встрѣтиться съ непріятелемъ.

Пройдя 15—16 миль по песчаной равнинѣ, мы добрались до маленькой, крытой ивовыми прутьями, деревушки Ванг-шіа-тунъ; былъ дождивый холодный вечеръ... какія-то странныя птицы лletали, ища защиты на ночь.

Глуполицые старики и грязные мальчишки обсту-

пили насъ, разсматривая съ смѣшнымъ любопытствомъ. Старики почти всѣ сосали длинныя трубки; они, казалось, были въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что происходило въ странѣ. Грязь и зловоніе ихъ жилищъ не поддаются описанію, — мы съ непривычки прямо не могли оставаться въ нихъ. Хотя это напоминало нашей лагерной стоянкой, но мы вынуждены были удовольствоваться тѣмъ, что расположились кое-какъ подъ навѣсами крышъ, но и тутъ доходила до насъ отвратительная вонь, а толпившіеся вокругъ насъ старые и малые китайцы отравляли воздухъ присущимъ имъ запахомъ чеснока. Хотя наши голодные желудки съ радостью привѣтствовали поданный намъ поджаренный рисъ, но обонятельные нервы не дали намъ вполнѣ насладиться этимъ вкуснымъ угощеніемъ.

Въ такихъ условіяхъ провели мы, успѣвшіе высадиться, нашу первую ночь на Ліаотунгѣ. Души погибшихъ здѣсь нашихъ товарищей, казалось, витали надъ нами, напоминая намъ, чего ждала отъ насъ родина. Подъ палатками, плохо защищающими отъ дождя и вѣтра, на маисовой соломѣ, спали сномъ невинныхъ младенцевъ наши люди, порою улыбаясь сквозь сонъ. Что снилось имъ? Нѣкоторые изъ нихъ провели безъ сна всю ночь, сидя задумчиво передъ костромъ изъ такой же соломы и доѣдая остатки лакомства, положеннаго при прощаньи родными въ ихъ походные ранцы.

На разсвѣтѣ вдругъ загремѣлъ громъ и заблистала молнія на восточной сторонѣ неба... Боже, то

была не молнія, но снопы пламени, не громъ—а грохотъ орудій, бѣшенный вѣтеръ увеличивалъ ужасъ картины, небо казалось залитымъ кровью! Великая битва въ Ҷаньшанѣ!.. Мы себя не помнили отъ радостнаго возбужденія *).

*) Авторъ высадился на Ляодунскомъ полуостровѣ наканунѣ боя подъ Цзиньчжоу 13—26 мая. Прим. перев.

ГЛАВА V.

Значеніе Портъ-Артура.

Знаменательный день 2-го января 32 года Мейджи навсегда останется въ народной памяти—это былъ день двойного торжества: рожденіе внука Императора и паденіе Портъ-Артура. Да, болѣе памятнаго и великаго дня въ исторіи не было. Паденіе Портъ-Артура составитъ эпоху во всемірной исторіи. Но надо помнить, что такой результатъ былъ достигнутъ потоками крови. Генералъ Куропаткинъ неоднократно указывалъ на несокрушимую силу укрѣпленій Портъ-Артура и увѣрялъ, что онъ еще болѣе года могъ выдержать самую жестокую осаду, но непрерывный неустанный дождь снарядовъ осаждающей арміи вынудилъ русскихъ сдать крѣпость послѣ 250 дней осады. Со времени перваго сраженія при Наньшанѣ *) до капитуляціи Стесселя выросли горы изъ японскихъ тѣлъ и протекли рѣки ихъ крови! Долго сомнѣвались въ возможности окончательной нашей побѣды, но духъ великаго Ямато, который тверже, чѣмъ самая крѣпкая сталь, красивѣе, чѣмъ цвѣтъ вишни тысячи

---

*) Цзиньчжоуская позиція. Прим. перев.

кустовъ,—не оставлялъ насъ и показалъ, что онъ сильнѣе всякихъ укрѣпленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны отдать должное неизмѣнному мужеству, съ которымъ русскія войска защищали свои позиціи при самыхъ трудныхъ, мучительныхъ условіяхъ. Мы признаемъ совершенно правильнымъ мнѣніе, высказанное иностраннымъ критикомъ: „Прекрасно осаждали—прекрасно защищались“.

Еще со времени Японско-Китайской войны вниманіе всего міра было привлечено Портъ-Артуромъ. Россія употребила около 10 лѣтъ и сотни милліоновъ іэнъ на его укрѣпленіе *). Его значеніе въ стратегическомъ отношеніи считалось столь важнымъ, что паденіе его признавалось за фактическое окончаніе Японской войны, какъ нѣкогда сдача Плевны была поворотнымъ пунктомъ Русско-Турецкой войны. Крѣпость Портъ-Артуръ, помимо своихъ укрѣпленій, орудій и гавани, была сильна по природнымъ условіямъ, будучи окружена горами, имѣющими отъ 2-хъ до 5-ти сотъ метровъ высоты. Прибавьте къ этимъ природнымъ преимуществамъ всемірную извѣстность русскихъ въ искусствѣ возводить укрѣпленія. Каждый холмъ, каждая возвышенность имѣли особыя своеобразныя укрѣпленія, были вооружены орудіями и пулеметами и были въ состояніи отразить атаку съ любой стороны, не говоря уже о томъ, что доступъ къ нимъ былъ почти невозможенъ въ виду заложенныхъ повсюду минъ, фугасовъ и проволочныхъ заграждений.

---

*) До начала войны было истрачено на оборонительныя работы по крѣпости только 4.623.225 рублей. Примѣчаніе перев.

Казалось и муравью негдѣ было пройти. Портъ-Артуръ могъ признаваться неприступнымъ. Съ другой стороны, наше положеніе было весьма неблагопріятно: мы должны были карабкаться на крутыя горы или спускаться въ глубокія ущелья, прежде чѣмъ добраться до какого-либо форта. Общія условія мѣстности были таковы, что предоставляли большія преимущества защитѣ и серьезныя затрудненія осадѣ. Должно еще прибавить, что у русскихъ было заготовлено достаточно провіанта, фуража и боевыхъ запасовъ и они могли выдержать продолжительную осаду безъ подвоза извнѣ.

Но въ исторіи до сего времени нѣтъ примѣра, чтобъ какая-либо крѣпость могла выдержать осаду безъ конца... рано или поздно она должна или капитулировать или, потерявъ весь свой гарнизонъ, пасть. Такъ будетъ и въ будущемъ. Паденіе крѣпости при энергичной осадѣ есть лишь вопросъ времени. Севастополь выдерживалъ осаду союзной арміи въ продолженіе трехсотъ двадцати дней и все-таки палъ, когда были уничтожены доки, взорваны форты и почти весь городъ разрушенъ. При осадѣ Карса храбрый генералъ Уильямсъ, имѣя лишь на 3 мѣсяца провіанта и на три дня снарядовъ, съ помощью турокъ держался 7 мѣсяцевъ противъ 50-ти тысячъ русскихъ и все-таки долженъ былъ сдаться. Русскій генералъ Муравьевъ столь высоко оцѣнилъ доблесть этого героя Карса, что написалъ ему слѣдующее посланіе: „Весь современный міръ и будущія поколѣнія будутъ преклоняться передъ вашей храбростью и дисциплиной

войскъ. Мы будемъ имѣть честь совмѣстно обсудить способы къ удовлетворенію требованій войны безъ вреда для человѣчества“.

Парижъ выдержалъ въ теченіе ста тридцати двухъ дней осаду нѣмцевъ прежде, чѣмъ сдался. Я привожу лишь особенно вѣскіе примѣры продолжительныхъ осадъ, но судьба всякой осажденной крѣпости предрѣшена: она должна сдаться или пасть. Задача осажденнаго заключается лишь въ томъ, чтобы держаться, какъ можно долѣе, и тѣмъ нарушить общій планъ военныхъ дѣйствій непріятеля. Задача Портъ-Артура заключалась въ томъ, чтобы притянуть на себя и удержать возможно больше японскихъ войскъ на югѣ съ цѣлью отвлеченія ихъ отъ сѣверной Манчжуріи, что давало возможность генералу Куропаткину выполнить свой планъ кампаніи. Съ этой цѣлью генералъ Стессель крѣпко держался въ своей сильной крѣпости и сдѣлалъ все возможное, чтобы задержать непріятельскія силы. Допустимъ, что Портъ-Артуръ не капитулировалъ до Мукденскаго сраженія,—какъ бы это повліяло на общій планъ нашихъ военныхъ дѣйствій? Такое предположеніе уясняетъ каждому огромное значеніе Портъ-Артура: намъ необходимо было его взять,—русскимъ столь же необходимо удержать за собой. Отчаянная атака одной стороны и отчаянное сопротивленіе другой. Генералъ Ноги уплатилъ за крѣпость цѣной десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней, но разъ она оказалась въ нашихъ рукахъ, важность этой побѣды становится еще ярче.

Что такая неприступная крѣпость была взята

послѣ 8-ми мѣсячной осады, доказываетъ лишь силу и упорство послѣдней. Осада Портъ-Артура одно изъ самыхъ кровопролитныхъ дѣлъ въ исторіи войнъ вообще; до этого первое мѣсто въ этомъ смыслѣ считалось за Плевной. Знаменитый художникъ Верещагинъ, трагически погибшій вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ подъ Портъ-Артуромъ, оставилъ на память потомству изображеніе боевъ подъ Плевной. Если бъ онъ дожилъ до послѣднихъ дней осады Портъ-Артура, то могъ бы написать еще болѣе трагическія кровавыя сцены. Г. Жоржъ Кеннанъ, военный корреспондентъ „Обозрѣнія“, описываетъ осаду Портъ-Артура, какъ „кромѣшный адъ на землѣ“. И весь этотъ ужасъ вытекалъ изъ той стратегической роли Портъ-Артура, которая выпала на него въ этой войнѣ. Какъ велась осада Портъ-Артура и какъ произошла его капитуляція? Отвѣтъ на эти вопросы и составляетъ главный предметъ моего разсказа; здѣсь же я коснулся лишь вкратцѣ стратегическаго значенія крѣпости. Въ ночь нашего прибытія на полуостровъ мы слышали отзвукъ сраженія при Наньшанѣ, преграждавшемъ доступъ къ Портъ-Артуру. Къ этому событію мы теперь и вернемся.

ГЛАВА VI.

Бой при Наньшанѣ.

Грохотъ пушекъ и блескъ выстрѣловъ со стороны Наньшаня стоновился все сильнѣе. Будучи лишь далекими зрителями, мы волновались, не зная, какъ разыгрывается бой, на чью сторону клонится побѣда, держится ли еще позиція или наши овладѣли ею. Отчего же мы не идемъ поддерживать нашихъ? Какой случай показать себя... Всѣ наши мысли были поглощены происходившимъ подъ Наньшанемъ. А между тѣмъ мы даже не имѣли еще свѣдѣній, высадились ли на берегъ остальные баталіоны: посланный къ мѣсту переправы ординарецъ еще не возвратился, хотя уже прошли сутки, какъ онъ туда отправился. Подъ командой полковника Аоки насъ было пока лишь 500 человѣкъ. Что значила помощь этой горсти людей и стоило ли вести ихъ въ бой. По выраженію лица полковника мы видѣли его колебанія и нерѣшительность. Неужели же мы останемся только зрителями этого боя, гдѣ дерутся наши товарищи! Хотя мы и сознавали, что Наньшань лишь прологъ той драмы, въ которой мы должны принять участіе, но все же, вступивъ на непріятель-

скую землю, мы жаждали встрѣчи съ врагомъ и, мысль, что мы не можемъ сейчасъ же пустить въ дѣло наше оружіе, насъ угнетала.

Но всему на свѣтѣ, какъ и всякому ожиданію, бываетъ конецъ. Полученъ слѣдующій приказъ: „Немедленно выступить и соединиться съ 2-ой арміей генерала Оку въ Наньшанѣ“.

Голосомъ, дрожащимъ отъ радостнаго волненія, полковникъ прочелъ намъ приказъ, а мы выслушали его, какъ благую вѣсть, пришедшую съ небесъ. У насъ всѣ и все было готово къ выступленію. Скорымъ шагомъ мы двинулись, не считая ни времени, ни разстоянія. Густая пыль покрыла наши вспотѣвшія лица, горло пересохло, въ фляжкахъ не было ни капли воды... Задыхаясь мы шли впередъ, отсталыхъ не было... Непріятель притягивалъ насъ къ себѣ, а грохотъ орудій заставлялъ забывать объ усталости.

—„Держится ли еще Наньшань?“

— „Теперь самый жаркій бой идетъ, спѣшите къ своимъ“... вотъ, что мы спрашивали у всѣхъ встрѣчныхъ кули и что они намъ отвѣчали. Быть можетъ я скажу абсурдъ, но сознаюсь, что всѣ мы жаждали, чтобы Наньшань продержался до нашего подхода. Самомнѣніе заставляло насъ думать, что утомленныя долгимъ боемъ войска безъ нашей помощи не возьмутъ позиціи. Когда мы встрѣтили двухъ плѣнныхъ офицеровъ, которыхъ вели въ главную квартиру *), мы радовались этимъ трофеямъ

*) Послѣ Цзиньчжоускаго боя японцы взяли въ плѣнъ лишь 11 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 2-хъ тяжело раненыхъ офицеровъ. Всѣ остальные раненые были ими добиты. Примѣч. перев.

своихъ товарищей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боялись, что намъ не удастся принять участія въ бою! Между прочимъ, я хочу здѣсь указать, насколько различны условія жизни войскъ въ военное время по сравненію съ мирнымъ временемъ. Особенно эта разница замѣтна при совершеніи походныхъ движеній. Когда войска двигаются походомъ во время маневровъ или даже въ военное время, если обстоятельства не требуютъ особой быстроты перехода, то имъ разрѣшается брать съ собою возможно больше провіанта и дается необходимый долгій отдыхъ, но если люди двинуты къ мѣсту боя въ дѣло, то они должны выступать немедленно, не обращая вниманія, есть ли у нихъ продовольствіе и вода, во всякое время дня и ночи и во всякую погоду. Солдату дозволяется брать съ собой лишь легкій ранецъ и одну фляжку съ водой; когда выйдетъ эта вода, онъ не получитъ ни капли больше. Днемъ и ночью онъ отдыхаетъ подъ открытымъ небомъ и ни въ дождь, ни въ бурю онъ не можетъ укрыться подъ какой-либо крышей. Усталость или болѣзнь въ разсчетъ не принимаются.

Ему даже некогда вымыть потное лицо, покрытое бѣлымъ налетомъ соли. Измученный, иногда страдающій, онъ безропотно идетъ впередъ. Казалось бы, жестоко подвергать людей такимъ испытаніямъ, но на войнѣ все приносится въ жертву долгу. Каждый солдатъ долженъ выполнить свой долгъ—быть на своемъ мѣстѣ, каждая пуля должна попасть въ непріятеля. И иногда, послѣ тяжелаго перехода, войска сразу посылаются въ бой, и успѣхъ или неудача послѣдняго почти всецѣло зависитъ отъ того, какъ

отразился на нихъ этотъ переходъ. Отсюда понятно, какъ важно пріучать солдатъ еще въ мирное время къ большимъ переходамъ по безводной мѣстности и совершать ихъ быстрыми маршами, соединяя съ ночными маневрами. Въ мирное время все это можетъ казаться весьма тяжелымъ, но польза такой подготовки войскъ всегда скажется при боевой обстановкѣ.

Возвращаюсь къ своему разсказу. Мы шли не только форсированнымъ маршемъ, но прямо въ какомъ-то изступленіи, и всѣ наши мысли были поглощены этимъ сраженіемъ подъ Наньшанемъ. Когда мы подошли къ мѣсту назначенія, намъ прежде всего бросились въ глаза конусообразныя палатки, раскинутыя подъ деревьями и на склонахъ горъ—то былъ походный лазаретъ. Скопленіе этихъ палатокъ показалось намъ дурнымъ признакомъ; санитары ежеминутно подносили на носилкахъ раненыхъ и, сдавъ свою ношу, немедленно отправлялись на поле сраженія за новыми жертвами. Раненые, которые могли итти сами, плелись около санитаровъ, оглашая воздухъ стонами. Всѣ они были забрызганы кровью и грязью,—ихъ жалкій видъ краснорѣчивѣе словъ говорилъ объ ужасѣ боя. Ихъ бѣлые бинты, окрашенные кровью, покрывали почетныя раны, а кровь, просачивающаяся сквозь носилки, освящала землю. Эти страдальцы за святое для насъ всѣхъ дѣло внушали намъ чувство невыразимаго сочувствія, уваженія и благодарности. Въ эту минуту посланный впередъ за приказаніями полковой адъютантъ вернулся къ намъ и сообщилъ, что позиція

Наньшань взята и всему резерву приказано, впредь до приказанія, расположиться въ окрестностяхъ Чунг-чіа-тун'а *). Какое разочарованіе! Наши руки крѣпко сжимали оружіе, не желая выпускать его, а наши ноги сами несли насъ впередъ и не сразу могли остановиться! Правда, такое скорое паденіе Наньшаня, которая считалась ключемъ Портъ-Артура, было важнымъ ходомъ въ планѣ нашихъ операцій; мы должны были радоваться, но кто же осудитъ насъ за такое, быть можетъ, малодушное чувство: вѣдь мы прошли все разстояніе отъ мѣста нашей высадки безъ передышки и вдругъ узнали, что всѣ наши усилія были безцѣльны и другіе овладѣли позиціей, къ которой мы такъ стремились. Только холмъ отдѣлялъ насъ отъ мѣста побоища, гдѣ текли потоки крови и лежали груды тѣлъ. Когда мы достигли этого пункта, грохотъ пушекъ стихъ, горы и долины погрузились въ свою обычную тишину. Лишь санитары продолжали таскать раненыхъ. Встрѣчая раненыхъ, мы старались утѣшить ихъ, выражая имъ нашу искреннюю благодарность.

Мы расположились на привалѣ у подножья горы, гдѣ одинъ ординарецъ, бывшій очевидцемъ боя, разсказалъ намъ про него съ большой гордостью. Высоко поднявъ голову и размахивая руками, онъ говорилъ, а мы слушали съ восторгомъ. Онъ показалъ намъ фляжку для воды, которую онъ отобралъ у русскаго солдата. Изъ его разсказа выходило, что онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ ли-

---

*) По дорогѣ изъ г. Бицзыво въ г. Цзиньчжоу.
Прим. перев.

цомъ. Намъ, не выпустившимъ ни одной пули, ни разу не обнажившимъ шпаги, этотъ пассивный участникъ атаки казался чуть не героемъ.

Мы восхваляли его, предлагали ему вопросъ за вопросомъ и жадно ловили его восторженные отвѣты.

Всѣ резервы, находившіеся въ непосредственномъ распоряженіи главнокомандующаго второй арміей генерала Оку, были расположены на ночлегъ въ Чунг-чіа-тунѣ. Намъ пришлось пройти полтора ри, чтобъ вернуться туда. Но какая разница въ настроеніи,—идя впередъ мы были такъ восторженно и бодро настроены: намъ предстояло участвовать въ атакѣ Наньшаня. Даже и въ мирное время на маневрахъ громъ орудій и трескъ выстрѣловъ заставляютъ забывать усталость и шагъ незамѣтно переходитъ въ бѣгъ и все неудержимо стремится впередъ. Теперь нашъ обратный путь казался намъ настоящей пыткой. Не только люди, но даже лошади шли, понуря головы. Желтая дорожная пыль покрыла нашу одежду и лица, раздражая глаза. Ноги плохо насъ слушались и каждый сучекъ или камешекъ на дорогѣ причинялъ нестерпимую боль; полное уныніе и подавленность были написаны на всѣхъ лицахъ. Быть можетъ, это зависѣло отъ характера японцевъ, которые всегда стремятся впередъ и никогда не думаютъ объ отступленіи. Русскіе искусно умѣютъ отступать, что плохо дѣлаютъ японцы. Японцы, разъ они двинулись впередъ, никогда не могли быть разбиты русскими. Отъ нашихъ предковъ мы унаслѣдовали темпераментъ,

который не знаетъ страха даже передъ лицомъ смерти, строгая дисциплина еще болѣе усилила эту черту. Эта черта нашего характера и дала намъ рядъ непрестанныхъ побѣдъ надъ сильнымъ непріятелемъ.

Наконецъ, мы добрались до Чунг-чіа-туна, бѣдной деревушки съ небольшой рѣченкой посрединѣ. Тускло свѣтилъ мѣсяцъ и на небѣ были видны лишь рѣдкія звѣзды, какъ будто сама природа сочувствовала намъ, усталымъ и разочарованнымъ. Мы улеглись на соломѣ, вспоминая нашихъ товарищей, погибшихъ сегодня въ бою при Наньшанѣ. Тамъ и сямъ бродили одиночные люди, которые не могли заснуть,—настолько они были полны впечатлѣніями минувшаго дня.

Дважды прокуковала пролетѣвшая невдалекѣ кукушка *).

Какая тяжелая, долгая ночь.

Такъ какъ я лично не принималъ участія въ атакѣ Наньшаньской позиціи, то, вопреки поставленному въ началѣ главы заглавію, и не буду разсказывать исторію этого боя. Я хочу только въ слѣдующей главѣ описать все, что самъ видѣлъ на полѣ сраженія почти тотчасъ по окончаніи боя. Прежде, чѣмъ закончить эту главу, я считаю себя въ правѣ описать мужественный поступокъ одного изъ нашихъ нижнихъ чиновъ.

Когда мы ночевали въ Янг-чіа-тунѣ, то полковой ординарецъ по имени Буйши-Кузуноки былъ по-

*) Крикъ кукушки въ лунную ночь считается дурнымъ предзнаменованіемъ въ Японіи.

сланъ на велосипедѣ въ Янтоува—къ пункту нашей высадки, чтобы установить связь между нашимъ бивакомъ и тѣми людьми, которые продолжали еще высаживаться. Кузуноки считался очень исполнительнымъ и храбрымъ солдатомъ, поэтому при отплытіи нашемъ изъ Японіи онъ былъ отчисленъ отъ своего баталіона и прикомандированъ ординарцемъ къ командиру полка. На его долю и выпало исполненіе этого труднаго порученія и уже позднимъ вечеромъ онъ отправился въ Янтоува. Мы прошли оттуда въ Чунг-чіа-тунъ безъ всякой дороги черезъ пустынную голую мѣстность, слѣдовательно задача его была нелегкая и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма серьезная, такъ какъ онъ являлся единственной связью между двумя разрозненными частями нашего полка. Не будучи знакомъ съ мѣстностью, не понимая по-китайски, онъ оріентировался исключительно по полярной звѣздѣ. Кузуноки поѣхалъ, какъ сказано, на велосипедѣ. Каждый часъ промедленія могъ имѣть печальныя послѣдствія; никто еще не предвидѣлъ, что Наньшань можетъ быть взятъ безъ нашей помощи, и потому требовалось немедленное прибытіе къ мѣсту боя всѣхъ наличныхъ силъ, для поддержки атакующихъ, если бы имъ потребовались резервы. Ему предстояло проѣхать 8 или 9 ри по незнакомой пустынѣ въ темную ночь. Велосипедъ не только не былъ ему полезенъ, но оказался страшной обузой и его пришлось нести на спинѣ. Кузуноки сбился съ пути и проплуталъ всю ночь въ ожиданіи разсвѣта, когда онъ надѣялся разыскать дорогу.

Голодный, измученный, томимый жаждой, онъ шелъ все дальше и дальше, моля небо указать ему настоящій путь. Наконецъ, когда ноги отказались служить ему, онъ продолжалъ итти на четверенькахъ, неся свой велосипедъ на спинѣ. Къ счастью онъ наткнулся на сторожевой постъ, который далъ ему поѣсть и указалъ дорогу. Такимъ образомъ онъ все-таки успѣлъ, хотя и съ опозданіемъ, выполнить данное ему порученіе. Служба ординарца и адъютанта, понятно, гораздо сложнѣе и отвѣтственнѣе, чѣмъ служба строевого солдата. Черезъ нихъ полковой командиръ передаетъ распоряженія и двигаетъ тысячи солдатъ. Иногда побѣда или пораженіе цѣлой арміи можетъ зависѣть отъ правильно и своевременно переданнаго приказанія. Имъ безусловно необходимы четыре качества: храбрость, исполнительность, сообразительность и рѣшимость. Буйши-Кузуноки обладалъ ими въ высокой степени и заслужилъ всеобщее уваженіе.

ГЛАВА VII.

Наньшань послѣ боя.

Позиція Наньшань прикрываетъ Чин-чу на самой границѣ Ліаотунгскаго полуострова. Укрѣпленія расположены на сравнительно невысокой и некрутой возвышенности, которая съ одной стороны спускается волнистыми уступами. Хотя эта позиція и представляетъ большія удобства для обороны, но все же уступаетъ въ этомъ отношеніи Наньганлину, лежащему нѣсколько далѣе. Именно въ Наньганлинѣ китайцы оказали намъ довольно продолжительное сопротивленіе во время Китайско-Японской войны. Русскіе же предпочли укрѣпить Наньшань въ виду его близости къ Дальнему, единственному незамерзающему порту, принадлежащему имъ на Востокѣ. Они избрали пунктъ на противоположномъ берегу отъ Лин-шин-туна *), конечнаго желѣзнодорожнаго пункта на Таліенванскомъ заливѣ, и построили здѣсь большой городъ Дальній, коммерческій портъ, служившій исходнымъ пунктомъ Восточно-Китайской желѣзной дороги. Въ цѣляхъ защиты Дальняго они и избрали Наньшань, лежащій впереди

*) Г. Таліенванъ. Прим. перев.

Дальняго, и соорудили тамъ укрѣпленія полудолговременнаго *) типа.

Въ продолженіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ они истратили сотни милліоновъ на постройку Дальняго, на укрѣпленіе Портъ-Артура и на сооруженіе передовой позиціи Наньшань. Впослѣдствіи мы узнали отъ одного плѣннаго русскаго штабъ-офицера, что они были увѣрены, что Наньшань можетъ устоять противъ самыхъ свирѣпыхъ японскихъ атакъ въ теченіе полугода. Но атака нашей второй арміи была столь стремительна, люди дрались съ такимъ остервенѣніемъ, не обращая никакого вниманія на потери, что въ одинъ день 26-го мая пали Цзинь-чжоу, Наньшань и Дальній. Легко себѣ представить, какая это была бойня! Еще во время Китайско-Японской войны взятіе Наньганлина и занятіе Портъ-Артура были также не легкимъ дѣломъ, но одинъ японскій офицеръ, участникъ обѣихъ кампаній, познакомившись съ прекрасными укрѣпленіями Наньшаня, говорилъ, что сраженіе, бывшее здѣсь 10 лѣтъ тому назадъ, было чуть ли не игрой по сравненію съ теперешнимъ боемъ. Позиція Наньшань стоила намъ болѣе 4000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Вся мѣстность послѣ этого боя представляла ужасный видъ разрушенія и смерти.—Правда, этотъ бой все-таки былъ менѣе ужаснымъ, чѣмъ штурмы Портъ-Артура, но лично я впервые здѣсь увидѣлъ потрясающія картины войны. Ночь на 26-ое мы провели въ Чунг-чіа-тунѣ, а на слѣдующее утро намъ приказано было перейти въ дерев. Янг-чіа-тунъ у

*) Батареи—временныя; укрѣпленія—полевыя. Прим. перев.

подножія Наньшаня. Пятая и шестая роты нашего полка были размѣщены на позиціи для ея охраны. Когда мы достигли вершины горы, о которой я уже упоминалъ выше, глазамъ нашимъ открылась широкая покатая долина; направо находился Цзиньчжоу, налѣво высилась вершина крутого Фаго-шаншана *). То была арена вчерашняго кроваваго столкновенія, и на всемъ окружающемъ еще лежалъ ужасный отпечатокъ смерти. Не нахожу достаточно сильныхъ выраженій, чтобъ описать свои впечатлѣнія. Съ одного изъ холмовъ, подымавшагося передъ нами, вился бѣлый дымъ, распространявшій специфическій запахъ: сжигали тѣла нашихъ славныхъ борцовъ, то былъ алтарь, на которомъ приносилась жертва родинѣ. Сотни чистыхъ душъ вмѣстѣ со струйкой дыма возносились къ небу. Мы сняли фуражки и преклонили наши головы. Ихъ старыя матери тамъ въ родной Японіи спокойно пряли пряжу, вздыхая объ ушедшихъ на войну сыновьяхъ; молодыя жены съ младенцами у груди работали въ домѣ, вспоминая втихомолку любимыхъ мужей... въ то время, какъ смертные останки этихъ сыновей и мужей вмѣстѣ съ дымомъ возносились къ небу. Если непріятно смотрѣть на окровавленный бинтъ и нѣкоторыя лица содрогаются при видѣ раны, то каково же было смотрѣть на цѣлое поле, усѣянное грудами истерзанныхъ, окровавленныхъ тѣлъ, оторванными руками и ногами, трупами съ посинѣлыми лицами, вспухшими вѣками, съ слипшимися отъ крови волосами! Лишь красные ворот-

*) г. Самсонъ. Прим. перев.

ники ихъ мундировъ не измѣнились... Невольная дрожь пробѣжала по тѣлу при мысли, что такая же участь, быть можетъ, угрожала и мнѣ. Отвращеніе и ужасъ отъ этого зрѣлища были столь велики, что никто изъ насъ не рѣшился подойти къ этимъ трупамъ ближе. Тутъ же всюду валялись окровавленные мундиры, гетры, фуражки и прочая одежда... и надъ всѣмъ этимъ разносился ужасный трупный запахъ. Огромное количество патронныхъ гильзъ и ящики изъ-подъ патроновъ, лежавшіе у непріятельскихъ траншей, доказывали, какъ упорно онъ защищалъ позицію. Видя трупы убитыхъ русскихъ, мы невольно и къ нимъ почувствовали сожалѣніе.

Правда это были наши враги, но они погибли, исполняя свой долгъ передъ родиной... Мы бережно ихъ похоронили, но имена этихъ героевъ были намъ неизвѣстны и мы не могли сообщить объ нихъ потомству. Тамъ въ далекой Россіи ихъ матери, жены и дѣти тоскливо ждали ихъ возвращенія, и, не дождавшись, не узнали даже, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они погибли! Почти у каждаго убитаго русскаго на шеѣ висѣлъ крестъ или образокъ. Будемъ надѣяться, что Богъ принялъ ихъ души. Убитые и раненые побѣжденнаго противника внушаютъ особенную жалость. Конечно, они находятся подъ покровительствомъ „Краснаго креста“, но все же лишены главнаго утѣшенія умирать и страдать среди своихъ.

Убитые достойны еще большаго сожалѣнія. На нѣкоторыхъ мы находили именные знаки, по которымъ могли быть узнаны имена, и при возможности

мы сообщали эти имена противнику, но многіе не могли быть опознаны и имена ихъ исчезли вмѣстѣ съ ними.

Намъ приказано было временно расположиться въ Янг-чіа-тунѣ. Когда я подходилъ къ назначенному мнѣ для стоянки домику, я услышалъ жалобные человѣческіе стоны, раздававшіеся оттуда. Поспѣшивъ туда, я наткнулся на зрѣлище ужасныхъ мукъ. На маленькомъ дворикѣ лежали вповалку пятнадцать или шестнадцать японцевъ и одинъ русскій—всѣ тяжело раненые... Завидѣвъ меня, нѣкоторые протянули руки, моля о помощи... Я не могъ понять, почему эти несчастные могли быть брошены безъ всякой помощи.... вѣдь если бъ мы знали объ этомъ ранѣе, быть можетъ, мы могли бы сразу оказать имъ помощь. Я немедленно отыскалъ врача и вмѣстѣ съ нимъ принялся помогать имъ, чѣмъ можно. Съ глазами, полными слезъ, прерывающимся отъ страданій голосомъ они благодарили насъ и ихъ слова глубоко проникали намъ въ душу. Изъ разспросовъ мы узнали, что въ теченіе 2-хъ сутокъ они не имѣли ни щепотки рису, ни глотка воды. Раны были весьма серьезными: у нѣкоторыхъ оторваны руки, у другихъ раздроблены ноги, у многихъ пули сидѣли въ груди или въ головѣ. Нѣкоторые были уже при послѣднемъ издыханіи, но даже и они пожимали другъ другу руки, ласково прощаясь глазами съ товарищами. Какая невыразимо грустная картина! И какъ ужасно думать, что сотни подобныхъ страдальцевъ остались на мѣстѣ сраженія и умерли безъ всякой помощи. Я замѣтилъ,

что двое изъ раненыхъ стали особенно тяжело дышать. Наклоняясь надъ ними, я видѣлъ, какъ лица ихъ мертвѣли, дыханіе прерывалось, губы синѣли, и скоро ихъ не стало. Лежавшій рядомъ солдатъ сказалъ мнѣ, что у одного изъ этихъ умершихъ осталась въ Японіи старушка-мать и онъ былъ ея единственнымъ сыномъ.

Тяжело также смотрѣть на убитыхъ и раненыхъ лошадей. Эти умныя животныя какъ будто понимаютъ, какую важную помощь они оказываютъ людямъ; они гордо несутся съ сѣдокомъ, словно раздѣляя съ нимъ военную удаль и жажду славы. Обозныя и вьючныя лошади несутъ свою не менѣе тяжелую и опасную службу: какія тяжести приходится имъ таскать и возить по непроторенным дорогамъ, по крутымъ горамъ, почти безъ отдыха и часто почти безъ корма. Польза, приносимая ими въ военное время, неизмѣрима. Успѣхъ боевъ, конечно, прежде всего зависитъ отъ мужества людей, но мы не должны также забывать, какія услуги оказываютъ намъ эти благородныя животныя. И эти бѣдныя существа довольствуются самымъ грубымъ кормомъ и мутной водой; они такъ же стойко, какъ и люди, исполняютъ свою обязанность, перенося холодъ и усталость и проливной дождь, не имѣя возможности пожаловаться, и единственной наградой имъ служитъ ласка хозяевъ. Онѣ такъ же, какъ и люди, исполняютъ свой долгъ. Ихъ трупы не предаются землѣ, а остаются на съѣденіе волкамъ и хищнымъ птицамъ.

Мой наставникъ, досточтимый Квацуринъ

Накабайяши *) сопровождалъ нашу армію все время въ качествѣ брата милосердія—добровольца. Между исполненіемъ своей обязанности онъ занимался собираніемъ осколковъ снарядовъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ изображеніе Бато-Кванонъ **) въ честь павшихъ на войнѣ лошадей; онъ дѣйствительно привелъ свое намѣреніе въ исполненіе. Другой буддистъ по имени Доами предложилъ составить и подписать международный, отъ Краснаго креста, договоръ объ лошадяхъ; безъ этого—говорилъ онъ—мы не исполняемъ принциповъ гуманности. Наша любовь, наша ласка, иногда пристрастіе къ животнымъ остаются пустыми словами. Говорятъ, онъ хочетъ возбудить этотъ вопросъ на слѣдующей Гагской конференціи. Хотя въ арміяхъ и бываютъ ветеринары, но они не въ состояніи подать помощи всѣмъ больнымъ и раненымъ лошадямъ въ горячее время войны. Въ этомъ случаѣ только Красный крестъ могъ бы притти къ нимъ на помощь.

Я поднялся на вершину Наньшаня, чтобъ подробно осмотрѣть фортификаціонныя сооруженія русскихъ. Надо отдать имъ справедливость,—работы были выполнены идеально, какъ и можно было ожидать отъ средствъ такого могущественнаго государства. Помимо проволочныхъ загражденій, волчьихъ ямъ и фугасовъ, линіи сильныхъ траншей обвивали

---

*) Буддійскій лама.

**) Кванонъ у буддистовъ —богиня милосердія, Бато-Кванонъ или лошадиноголовая Кванонъ считается покровительницей лошадей По дорогамъ Японіи часто можно видѣть грубыя изображенія богини съ лошадиной головой. Къ нимъ подводятъ лошадей, за которыхъ владѣльцы приносятъ жертву бог. Кванонъ.

гору; повсюду были видны амбразуры для пулеметовъ; дула тяжелыхъ орудій выглядывали изъ многихъ батарей. Такъ какъ позиція была оборудована укрѣпленіями полудолговременнаго типа, то на ней были устроены бараки и склады теплой одежды и провіанта. Были проложены рельсы и устроена электрическая станція. Когда я вошелъ въ помѣщеніе, предназначенное для начальника позиціи и его штаба, то былъ удивленъ, какъ комфортабельно и почти роскошно оно было обставлено. Комната начальника позиціи была меблирована такъ красиво, что мало походила на лагерное помѣщеніе. Что всего болѣе поразило меня—это то, что кое-гдѣ были разбросаны принадлежности дамскаго туалета, а также дѣтскія платья! Съ высшей точки позиціи я сталъ осматривать въ бинокль разстилающійся на востокѣ берегъ моря, гдѣ виднѣлось множество людей и лошадей, лежавшихъ на пескѣ, омываемомъ мутными волнами залива. Это были остатки русской кавалерійской бригады, которая была сосредоточена около Ляохy-шана въ цѣляхъ охраны праваго фланга позиціи. Наша четвертая дивизія зашла съ западнаго берега имъ въ тылъ, а такъ какъ отступить бригадѣ было некуда, то японцы загнали ее къ морю, гдѣ ея большая часть и погибла *). Виною такого пораженія была собственная оплошность русскихъ: они

---

*) Въ П.-Артурѣ находились лишь конные охотники и казачья сотня, которые въ бою не участвовали и описанный авторомъ случай гибели цѣлой кавалерійской бригады совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. Прим. перев.

настолько были увѣрены въ неприступности своей позиціи, что не позаботились обезпечить себѣ возможность своевременнаго отступленія.

Дойдя до половины горы, мы нашли испорченный прожекторъ и цѣлую груду ракетъ. Они были виновниками нашихъ неудачныхъ попытокъ приблизиться къ позиціи подъ покровомъ ночи. Въ отместку за это наши люди. овладѣвъ позиціей, испортили прожекторъ, который былъ имъ такой помѣхой.

Передъ глазами моими предстала картина, заставившая мое сердце сжаться отъ жалости: то тутъ, то тамъ были разставлены бѣлые столбы, обозначающіе могилы убитыхъ. Съ моего обсервационнаго поста по направленію къ Цзиньчжоу я увидѣлъ свѣжую земляную насыпь съ воткнутой въ нее бамбуковой палкой. Я подошелъ, чтобы хорошенько разглядѣть, что это значило; оказалось—зарытый русскій. До сего времени мнѣ не случалось близко видѣть трупы, въ сраженіи я еще не участвовалъ и содрогался при видѣ ужасовъ человѣческой борьбы. Теперь мнѣ даже странно вспомнить, какія я тогда переживалъ ощущенія. Впослѣдствіи всѣ ужасы войны и смерть сдѣлались для насъ обыкновенными явленіями и я оставался къ нимъ совершенно равнодушенъ. Большое счастье, что привычка такъ притупляетъ наши чувства,—иначе человѣкъ не могъ бы вынести всѣхъ ужасовъ войны.

Несмотря на сильный перекрестный огонь русскихъ, наши войска въ теченіе 16-ти часовъ атаковали позицію и наконецъ одолѣли врага, правда, понеся

большія потери. Съ занятіемъ этой позиціи мы пріобрѣли ключъ ко всему полуострову, отрѣзали русскимъ связь между ихъ арміями, получили возможность безопасно очищать Таліенванскую бухту отъ разбросанныхъ тамъ минъ и могли приступить къ подготовкѣ общей атаки Портъ-Артура. Наша побѣда при Наньшанѣ была поворотнымъ пунктомъ въ исторіи этой войны. Позиція была взята не столько силою пороха и орудій, сколько выдающейся, безпримѣрной храбростью нашихъ войскъ. Во время третьяго штурма, замѣтивъ, что войска заколебались, генералъ Оку крикнулъ громовымъ голосомъ: „Развѣ не съ нами Ямато-Дамаши?“ Эти слова придали людямъ новую силу, они бросились впередъ и штурмомъ взяли позицію. Серъ Клодъ Макдональдъ говорилъ, что тайна постоянныхъ успѣховъ японцевъ въ теченіе этой войны заключалась въ томъ, что у нихъ „ружья въ рукахъ настоящихъ людей“. Битва при Наньшанѣ была блестящимъ подтвержденіемъ этихъ словъ *).

---

*) На вооруженіи позиціи состояли преимущественно орудія стараго образца и въ бою приняли участіе лишь 4 баталіона. Здѣсь и нужно искать причину японскаго успѣха.

Примѣчаніе перев.

ГЛАВА VIII.

Окопныя работы и развѣдки.

28-го мая мы оставили Янг-чіа-тунъ и перешли въ Чанг-чіа-тунъ, гдѣ и заняли позицію 3-й дивизіи. Послѣ дѣла подъ Наньшанемъ наша дивизія была отдѣлена отъ второй арміи и присоединена къ вновь образованной для осады Портъ-Артура—3-й арміи *). Переходъ изъ Янг-чіа-туна въ Чанг-чіа-туна не великъ, но онъ по своимъ условіямъ навсегда остался въ моей памяти. Окрестности Портъ-Артура очень каменисты и дороги вездѣ покрыты гравіемъ и щебнемъ. Вся же остальная мѣстность имѣетъ верхній слой почвы мягкій и легкій, какъ рисовые отруби или какъ зола. Отъ малѣйшаго вѣтра поднимается ужасная пыль, которая не только набивается въ ротъ, носъ и глаза, но стоитъ такимъ густымъ облакомъ, что, казалось, готова поглотить марширующія черезъ нее длинныя колонны войскъ. Иногда ничего не было видно въ 2-хъ—3-хъ вершкахъ разстоянія, и колонна невольно разстраивалась. Даже вареный рисъ въ нашихъ походныхъ жестянкахъ весь пропитался этой пылью. Въ другихъ случаяхъ мы совершали денные переходы въ

*) Послѣ Цзиньчжоускаго боя 3-я и 4-я японскія дивизіи ушли на сѣверъ, для дѣйствія противъ нашей Маньчжурской арміи. На Кванту нѣостались 1-я и 11-я дивизія и 1-я резервная бригада, составляя армію генерала Ноги. Примѣчаніе перев.

15—20 ри; случалось проходить форсированнымъ маршемъ большія разстоянія, не имѣя глотка воды, чтобъ смочить горло, или двигаться въ полной темнотѣ, но все это было ничто въ сравненіи съ пыткой ходьбы по пыльной дорогѣ. Если это цѣна за честь и право участія въ настоящей войнѣ, то мы уплатили ее полностью. Мы предвидѣли, конечно, что намъ предстоятъ большія лишенія и трудности, и знали, что насъ ждутъ штыки и пули, но первое время считали, что мучительно бороться съ самой природой, двигаться по пустынѣ, карабкаться по горамъ, и забывали о холодномъ вѣтрѣ и дождѣ, о нестерпимой жарѣ и о ночлегахъ на голой землѣ подъ открытымъ небомъ...

Но волей-неволей пришлось научиться философски относиться и къ естественнымъ невзгодамъ, разъ онѣ представляли неизбѣжное условіе военнаго времени. Мы скоро такъ привыкли къ нашему положенію, что наслаждались дворцомъ, т. е. пещерой въ горѣ, красивымъ потолкомъ—темнымъ сводомъ неба и музыкой—трескомъ кузнечиковъ.

Безъ приваловъ мы добрались до Чанг-чіа-туна, гдѣ стояла 3-я дивизія. Видъ этихъ воиновъ, покрытыхъ славою битвы при Наньшанѣ, произвелъ на насъ необъяснимое впечатлѣніе: мы стыдились своего ничтожества, стушевывались передъ ними, мы походили на деревенскихъ мужиковъ, которые, опоздавъ на поѣздъ, смотрятъ, разинувъ ротъ, какъ исчезаетъ дымокъ локомотива. Да, товарищи внушали намъ глубокое уваженіе. Мы завидовали ихъ разодранной и окровавленной одеждѣ, ихъ лицамъ,

испещренным рубцами и ранами. Съ любовью и благоговѣніемъ смотрѣли мы на нихъ,—вся ихъ внѣшность краснорѣчиво свидѣтельствовала объ ихъ выдающемся подвигѣ.

Правый флангъ центра нашей оборонительной линіи составляла возвышенность, лежащая передъ непріятельскимъ фронтомъ, при чемъ вся оборонительная наша линія имѣла протяженіе двадцати пяти километровъ отъ Анцу-шана до Тайцу-шана, *) имѣя въ центрѣ Мантутсу. Прямо къ сѣверу отъ этого прохода лежитъ селеніе Липіа-тунъ и нашъ баталіонъ занималъ позицію по линіи направо отъ названнаго селенія вплоть до дер. Ю-шіа-тунъ по другую сторону рѣчки, за которой тянется рядъ возвышенностей. Здѣсь мы возвели сильныя укрѣпленія, внимательно слѣдя за непріятелемъ и дѣятельно приготовляясь, какъ къ атакѣ, такъ и къ оборонѣ. Въ это время генералъ Ноги со своимъ штабомъ высадился въ Янтоува и расположился въ селеніи Пэ-пау-тсу-ія въ разстояніи 3-хъ ри къ сѣверо-западу отъ Дальняго. Съ его прибытіемъ организація третьей арміи была закончена. Съ нетерпѣніемъ мы стали ожидать нашего перваго боя!

Непріятель, хотя и разбитый при Наньшанѣ, пробовалъ задержаться въ Дальнемъ, но страхъ за семьи, живущія тамъ, заставилъ его быстро отступить въ Портъ-Артуръ; на пути туда они сожгли

---

*) Къ востоку отъ Сяо-биндао.
**) Къ югу отъ Средней Артурской дороги.

Примѣчаніе перев.

дер. Сан-шили-пу *). Противникъ занялъ и основательно укрѣпилъ линію, соединяющую возвышенности: Панту, Льяни-чао, Вайту-шанъ, Шуанг-тинг-шанъ и др. **). Разстояніе между русской и японской передовой линіей было отъ 3-хъ до 5-ти километровъ. Мы знакомились съ силами и расположеніемъ непріятеля, высылая впередъ развѣдчиковъ и отдѣльныя развѣдочныя партіи.

Какъ только мы заняли свои позиціи на оборонительной линіи, тотчасъ же взялись за кирку и лопату. Каждому эскадрону и каждой пѣхотной ротѣ былъ отведенъ извѣстный участокъ, и каждая часть работала на указанномъ ей мѣстѣ день и ночь, вооружая стрѣлковые окопы. Работы велись подъ наблюденіемъ офицеровъ и другихъ чиновъ, а солдаты работали какъ кули; словомъ, всѣ были привлечены къ землянымъ работамъ. Въ то же время производились развѣдки непріятельской позиціи и мы слѣдили за движеніями русскихъ. Пока у нихъ не было замѣтно никакого движенія. Инженерныя работы подвигались своимъ чередомъ: устраивались глубокія траншеи, блиндированныя помѣщенія, брустверa изъ мѣшковъ съ пескомъ (мѣшки были взяты въ Дальнемъ). Кромѣ того, были приведены въ порядокъ дороги, устроены проволочныя загражденія, а глубокіе ходы сообщенія соединяли отдѣльныя части войскъ между

---

*) Ст. Нангалинъ.

**) Позиція на перевалахъ—отъ высотъ къ востоку отъ бухты Лунвантана до д. Суанцайгу на берегу Ляодунскаго залива.

Примѣчаніе перев.

собою, какъ паутиной опутывая все занятое нами пространство; такимъ образомъ, наша позиція носила полудолговременный характеръ.

Люди были размѣщены частью въ оставленныхъ жителями постройкахъ, частью въ наскоро устроенныхъ палаткахъ, а иногда и просто подъ деревьями.

При всякихъ смотрахъ и маневрахъ въ мирное время войска имѣютъ бодрый и довольный видъ, но какъ ожидать того же въ военное время, на полѣ сраженія, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, а между тѣмъ отъ бодрости и выносливости людей, занимающихъ передовыя позиціи, зависитъ часто успѣхъ первыхъ стычекъ и боевъ. Солдаты на этой оборонительной линіи не могутъ ни заснуть спокойно, ни грѣться ночью у огня. Наоборотъ, именно тогда они должны быть наиболѣе бдительны и бодры. Посты, дозоры и развѣдчики должны все видѣть, за всѣмъ слѣдить неустанно. Какъ бы ни были они утомлены отъ дневной работы, ничто не должно оставаться незамѣченнымъ ими, даже шумъ крыльевъ ночной птицы или стрекотанье насѣкомыхъ. Затаивая дыханіе, напрягая слухъ и зрѣніе, они должны видѣть и слышать за всю армію, которую они охраняютъ. Когда говорятъ о войнѣ, вспоминаютъ обыкновенно лишь подвиги войскъ на полѣ битвы, какъ бы забывая о трудахъ и отвѣтственности людей, несущихъ сторожевую службу, а между тѣмъ изъ-за небрежнаго исполненія обязанностей сторожевой службы постами три полка англійской арміи были уничтожены во время войны за независимость въ 1777 г.

„Стой! Кто идетъ?“ этотъ окрикъ часовыхъ часто нарушаетъ ночную тишину. Порой гулко раздадутся два—три выстрѣла, вѣроятно, это наши наткнулись на непріятельскіе посты. Наступаетъ снова тишина... глухая ночь... Съ сѣвера надвигается темная туча и скоро покрываетъ весь горизонтъ, роняя крупныя частыя капли дождя.

Почти тридцать дней длилась эта передовая служба... наша оборонительная линія была вполнѣ оборудована; временами русскіе подымали голову и каждую ночь на постахъ была слышна перестрѣлка.

„Капитанъ, пять или шесть русскихъ развѣдчиковъ показались и исчезли въ долинѣ въ пяти или въ шестистахъ метрахъ впереди насъ“,—такое донесеніе повторялось много разъ въ теченіе дня и ночи... Мы рѣшили обращаться къ хитрости, чтобъ забрать непріятельскихъ развѣдчиковъ, когда они подбирались къ нашимъ позиціямъ. Мы прибѣгли къ слѣдующей уловкѣ: въ разстояніи 10 кэнъ*) за нашей линіей была протянута веревка; къ ней прикрѣплялась другая веревка, конецъ которой доходилъ до мѣста, гдѣ стоялъ нашъ часовой; идея была такова: если непріятель подойдетъ и пройдетъ по первой веревкѣ, вторая немедленно передастъ движеніе часовому. Одинъ разъ, когда часовой почувствовалъ такой сигналъ и по его зову люди выбѣжали, чтобы схватить непріятеля, то послѣдняго не оказалось, а у веревки стоялъ большой черный песъ, который лаялъ и скалилъ зубы на подошедшихъ.

---

*) Кэнъ—мѣра длины = почти 5 футамъ.

ГЛАВА IX.

Первые плѣнные.

Мы постепенно увеличивали число развѣдчиковъ не только отъ войскъ передовой линіи, но и отъ стоящихъ поблизости резервовъ. Рекогносцировочные отряды высылались одинъ за другимъ. Большею частью развѣдки эти были успѣшны: то наши сталкивались съ мелкими непріятельскими отрядами и разгоняли ихъ, то доносили о расположеніи болѣе значительныхъ силъ противника. Такъ какъ мы еще не были въ настоящемъ дѣлѣ, то страшно радовались такимъ донесеніямъ, и каждый изъ насъ надѣялся быть посланнымъ на рекогносцировку, чтобы помѣриться силами съ врагомъ. То было, если я не ошибаюсь—20-го іюня: одинъ изъ нашихъ офицеровъ, поручикъ Токи былъ отправленъ съ полуротой на развѣдку непріятельскаго расположенія около Льяни-чао, но не встрѣтилъ ни одного русскаго. Онъ оставилъ половину людей въ видѣ заставы, а съ остальными повернулъ назадъ. Неожиданно 2 русскихъ развѣдчика показались между нимъ и оставленной заставой. Они тотчасъ были окружены, но упорно оборонялись штыками, не желая сдаваться.

Тогда по нимъ открыли огонь и оба упали, но были еще живы. Это были наши первые плѣнные и намъ очень хотѣлось поскорѣе разспросить ихъ. Наскоро сдѣлали изъ вѣтвей и травы носилки и съ тріумфомъ понесли на нихъ русскихъ на берегъ ручья, невдалекѣ отъ штаба полка. Это была наша первая военная добыча,—и наши солдаты, окруживъ плѣнныхъ, съ любопытствомъ ихъ разглядывали. Немедленно пришелъ полковой адъютантъ и переводчикъ. Плѣнныхъ раздѣлили и начали допрашивать каждаго отдѣльно. Такъ было сдѣлано на основаніи правилъ развѣдки, предписывающихъ всегда подвергать плѣнныхъ перекрестному допросу, дабы, сравнивая ихъ показанія, притти къ соотвѣтствующему выводу. Обыкновенно прежде всего задаются слѣдующіе вопросы: „Изъ какой арміи, дивизіи и т. д. Кто у нихъ начальствующій, гдѣ провели предыдущую ночь, каковъ духъ войскъ“... Даже, если нельзя получить отвѣта на всѣ вопросы, то безусловно надо выяснить, какого полка плѣнный, ибо такимъ путемъ можно выяснить расположеніе противника. Если, напримѣръ, они скажутъ, что служатъ въ первомъ стрѣлковомъ полку, то изъ этого показанія можно вывести заключеніе, кто ими командуетъ и каковы его ближайшія намѣренія.

Нашъ врачъ оказалъ имъ первоначальную помощь и старался ободрить ихъ, говоря: „Не безпокойтесь, вамъ у насъ будетъ хорошо, мы васъ вылѣчимъ... только говорите намъ правду“.

Намъ онъ сообщилъ, что оба плѣнника не выживутъ болѣе часа, такъ какъ ранены въ грудь на-

вылетъ, и потому совѣтовалъ допрашивать ихъ возможно скорѣе и короче. Когда одного изъ нихъ спросили, какого онъ полка, онъ тихо отвѣтилъ: „26-го стрѣлковаго полка.“—„Кто командуетъ вашей дивизіей?“—„Не знаю“. Допрашивающій въ удивленіи воскликнулъ: „Какъ ты можешь не знать командира дивизіи? Ты долженъ это знать!“ Но все поведеніе плѣннаго внушало довѣріе, повидимому, онъ не лгалъ... Дыханіе его становилось все тяжелѣе и кровь лилась изъ его рта... „Прошу, дайте лишь глотокъ воды“. Я тотчасъ же принесъ стаканъ ключевой воды, но онъ даже не взглянулъ на нее. „У меня есть кипяченая вода во фляжкѣ“—чуть слышно проговорилъ онъ. Я подалъ ему флягу... Не знаю, не хотѣлъ ли онъ даже въ свою послѣднюю минуту принять глотокъ воды отъ врага или даже и въ такихъ условіяхъ не хотѣлъ нарушить правилъ гигіены и выпить сырой воды? Я былъ крайне пораженъ этимъ, такъ какъ при стычкѣ съ нами онъ выказалъ большую храбрость и только смертельная рана заставила его сдаться,—слѣдовательно не страхъ смерти былъ причиной отказа выпить глотокъ некипяченой воды. Что касается его незнанія фамиліи начальника дивизіи, то оно нерѣдко встрѣчалось у русскихъ солдатъ, въ чемъ я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, когда мнѣ приходилось впослѣдствіи дѣлать перекрестные допросы плѣннымъ; хуже того, большинство русскихъ солдатъ не знало за кого и за что они дерутся; 9 человѣкъ изъ 10 говорили, что ихъ погнали на востокъ, а зачѣмъ—имъ не извѣстно.

Нельзя было долѣе спрашивать что-либо у плѣнного: онъ становился все блѣднѣе, дыханіе прерывистѣе... Послѣдняя минута приближалась. Врачъ спросилъ его: „Ты очень страдаешь? Не нужно ли тебѣ чего-нибудь?“

При этихъ ласковыхъ словахъ онъ чуть-чуть приподнялъ голову и со слезами прошепталъ: „У меня дома жена и ребенокъ... пожалуйста, дайте имъ знать, какъ я умеръ“...

Скоро послѣ этого онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ. Этотъ человѣкъ отдалъ жизнь свою, не зная даже ради чего... его загнали на Дальній Востокъ и, умирая въ плѣну, онъ думалъ о женѣ и ребенкѣ! Онъ вызвалъ въ насъ слезы жалости. Его достойно похоронили, надъ могилой поставили крестъ, а нашъ лама Тояма прочелъ надъ нимъ буддійскія молитвы.

Другой плѣнный былъ совершенно иного сорта и намъ нисколько не было жаль его. Понятно, у насъ не было никакой личной непріязни къ нему или къ кому-либо изъ русскихъ солдатъ вообще, и мы всегда готовы были оказать помощь и выразить сочувствіе тѣмъ, кто этого заслуживалъ. Но я предоставляю читателю судить объ этомъ молодцѣ...

Когда переводчикъ спросилъ его: „Гдѣ въ настоящее время расположенъ вашъ полкъ?“—онъ пробурчалъ: „Отстаньте, не знаю; вы японцы жестоки и безпощадны къ тѣмъ, кто сдается“. Дайте мнѣ лучше чего-нибудь горячаго, дайте мнѣ табаку!“..

Эти рѣзкія слова и грубая манера доказывали не мужество человѣка, не боящагося врага, а простое

глупое нахальство; такихъ мы впослѣдствіи встрѣчали очень часто между плѣнными.

Хотя русскіе и понесли полное пораженіе при Наньшанѣ, тѣмъ не менѣе они не имѣли яснаго представленія о силѣ японской арміи. Надѣясь на пресловутую неприступность Портъ-Артура, они очень легкомысленно относились къ своему малому, съ вида, непріятелю. Они походили на лягушекъ въ колодцѣ *): не знали и не слышали о нашей славной побѣдѣ при Чин-ліен-ченгѣ и о томъ, что русскіе были изгнаны изъ Кореи. Даже когда имъ сообщали эти факты, они не хотѣли имъ вѣрить. Гордые обширностью своей страны и многочисленностью арміи, они не могли очнуться и понять обидную дѣйствительность.

Днемъ и ночью мы неустанно производили рекогносцировки. Однажды былъ высланъ значительный рекогносцировочный отрядъ, онъ натолкнулся на русскій разъѣздъ, многіе изъ людей были перебиты, а ихъ лошади уведены нашими людьми. Русскіе съ своей стороны внимательно наблюдали за нами; они устроили на вершинѣ Вайту-шана наблюдательный постъ, снабженный подзорной трубой, и намъ было видно, какъ оттуда постоянно подавались сигналы черными флагами. Часто они посылали развѣдчиковъ, переодѣтыхъ китайцами, къ нашимъ постамъ. Вначалѣ мы не разъ попадались въ обманъ, принимая ихъ за туземцевъ, и наши часовые, не подозрѣвавшіе въ нихъ враговъ, поплатились за это

---

*) Японская поговорка: лягушка въ колодцѣ не видитъ большого океана

своей жизнью. Это научило насъ быть осторожнѣе и мы перестали позволять даже и настоящимъ китайцамъ переходить нашу передовую линію. Это вызвало недовольство жителей лежащаго передъ нашимъ фронтомъ селенія и старшина его обратился къ намъ съ просьбой о дозволеніи мѣстнымъ жителямъ переходить черезъ наши посты, чтобы сообщаться съ находящимися позади нихъ деревнями. Тогда въ штабѣ бригады рѣшено было образовать особую комиссію, отъ которой зависѣлъ пропускъ китайцевъ черезъ нашу линію, при чемъ пропускались лишь тѣ китайцы, у которыхъ тамъ находились семьи или родственники. Случалось, конечно, что между ними были шпіоны, подкупленные русскими, которые сильно вредили намъ, несмотря на всѣ наши предосторожности.

Такъ шло время въ приготовленіяхъ и въ ожиданіи удобнаго момента для начала активныхъ дѣйствій. Въ виду стратегическихъ соображеній мы оставались временно на оборонѣ, но были наготовѣ отъ какихъ-либо покушеній русскихъ. Тѣмъ временемъ непріятельскій флотъ показался около Сяо-бин-дао *) и Хеши-чіао; обстрѣливая наугадъ берега, онъ надѣялся этимъ путемъ выяснить наше расположеніе. Наконецъ 26-го іюня наша армія перешла въ наступленіе и нашъ полкъ принялъ участіе въ бояхъ при Вайту-шанѣ и Кензанѣ.

---

*) Сяобиндао. Прим. перев.

ГЛАВА X.

Нашъ первый бой при Вайту-шанѣ *).

Около 30-ти дней мы ждали, когда настанетъ время для перехода въ наступленіе, одновременно укрѣпляя свои позиціи и вступая въ мелкія стычки съ противникомъ. На сторонѣ русскихъ было одно преимущество, съ которымъ мы никакъ не могли примириться, состоявшее въ томъ, что они съ окрестныхъ высотъ могли наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось у насъ на позиціяхъ. Русскіе занимали гору Вайту-шанъ, достигающую 372 метровъ высоты, Шуангтинг-шанъ съ двумя отдѣльными вершинами, имѣвшими около 352 метровъ высоты, и еще одну болѣе высокую гору безъ имени, которую мы впослѣдствіи назвали Кензанъ-Саблевая гора **). Всѣ три сопки были неприступны для атакующаго и давали нашему противнику возможность слѣдить за нашими передвиженіями. Они установили тамъ прекрасныя подзорныя трубы и наблюдали изъ нихъ за Таліенванскимъ заливомъ и Дальнимъ. Для насъ это пред-

---

*) г. Уайцейлаза. Примѣчаніе перев.

*) г. Хуинсань. Примѣчаніе перев.

ставляло существенную невыгоду. Чѣмъ дольше эти высоты оставались бы въ рукахъ русскихъ, тѣмъ больше задерживались всѣ наши подготовительныя операціи для перехода въ наступленіе и самое наступленіе дѣлалось затруднительнымъ, поэтому намъ безусловно было необходимо овладѣть этими наблюдательными пунктами, а равно занять и Сяобиндао, дабы русскіе не могли съ судовъ обстрѣливать наши укрѣпленія въ Таліенванскомъ заливѣ; эту цѣль мы и преслѣдовали, начавъ атаку съ Вайту-шана. Это было не очень серьезное дѣло,— намъ предстояло лишь вытѣснить русскихъ изъ занимаемыхъ ими высотъ. Разсчитывая на естественную силу послѣднихъ, русскіе не озаботились основательнымъ ихъ укрѣпленіемъ и созданіемъ искусственныхъ препятствій, что позволило намъ безъ особеннаго труда справиться со своей задачей. Но для нашего полка это было первое сраженіе и, понятно, мы дрались съ особеннымъ жаромъ и упорствомъ.

Вечеромъ 25-го іюня въ послѣдній день нашей вынужденной обороны, когда уже потухали сторожевые огни и все въ лагерѣ стихало, мы получили секретный приказъ приготовиться къ наступленію. Приказъ былъ отданъ секретно и ночью изъ опасенія, чтобъ о немъ не узнали китайцы; сначала мы предполагали выступить и начать атаку 24-го, но убѣдились, что китайцы уже сообщили русскимъ о нашихъ намѣреніяхъ. Въ виду этого, наступленіе было отмѣнено и рѣшили произвести его на разсвѣтѣ 26-го іюня, прежде чѣмъ китайцы могли бы узнать и оповѣстить о немъ русскихъ.

Ночь на 26-ое мы провели почти безъ сна; я лично былъ такъ возбужденъ, что не могъ сомкнуть глазъ и не давалъ заснуть своему сосѣду, толкуя о предстоящемъ боѣ, а иногда и просто болтая о разныхъ мелочахъ. По мелькающимъ въ лагерѣ огонькамъ видно было, что и другіе не спятъ, а курятъ или ведутъ бесѣды. Скоро все въ лагерѣ пришло въ движеніе: офицеры и солдаты, вскочивъ съ постелей приводили все въ порядокъ, складывали палатки, стараясь, насколько было возможно, дѣлать это безшумно. Надѣвъ со всякими предосторожностями наши скрипучіе ранцы, мы тихо поползли по травѣ и, собравшись на указанномъ намъ мѣстѣ, составили наши ружья въ козлы. Небо было совершенно черное, только сталь штыковъ да кокарды на фуражкахъ чуть-чуть виднѣлись въ темнотѣ; хотя было еще очень рано, но мы всѣ чувствовали себя свѣжими и бодрыми. „Не забыли ли чего?“ „Всѣ ли огни потушены“ слышалось кое-гдѣ... Затѣмъ все затихло, раздалось приказаніе: „Впередъ, не производить шума“, и мы безшумно начали подвигаться. Мы должны были осторожно обойти селеніе, чтобъ не разбудить китайцевъ, которые замѣтили бы наше отсутствіе лишь значительно позже. Тутъ очень пригодилось намъ умѣнье двигаться безшумно, въ чемъ насъ часто и подолгу упражняли. Странно сказать, но, удаляясь изъ селенія—мѣста нашей стоянки, мы чувствовали грусть, какъ будто покидали нѣчто родное.... мы привыкли ко всему окружающему: и къ деревьямъ, подъ которыми укрывались отъ дождя и солнца, и къ

рѣчкѣ, изъ которой черпали воду. Между жителями деревни былъ старикъ по имени Ходен-шинъ, потомокъ какого-то эмигранта династіи Минга. Онъ во все время нашей стоянки старался быть полезнымъ, какъ и чѣмъ могъ: носилъ намъ воду, разводилъ огонь и т. д. Онъ какъ-то узналъ, что мы выступаемъ и всю ночь оставался съ нами, помогая въ сборахъ. Когда же мы проходили по деревнѣ, онъ вышелъ на ея окраину, чтобы проводить насъ. Конечно, мы не могли забыть этого вѣрнаго намъ старика и даже теперь часто вспоминаемъ его доброе къ намъ отношеніе.

Утро было туманное и солнце не поднялось еще надъ горизонтомъ. Знамя Восходящаго Солнца развѣвалось во главѣ нашей длинной колонны; вдали со стороны праваго фланга слышны были рѣдкіе выстрѣлы. Неужто начался бой?

Въ это время нашъ правый и лѣвый фланги начали наступленіе: правый атаковалъ высоту на юго-западѣ дер. Панту *), а лѣвый повелъ атаку на укрѣпленія русскихъ, построенныя на высотахъ къ западу отъ деревни Льяни-чао, что къ сѣверу отъ 368 метровой высоты (Кензанъ) и къ югу отъ Шуанг-тинг-шанскаго хребта.

Наша, т. е. средняя, колонна лѣвой дивизіи должна была атаковать Вайту-шанъ. Мы тихо подвигались впередъ, сдерживая лошадей, свернувъ знамя и таща за собою орудія. Когда мы подошли къ горѣ, непріятель встрѣтилъ насъ залпомъ, видимо намѣреваясь оказать упорное сопротивленіе. Нако-

*) Къ Сѣверу отъ Средней Артурской дороги.
Прим. перев.

нецъ-то взвился занавѣсъ той сцены, на которой мы могли показать свои силы и помѣриться съ врагомъ—врагомъ стойкимъ и сильнымъ! На ихъ залпъ мы отвѣтили пулями и снарядами. Русскіе занимали вершину горы; ихъ пули падали какъ дождь на наши головы и бороздили землю подъ нашими ногами. Все чаще и чаще свистали пули, все громче гремѣли орудія съ обѣихъ сторонъ; ѣдкій запахъ отъ бездымнаго пороха насыщалъ воздухъ... непрерывный щелкъ спускаемыхъ курковъ, трескъ выбрасываемыхъ гильзъ и свистъ летающихъ снарядовъ—какая дивная картина! Со всѣхъ сторонъ раздавались возгласы: „Впередъ, впередъ“. Мы лѣзли на крутыя скалы, сжимая въ рукахъ оружіе, и наши сердца бились все сильнѣе и сильнѣе. Непріятельскій огонь усилился... Бой разгорался. Всякую атаку прежде всего необходимо подготовить огнемъ. Штыкъ вѣнчаетъ дѣло, но предварительно должна сыграть свою роль пуля. Когда попадаешь впервые подъ огонь, невольно тебя съ головы до ногъ охватываетъ возбужденіе и человѣкъ теряется, но съ этимъ нужно бороться. Какъ ни трудно подчасъ быть хладнокровнымъ, но надо и зарядить, и прицѣлиться, и спустить курокъ обдуманно, спокойно, что бы не происходило кругомъ, какъ бы сильно не лилась кровь. Въ этомъ залогъ и тайна побѣды!

„Спускай курокъ такъ мягко и безшумно,

„Какъ иней ложится въ холодную ночь“...

говоритъ поэтъ. Обдуманный спокойный выстрѣлъ всегда попадетъ въ цѣль. Враги падаютъ одинъ

за другимъ... Затѣмъ наступаетъ минута рѣшительной атаки, а съ нею и побѣда.

Раздается гимнъ и громкое „банзай“ въ честь Микадо... Таковъ ходъ событій. Люди дрались все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ...число раненыхъ увеличивалось съ каждой минутой. Стоны раздавались со всѣхъ сторонъ, многіе безжизненно валились на землю... Пули достигали своей цѣли! Наконецъ бой достигъ наибольшаго напряженія... Непріятель заколебался... Громче гремятъ выстрѣлы, не умолкая ни на минуту... кажется, стонутъ долины и горы, дрожитъ небо и земля... сильнѣе натискъ... еще минута и капитанъ Мураками, нашъ командиръ, съ высоко поднятой саблей и крикомъ: „Гокканъ, Гокканъ“ *), ринулся впередъ... за нимъ бросились мы... русскіе стали отступать, побросавъ часть оружія и запасовъ. Мы взяли Вайту-шанъ. Правда, этотъ бой не былъ выдающимся по кровопролитію, но для насъ онъ былъ боевымъ крещеніемъ. „Medetaschi! medetaschi!“ (Слава, слава) —кричали мы, сливая этотъ кличъ съ самымъ жаркимъ, самымъ радостнымъ „банзай“ великому Императору.—То было въ 8 ч. утра 26-го іюня.

---

*) Слово Гокканъ латинск.—значитъ буквально: „послѣдній штурмъ“, но онъ употребляется какъ воинственный кличъ.

ГЛАВА XI.

Взятіе Кензана.

Послѣ сравнительно легкаго занятія Вайту-шана наши войска, ободренные успѣхомъ, начали преслѣдовать русскихъ по узкой долинѣ, ведущей отъ Лингшун-хо-тсу къ 368 метр. высотѣ, т. е. къ Кензану. Мы имѣли въ виду, преслѣдуя русскихъ, добраться до Кензана и выбить ихъ съ этой позиціи. Кензанъ— это очень крутая скалистая гора съ неровной вершиной; восточный его склонъ настолько крутъ, что одинъ человѣкъ, защищая его, могъ бы задержать цѣлую тысячу людей. Эта гора собственно не имѣла названія; русскіе назвали ее Куинсанемъ, но когда она досталась намъ, генералъ Ноги назвалъ ее „Кензанъ“, т. е. Сабельная гора, въ память извѣстной крутой горы Fsurugi-ga-miné *) въ Шикоку (Японіи), гдѣ были зимнія квартиры нашего полка, желая тѣмъ увѣковѣчить нашъ подвигъ въ этомъ дѣлѣ. Мы совершенно не знали, какія силы обороняютъ гору, мы знали только, что тамъ находилась пѣхота и около 10 орудій **).

---

*) Fsurugi—сабля.

**) Кензанъ былъ занятъ одной ротой съ 2-мя орудіями Барановскаго. Рота эта очистила свою позицію заблаговременно, когда ныяснилось, что противъ нея наступаютъ значительныя силы. Укрѣпленъ Кензанъ не былъ.

Примѣчаніе перев.

Нашъ полкъ шелъ въ аррьергардѣ; мы обогнули гору и остановились на воздѣланномъ полѣ у берега моря. Въ этотъ день на Ліаотунгѣ стояла страшная жара; вблизи воды не было, чтобъ хотя смочить горло, ни деревца, ни даже куста, чтобы укрыться отъ солнца; травы не было, только горячій песокъ да раскаленные лучи солнца, которые, казалось, проникали сквозь фуражки и растапливали наши мозги. Мы утѣшались только увѣренностью, что намъ не долго придется выносить эту пытку и что скоро мы опять вступимъ въ бой. Но мы прождали въ томъ же положеніи съ 9 утра до 3-хъ часовъ пополудни—въ самые жаркіе часы дня. Вдали съ лѣвой стороны виднѣлось сверкающее на солнцѣ море и манило насъ окунуться въ свои холодныя волны, передъ тѣмъ какъ итти въ новый бой. Немного позднѣе около острова Сяо-биндао, лежащаго налѣво отъ насъ, показался русскій военный корабль и началъ обстрѣливать наши резервы. Намъ видно было, какъ дымъ отъ орудій клубами поднимался къ небу; мы видѣли, какъ снаряды то ударялись въ твердый уступъ горы, отскакивая отъ него, то, разрываясь, отрывали большіе осколки камня. Шумъ и дымъ окружали насъ, зрѣлище было возбуждающее... мы стояли въ безопасномъ отъ выстрѣловъ мѣстѣ и, хотя снаряды падали и разрывались очень близко отъ насъ, но никому вреда не причинили. Вскорѣ послышался трескъ орудій со стороны Кензана; это значило, что начался штурмъ, и мы съ нетерпѣніемъ стали ждать своей очереди итти къ пункту сраженія.

Раздалось приказаніе: „Впередъ маршъ“... Тот-

часъ всѣ офицеры и солдаты были каждый на своемъ мѣстѣ; всѣ взоры обращены были на командира, мужественное лицо котораго внушало полную увѣренность въ успѣхѣ. Для солдатъ внѣшность начальника имѣетъ громадное значеніе. Иногда въ критическую минуту битвы одинъ взглядъ на бодрое, строгое, непоколебимое лицо командира придаетъ столько энергіи и храбрости полку, которыя обезпечатъ имъ побѣду.

Боясь, что тяжелые ранцы будутъ имъ помѣхой при быстромъ маршѣ, солдаты спѣшно положили дневную порцію провіанта въ небольшіе длинные мѣшки, которые вмѣстѣ съ верхней накидкой привязывались на спину. Я захватилъ съ собою немного папиросъ и отправился съ ними. Мы шли по узкой дорогѣ, направляясь въ ту сторону, откуда слышался грохотъ орудій. Невольно мы ускоряли нашъ шагъ; какъ всегда намъ казалось, что мы прибудемъ черезчуръ поздно, а всѣ мы рвались въ серьезное дѣло.

Наконецъ мы подошли къ Кензану; эта крутая гора почти перпендикулярно высилась передъ нами. Наши цѣпи не прекращали ни на минуту перестрѣлки съ русскими; раненыхъ у насъ было уже много; ихъ немедленно уносили въ тылъ. Видъ окровавленныхъ тѣлъ на носилкахъ и раненыхъ, съ трудомъ передвигающихъ ноги, опираясь на ружья, вызвалъ въ насъ жажду скорѣйшаго отмщенія...

Бой усиливался. Наша артиллерія старалась потушить огонь русскихъ орудій. Пѣхота, цѣпляясь за скалы, лѣзла по крутому склону, иногда пріостанавливаясь на минуту, чтобы дать залпъ, и снова

карабкалась выше. Кругомъ летали, падали и разрывались снаряды, густой дымъ заволакивалъ небо. Скоро артиллерія подбила 3 или 4 непріятельскихъ орудія. Пѣхота подошла уже къ противнику почти вплотную, какъ вдругъ подъ нею взорвались двѣ мины... Наши люди исчезли въ облакахъ дыма и поднятой земли; мы думали, что большинство погибло... Странно сказать, но, когда дымъ разсѣялся, всѣ люди оказались на ногахъ. Непріятель истратилъ большое количество драгоцѣннаго взрывчатаго вещества, но въ результатѣ получилось лишь облако дыма и пыли. Русскіе хотѣли задержать наше наступленіе не только взрывомъ заложенныхъ ими минъ, но и интенсивнымъ огнемъ. Послѣдній былъ настолько силенъ, что мы почти не имѣли возможности поднять головы. Но наши не унывали; шагъ за шагомъ ползли они вверхъ, не обращая вниманія на скалы и камни; за передовыми цѣпями слѣдовали главныя силы. Подобно стремительному потоку, преодолѣвая заложенныя мины, осыпаемые снарядами и ружейнымъ огнемъ со всѣхъ сторонъ, наши солдаты двигались впередъ, и упорство ихъ атаки не поддается описанію. Русскіе сопротивлялись отчаянно, желая во что бы то ни стало удержать Богомъ созданную твердыню Кензанъ, столь имъ необходимую.

Внезапно раздался страшный грохотъ по всей линіи и офицеры съ саблями наголо бросились на непріятельскіе окопы... за ними послѣдовали солдаты. Началась ужасная борьба: штыки скрещивались со

штыками, сабли взмахивались надъ головами *), пули свистя сыпались со всѣхъ сторонъ и все это заглушалось стонами раненыхъ... Скоро мы стали побѣдителями: послѣ отчаяннаго сопротивленія русскіе отошли, оставивъ и на этотъ разъ много запасовъ... Радостно поздравляли мы другъ друга. Гордое „банзай“ раздалось на высотахъ Кензана, гдѣ уже развѣвался флагъ Восходящаго Солнца. Разъ твердыня стала нашей, мы, конечно, никогда не выпустимъ ея изъ своихъ рукъ.

---

*) Мы уже указывали, что Кензанъ (Хуинсань) былъ очищенъ заблаговременно, почему описаніе штыковаго боя составляетъ плодъ фантазіи автора.

Примѣчаніе перев.

ГЛАВА XII.

Контръ-атака Кензана.

Вслѣдъ за Кензаномъ въ наши руки перешелъ Шуанг-тинг-шанъ и примыкающія къ нему высоты*). Вездѣ развѣвались теперь наши флаги и отовсюду слышались не боевые, а побѣдные залпы. Шуанг-тинг-шанъ имѣлъ почти такое же значеніе, какъ и Кензанъ, но онъ былъ укрѣпленъ хуже, чѣмъ первый, и русскіе не могли долго здѣсь держаться. Онъ достался намъ легко. „Если одинъ дикій гусь испугается, то за нимъ смѣшается и разлетится все стадо; если заколеблется одна рота—вся армія будетъ побѣждена“—говоритъ старая пословица. Послѣ взятія нами Кензана, который русскими считался неприступнымъ, Шуанг-тинг-шанъ палъ за нимъ какъ осенній листъ, а затѣмъ мы овладѣли и Сяо-биндао. Этотъ островъ находится съ лѣвой стороны у подошвы Шуанг-тинг-шана. Я уже говорилъ выше, что русскія суда, подходя къ нему, обстрѣливали насъ съ фланга, что могло повести

---

*) Высоты къ востоку отъ Лунвантанской бухты.

Примѣчаніе перев.

къ весьма непріятнымъ для насъ послѣдствіямъ Нѣсколько разъ мы ихъ отгоняли къ Портъ-Артуру, но при первой возможности они снова появлялись и бомбардировали наши позиціи. Во время боя 26-го іюня три или четыре военныхъ судна, подойдя къ берегу на близкую дистанцію, сильно мѣшали нашему наступленію на Кензанъ и Шуанг-тинг-шанъ. Наконецъ лѣвому крылу нашей дивизіи было приказано овладѣть островомъ, что и было ими исполнено; такимъ образомъ вся передовая линія русскихъ укрѣпленій близъ Портъ-Артура оказалась въ нашихъ рукахъ. Такъ какъ каждая отдѣльная часть арміи успѣшно справилась со своей задачей въ дѣлѣ 26-го іюня и всѣ намѣченныя нами позиціи были заняты, то это дало намъ огромное преимущество при дальнѣйшемъ развитіи нашего общаго плана кампаніи. Теперь мы могли совершенно свободно слѣдить за движеніями и дѣйствіями непріятеля съ тѣхъ самыхъ высотъ, откуда онъ наблюдалъ за нами. Неудивительно, что русскіе хотѣли вернуть во что бы то ни стало эти командующіе пункты. Говорили, что Генералъ Стессель отдалъ приказъ отбить у насъ Кензанъ, во что бы то ни стало, такъ какъ онъ былъ необходимъ для обороны Портъ-Артура. Что русскіе хотѣли этого достигнуть, было вполнѣ понятно, но и мы, японцы, не менѣе твердо рѣшились не выпускать изъ рукъ такую добычу, какія бы силы или хитрости русскіе не пустили противъ насъ. Если они были готовы на всякія жертвы для достиженія цѣли,—то и мы въ этомъ не уступали имъ. Попробуйте, при

дите отобрать у насъ Кензанъ, только не пришлось бы вамъ впослѣдствіи горько раскаяться. Они надѣялись „задержать тигра у переднихъ воротъ, да забыли, что у заднихъ стоитъ уже волкъ *)“. Долгій, утомительный лѣтній день клонился къ вечеру и сѣрый сумракъ обволакивалъ землю. Теплый, удушливый вѣтеръ колебалъ траву, пропитанную свѣжей кровью... Шумъ битвы смѣнился тишиной, изрѣдка нарушаемой рѣдкими выстрѣлами, замирающими вдали. То была месть побѣжденнаго врага, который съ горя и досады стрѣлялъ въ воздухъ. Мы посмѣивались надъ нимъ. Внезапно черныя тучи скучились на вершинахъ горъ, спустились на нихъ и разразились проливнымъ дождемъ. Молніи бороздили небо и громъ гремѣлъ безъ перерыва, это было какъ бы повтореніе тѣхъ страшныхъ сценъ, которыхъ мы были свидѣтелями утромъ. Эта борьба природы была тяжелымъ испытаніемъ для людей: усталые они теперь не имѣли никакой защиты отъ дождя и промокли до костей. Всю ночь провели мы подъ дождемъ на горѣ, прислушиваясь къ ржанію лошадей, стоявшихъ у ея подошвы. Каждое жаркое сраженіе почти всегда сопровождается ливнемъ или бурей. Когда бой достигаетъ наибольшаго напряженія, все небо покрывается чернымъ дымомъ и все окружающее кажется мрачнымъ. Такъ и въ данномъ случаѣ,—сильный ливень смылъ съ поля битвы пролитую кровь и другіе слѣды боя, а вѣтеръ очистилъ воздухъ отъ удушливаго дыма.

---

*) Японская поговорка.

Въ такихъ случаяхъ говорятъ про дождь, что это „слезы радости побѣдителей и слезы отчаянія побѣжденныхъ“. Это также слезы о погибшихъ братьяхъ.

Наши враги видимо думали воспользоваться темнотою дождливой ночи и постараться вернуть занятую нами позицію. Но они ошиблись въ разсчетахъ, надѣясь на отсутствіе у насъ бдительности. Раскаты грома и шумъ дождя не мѣшали намъ прислушиваться къ малѣйшему звуку; всю ночь мы были настороже и всякій разъ, какъ русскіе пробовали къ намъ приблизиться, мы встрѣчали ихъ такъ привѣтливо, что они не рѣшались итти дальше. Когда мы занимаемъ какую-либо позицію, немедленно впередъ выставляются сторожевыя охраненія, которыя и оберегаютъ позицію съ неусыпной бдительностью. Мы называемъ это „стянуть ремень каски при побѣдѣ“. Семь дней прошло послѣ взятія Кензана и Шуанг-тинг-шана, какъ вдругъ русскіе задумали вернуть себѣ Кензанъ. Это было въ полдень 3-го іюля. Они думали подавить насъ превосходными силами. До 1000 человѣкъ пѣхоты двинулись изъ Янг-чіа-туна прямо на Кензанъ; ихъ поддерживала артиллерія, расположенная около и на самомъ Ташик-тунгѣ, обстрѣливая насъ весьма энергично. Мы постоянно предвидѣли эту контръ-атаку и не были застигнуты ею врасплохъ. Наши орудія и стрѣлки заняли свои позиціи и, хотя русскіе безстрашно шли впередъ, тѣмъ не менѣе они не вынесли нашихъ дружныхъ залповъ, падая какъ „кегли въ игрѣ“. Шедшій во

главѣ ихъ офицеръ съ поднятой саблей бросился на нашихъ, но былъ убитъ наповалъ. При каждомъ залпѣ они валились „какъ осенніе листья отъ вѣтра“. Оставшіеся въ живыхъ не могли итти далѣе и въ безпорядкѣ спустились съ горы... Русская артиллерія продолжала поддерживать огонь, обстрѣливая учащенно нашъ центръ, но, какъ видно, видъ отступающихъ людей убѣдилъ ее въ безполезности продолжать стрѣльбу и орудія постепенно замолкли... Снова наступила тишина, но прежде мы громко прокричали „банзай“ отъ радостнаго сознанія, что русская контръ-атака на Кензанъ не удалась.

Однако, русскіе не могли примириться съ потерей столь важной позиціи, какъ Кензанъ, и вскорѣ послѣ описанной нами попытки вернуть его обратно, предприняли, приблизительно съ такими же силами, новую контръ-атаку со стороны Тайпо-шана. На этотъ разъ они двинулись съ оркестромъ музыки и, подойдя на дистанцію семи или восьмисотъ метровъ, быстро развернулись и съ крикомъ „ура“ подъ звуки музыки стремительно бросились на нашу позицію. Мы встрѣтили ихъ сильнѣйшимъ огнемъ, поражая, какъ приближающихся къ намъ, такъ и отступающихъ. Часть нашего отряда, въ свою очередь, перешла въ контръ-атаку и оттѣснила противника, который отступилъ къ Тайпо-шану. Несмотря на очевидную невозможность вернуть утраченныя позиціи, русскіе такъ настойчиво желали снова овладѣть Кензаномъ, что еще нѣсколько разъ производили контръ-атаки и всякій разъ несли большой уронъ. Мы не можемъ

не преклониться передъ той энергіей и настойчивостью, съ какими добивались своей цѣли эти достойные сыны великой Имперіи... Какъ у насъ, японцевъ, есть нашъ благородный и непобѣдимый Ямато-Дамаши, такъ и у славянъ есть свой, имъ присущій, непоколебимый духъ. „Ревъ тигра подымаетъ бурю, а дыханіе дракона собираетъ тучи на небѣ“. Каждая враждующая сторона имѣла передъ собою противника, достойнаго, чтобы съ нимъ помѣриться силою *).

На слѣдующій день, 4-го іюля, въ часъ ночи подъ покровомъ темноты добрался до Кензана и атаковалъ насъ почти врасплохъ отрядъ самыхъ отчаянныхъ смѣльчаковъ. Ихъ нападеніе было для насъ совершенно неожиданно и выполнено очень искусно. Совершенно безшумно, не шелестя даже травой, не сдвинувъ ни одного камешка, русскіе поднялись по склону горы и, подойдя къ посту, убили часовыхъ, а затѣмъ стремительно ворвались въ наши окопы съ саблями наголо и штыками наперевѣсъ. Произошла ужасная свалка... было такъ темно, что невозможно было отличить своего отъ врага, и намъ оставалось только рубить и колоть направо и налѣво, не разбирая кого. Видѣть мы не могли, но слышали, какъ падали тѣла подъ нашими ударами. И на этотъ разъ оборона была сильнѣе атаки и русскіе отступили съ горы, разочарованные, но въ полномъ порядкѣ. Мы

---

*) Въ этотъ день мы не предпринимали контръ-атаки на Кензанъ, но выбили японцевъ съ высотъ къ востоку отъ Лунвантанской бухты (Зеленыя горы, Высокая и Семафорная), занятыхъ ими 26 іюня нов. ст.
Прим. перев.

были поражены ихъ храбростью и настойчивостью. Даже оставшіеся на мѣстѣ раненые старались поразить насъ пулей или штыкомъ. Мнѣ особенно памятенъ одинъ опасно раненый, бывшій уже при послѣднемъ издыханіи: онъ приподнялъ голову и съ ненавистью и угрозой смотрѣлъ на насъ, пока, наконецъ, не повалился навзничь и умеръ *).

Разъ даже эта, столь искусно подготовленная, атака не удалась, мы были совершенно увѣрены, что русскіе, наконецъ, откажутся отъ дальнѣйшихъ попытокъ выбить насъ изъ нужной имъ позиціи. Но мы ошибались: они не могли отказаться отъ надежды такъ или иначе снова овладѣть Кензаномъ. На разсвѣтѣ этого же дня они повели атаку большими силами. На этотъ разъ они сражались съ еще большимъ ожесточеніемъ. Артиллерія ихъ поддерживала непрерывный огонь, содѣйствуя пѣхотѣ. Сила цѣпей все увеличивалась и увеличивалась; видимо, русскіе рѣшились добиться цѣли, не считаясь съ жертвами. Несмотря на преимущества нашей позиціи и нашу опытность въ дѣлѣ многократнаго отраженія непріятельскихъ атакъ, превосходство силъ противника было такъ значительно, а натискъ такъ стремителенъ, что на этотъ разъ мы съ трудомъ держались на своихъ позиціяхъ. Но и съ нашей стороны позиція была усилена изъ резерва, а всѣ ея укрѣпленія были оборудованы основательно, на случай перехода русскихъ въ наступленіе. Атака эта была столь же ожесто-

---

*) Атака эта была предпринята сборной партіей охотниковъ подъ начальствомъ поручика Ясевича и 2-мя ротами 14 В. С. стрѣлковаго полка. Примѣчаніе перев.

ченна, какъ и произведенный нами штурмъ Кензана. Противникъ усилилъ свою артиллерію и занялъ ею рядъ смежныхъ высотъ: Янг-чіа-тунъ, Май-тау-ку, Антсу-лингъ *) и друг., а главныя его силы направлены были на Кензанъ, а также и на центръ нашей позиціи. Они буквально засыпали насъ шрапнелью и огонь ихъ былъ весьма дѣйствителенъ. Залпы орудій и ружейный огонь не прекращались ни на минуту.

Съ ранняго утра наша пѣхота и артиллерія стала отвѣчать на этотъ огонь, не давая непріятелю продвинуться впередъ, твердо рѣшившись не уступить ему и одной пяди земли, купленной цѣною крови столькихъ жертвъ. Всего тяжелѣе было положеніе защитниковъ вершины Кензана. Они упорно держались подъ бѣшенымъ огнемъ русскихъ, съ трудомъ сдерживая ихъ наступленіе. Минутами они, казалось, ослабѣвали, но тутъ подоспѣвали офицеры, которые ободряли ихъ, и съ крикомъ „пали, пали“ съ пѣной у рта бросались прямо въ ряды непріятеля. Люди сражались, не жалѣя ни рукъ, ни силъ, ни патроновъ, съ которыми они вообще весьма бережливы. Огонь съ обѣихъ сторонъ становился ожесточеннѣе ...тысячи пуль и снарядовъ перекрещивались въ воздухѣ, наполняя его смутнымъ непрерывнымъ гуломъ. Воздухъ и земля казались ареной бѣшеной схватки демоновъ. Никто не могъ сказать, когда наступитъ ей конецъ. Непріятельскія орудія не смолкали; ихъ снаряды то пролетали черезъ наши головы, то падали среди насъ, принося съ собой смерть и разрушеніе.

---

*) Такъ называемый Скалистый хребетъ.

Примѣчаніе перев.

Ихъ гранаты глубоко бороздили землю и взрываясь наполняли воздухъ чернымъ и бѣлымъ дымомъ. Наша артиллерія также настойчиво отвѣчала непріятелю. Временами приходилось перемѣщать орудія.— Исходъ боя былъ пока еще сомнителенъ; къ русскимъ иногда подходили подкрѣпленія и тогда они съ новой энергіей бросались въ атаку. И у насъ часть общаго резерва была переведена въ боевую часть. Кромѣ того, нѣсколько тяжелыхъ орудій было вызвано изъ Банту, установлено въ Хуан-и-шуанѣ, Ташанг-тунѣ и окрестностяхъ, а южнѣе, въ Ша-ка-ко, стала тяжелая морская артиллерія. По мѣрѣ подхода къ обѣимъ сторонамъ свѣжихъ силъ, бой принималъ все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ; враги дрались съ остервенѣніемъ; залпы орудій не прекращались, какъ будто запасъ снарядовъ былъ неистощимъ. Русскіе видѣли разрушающее дѣйствіе своей артиллеріи и при ея поддержкѣ готовились къ новому жестокому штурму... но мы бдительно слѣдили за ними и, въ свою очередь, приготовились къ рѣшительному сопротивленію.

Сѣрый сумракъ ложился на поле битвы, слабо освѣщаемое косыми лучами заходящаго солнца, и придавалъ всему окружающему унылый, безотрадный видъ, увеличивая еще болѣе наше безпокойство за исходъ боя. Неужели такая борьба не приведетъ къ положительному результату? Непріятель, видимо, не хотѣлъ прекратить наступленія даже ночью, напротивъ онъ разсчитывалъ именно на успѣхъ ночного штурма и старался въ теченіе цѣлаго дня тревожить и обезсилить насъ; мы, понятно,

предвидѣли эти намѣренія и были готовы отразить его. Дѣйствительно въ полночь вся непріятельская пѣхота пришла въ движеніе, намѣреваясь быстрымъ, рѣшительнымъ штурмомъ отнять у насъ Кензанъ. Русскіе атаковали насъ какъ изступленные, штыки ихъ слабо мерцали въ потьмахъ, а крики „ура“ раздавались подобно рычанію множества дикихъ звѣрей... „Настала минута намъ показать себя“—вотъ, что чувствовали всѣ мы и каждый рѣшился умереть, но не уступить врагу. Залпъ за залпомъ сыпались на русскихъ, мы знали, что они не устоятъ передъ такимъ адскимъ огнемъ. И мы не ошиблись: „ура“ раздавалось все слабѣе и слабѣе, мерцанье стали ихъ штыковъ все исчезало въ темнотѣ и снова настала такая тишина, что намъ было слышно стрекотанье насѣкомыхъ въ травѣ и стоны раненыхъ русскихъ, оставленныхъ на полѣ сраженія. Темныя тучи нависли надъ нами, угрожая разразиться дождемъ... но прежде мы сами пролили слезы по погибшимъ въ бою друзьямъ и товарищамъ Позднѣе выяснилось, что въ этотъ день русскіе начали атаку силой до тысячи человѣкъ, но затѣмъ участвовало въ бою 5 тысячъ, а къ концу боя число ихъ возросло до 10 тысячъ*). Кромѣ того, въ бою приняли участіе ихъ канонерки, которыя держались противъ Лунг-ванг-танга и дѣятельно обстрѣливали нашъ центръ и лѣвый флангъ.

---

*) Въ дѣйствительности въ контръ-атакѣ Кензана участвовалъ лишь 13-й полкъ и нѣсколько охотничьихъ командъ. Къ югу отъ Кензана была произведена только демонстрація.

Примѣчаніе перев.

Но даже такія значительныя силы и совмѣстное дѣйствіе сухопутныхъ и морскихъ силъ не могли достичь намѣченной ими цѣли и сломить наше сопротивленіе. Послѣ послѣдней, по счету четвертой, и самой жестокой атаки, русскіе потеряли надежду и энергію и не пытались болѣе отбивать Кензанъ. Единственно, что имъ оставалось дѣлать— это наблюдать за нашей позиціей и тревожить насъ днемъ рѣдкимъ огнемъ, а ночью небольшими атаками на отдѣльные пункты нашей позиціи, которыя предпринимались съ цѣлью отвлечь наше вниманіе отъ спѣшно устраиваемыхъ ими укрѣпленій по хребту Тайпо-шанъ.

ГЛАВА XIII.

Въ ожиданіи перехода въ наступленіе.

Какъ мучительно бездѣйствовать въ ожиданіи перехода въ наступленіе. Мы рвемся въ бой. Мы приготовились къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть, а между тѣмъ обстоятельства, заставляютъ насъ терпѣливо оставаться на томъ же мѣстѣ. Сабли наши вложены въ ножны, а руки опущены въ бездѣйствіи... Но иногда оборона бываетъ подготовкой наступленія. Пользуясь ею, мы производимъ тщательныя рекогносцировки непріятельской позиціи и выясняемъ его расположеніе, чтобы на основаніи добытыхъ свѣдѣній составить планъ атаки. Такимъ образомъ, нашъ образъ дѣйствій можно сравнить съ дѣйствіями дракона, укрывшагося до поры до времени въ прудѣ, чтобы затѣмъ, изрыгая дымъ и пламя, унестись въ высь. И такъ, я позволю себѣ остановиться на описаніи нашей жизни на оборонительной позиціи послѣ взятія Кензана. Значительныя силы русскихъ, доходившія до 14 баталіоновъ съ 24 орудіями, рядомъ послѣдовательныхъ упорныхъ

атакъ намѣревалась отбить у насъ Кензанъ, „во что бы то ни стало“—по выраженію генерала Стесселя. Но усилія русскихъ не увѣнчались успѣхомъ: они отступили далеко назадъ: къ Шванг-тай-ку *) и Антсу-лингу—на сѣверѣ и къ Лаотсо-шану и Тай-по-шану—на югѣ, и тамъ вдоль хребта горъ начали возводить сильныя укрѣпленія, разсчитывая сдѣлать эту позицію столь же неприступной, какъ и Кензанъ **). Мы же остались на занятой позиціи, не уступивъ врагу ни одной пяди земли ***). Наша оборонительная линія начиналась отъ Антсу-линга на сѣверѣ и, захватывая Льяни-чао, Кензанъ, Ваньи-хуанъ и Ташанг-тунъ, заканчивалась на югѣ Шуанг-тинг-хуаномъ. На нашъ полкъ были возложены наблюденіе и оборона на участкѣ у Ваньи-хуана и Ташанг-туна и вмѣстѣ съ тѣмъ постройка тамъ окоповъ, въ виду чего мы сразу же взялись за лопату и кирку. Сравнительно съ нашей стоянкой въ Чанг-чіа-тунѣ мы здѣсь были гораздо ближе къ непріятелю; кромѣ того, мы должны были укрѣпляться здѣсь болѣе основательно, такъ какъ русскіе, несмотря на ихъ неудачи подъ Кензаномъ, несомнѣнно, при первомъ удобномъ случаѣ перешли бы въ контръ-атаку. Послѣ столькихъ тяжелыхъ боевъ, мы не могли даже дать отдохнуть людямъ, которые, кромѣ исполненія работъ, должны были охранять

---

*) д. Суанцайгоу.

**) Выше уже было сказано, что Кензанъ (Хуинсань) укрѣпленъ нами не былъ.

***) Авторъ замалчиваетъ, что японцы были выбиты изъ Зеленыхъ горъ, Семафорной и Высокой (Тайпо-шана и Лаотсо-шана).

Примѣчаніе перев.

нашъ лагерь отъ мародеровъ и воровъ. Надо отдать справедливость нашимъ солдатамъ—они были прямо неутомимы: съ утра до ночи таскали они мѣшки съ пескомъ и перетаскивали проволочныя загражденія изъ Шанг-шіа-туна; они приносили ихъ оттуда по узкимъ горнымъ тропинкамъ, а иногда и просто лѣзли съ ними по хребтамъ горъ, цѣпляясь за корни или за каменистые выступы. Спѣшно, не теряя ни минуты, мы укрѣпляли нашу позицію. Послѣдняя представляла очень крутую, утесистую, почти голую гору, откосы которой почти перпендикулярно поднимались надъ долиной. Тутъ не было ни деревца, чтобы въ тѣни его укрыться отъ знойнаго солнца, ни ручейка или родника, чтобы смочить опаленныя губы. Единственнымъ нашимъ утѣшеніемъ было то, что мы могли сквозь туманъ видѣть далекій фортъ Лаотешана *) и высоты, окружающія Портъ-Артуръ, и мысленно представлять себѣ моментъ, когда на этой сценѣ разыграется великая человѣческая трагедія. Мы представляли себѣ радость новой побѣды, за которую жаждали отдать свою душу. Дни тянулись въ непрерывномъ трудѣ и тщетныхъ ожиданіяхъ. Съ приближеніемъ ночи было видно, какъ темныя фигуры поднимались по склону горы на ея вершину, то была смѣна—свѣжіе труженики являлись смѣнять людей, измученныхъ дневной работой. Ночная служба была еще труднѣе, чѣмъ денная: днемъ наши работы часто прерывались огнемъ непріятельскихъ орудій,

*) Лаотешанъ—горный массивъ, носящій то же названіе и по-русски, въ 2 верстахъ къ западу отъ западнаго фронта крѣпости; Лао-тсашань (Высокая) высота къ востоку отъ Лунвантанской бухты.

которымъ мы служили мишенью, а потому работа подвигалась медленно и ночью приходилось наверстывать потерянное время. Наблюдая за огоньками, мелькавшими на непріятельской линіи, наши солдатики рыли траншеи, таскали камни, носили песокъ, наполняли имъ мѣшки и вбивали колья для проволочныхъ заграждeній, стараясь дѣлать все это возможно безшумнѣе. Курить не позволялось, такъ какъ даже слабый огонекъ могъ привлечь на насъ огонь противника. Въ два, три часа ночи мы всѣ еще работали, какая бы ни стояла погода. Люди наши не роптали и не жаловались, не жалѣя труда и силъ для славы родины и Императора. Безспорно они заслужили благодарность и уваженіе націи.

Передъ утромъ большая часть людей ложилась спать, но другимъ приходилось оставаться на своемъ посту, стоя неподвижно съ ружьемъ на плечѣ и не спуская глазъ съ непріятеля. Это одна изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей; пронизываемые холоднымъ вѣтромъ они съ улыбкой говорили: „Холодненько сегодня! Надо ли ждать обычнаго ночного нападенія?“ Мы не знали навѣрное, гдѣ была расположена непріятельская артиллерія, но она частенько пускала снаряды въ долину, гдѣ расположились въ палаткахъ штабные офицеры, какъ бы разыскивая насъ. Однажды, это было кажется 15-го іюля, вдругъ со свистомъ упалъ громадный снарядъ и разорвался, поднявъ столбъ земли, засыпая насъ осколками камней и обдавая ѣдкимъ желтымъ дымомъ. До этого времени мы имѣли дѣло лишь съ полевыми оруді-

---

*) Послѣ 4-го іюля (нов. ст.) на наши передовыя позиціи были присланы 4—6 дм. полевыя мортиры. Прим. перев.

ями, а потому недоумѣвали откуда появился этотъ снарядъ. Рѣшили, что русскіе, вѣроятно, подвезли въ Лунг-ванг-тангъ одно изъ своихъ большихъ морскихъ орудій и открыли изъ него огонь *). Видимо, пуская по насъ, хотя и рѣдко, свои снаряды, они хотѣли напомнить намъ, что не раздумали еще отнять у насъ Кензанъ. Мы вели счетъ всѣмъ предназначеннымъ намъ снарядамъ, отмѣчая сколько разъ, куда и когда именно они попадали. Напрасно врагъ старался запугать насъ, потрясая своими рѣдкими ударами скалы Кензана. Когда смотришь издали, то взрывъ шрапнели кажется фейерверочной ракетой, хотя нельзя сказать, чтобы было особенно пріятно находиться подъ этимъ огнемъ. Насъ очень интересовало одно обстоятельство. Каждый день, почти въ одинъ и тотъ же часъ, русскіе открывали огонь по пункту стоянки главной квартиры и причиняли намъ иногда неожиданный вредъ. Мы поняли, что здѣсь кроется какая-то тайна, но не могли никакъ разгадать ее. Наконецъ, послѣ долгихъ наблюденій и предположеній, мы узнали слѣдующій удивительный и отвратительный фактъ: мѣстные китайцы имѣли обыкновеніе пасти скотъ по склонамъ горъ позади нашей сторожевой линіи; пользуясь тѣмъ, что мы никогда не обращали вниманія на такое обыкновенное явленіе, они сговорились съ русскими, что будутъ имъ сигнализировать, указывая имъ направленія, и корректировать огонь, перегоняя по горѣ коровъ или козъ *). Хотя во время нашей стоянки въ

---

*) Предположенія эти составляютъ плодъ фантазіи автора; китайцы никогда намъ не сигнализировали. Не знаемъ, насколько это справедливо, но мы, въ свою очередь, были увѣрены, что китайцы сигнализируютъ японцамъ. Прим. перев.

Чанг-чіа-тунѣ мы уже испытали на себѣ вѣроломство китайцевъ, которые всегда и на все готовы за деньги, но тутъ мы были далеки отъ какого бы то ни было подозрѣнія, такъ какъ они даже близко не подходили къ нашей линіи, а спокойно пасли скотъ вдали,— можно ли было предполагать въ такомъ мирномъ занятіи гнусную измѣну. Эти невѣжественные и жадные люди, пережившіе свои павшія династіи, не имѣютъ никакого понятія о государственныхъ или международныхъ правилахъ и интересахъ, они служатъ лишь золотому тельцу. Они даже никогда не давали себѣ отчета, почему русскіе и японцы дерутся на имъ принадлежащей землѣ, они только старались вознаградить себя золотомъ за причиняемые ихъ фанзамъ убытки. Понятно, мы строго наказали этихъ предателей, хотя въ сущности они внушали презрѣніе, а не ненависть. Деньги—ихъ божество. Какъ то разъ около 20-хъ чиселъ того же мѣсяца небольшая партія нашихъ офицеровъ, производя рекогносцировку, наткнулась на русское сторожевое охраненіе, произведя своимъ неожиданнымъ появленіемъ большой переполохъ. Благополучно выбравшись оттуда и успѣшно выполнивъ свое порученіе, они на обратномъ пути встрѣтили 3 или 4-хъ русскихъ развѣдчиковъ. Погнавшись за ними, они хотѣли взять ихъ въ плѣнъ, но русскіе храбро оборонялись и имъ удалось уйти, за исключеніемъ одного раненаго, который остался на мѣстѣ стычки и былъ съ тріумфомъ доставленъ къ намъ въ лагерь. По обыкновенію мы подвергли его допросу. Это былъ пѣхотный ефрейторъ. Онъ все кланялся и просилъ не убивать его, обѣщая сказать

все, что знаетъ. Негодяй! Не мѣшало бы ему понять нашъ патріотизмъ, который поучаетъ, что „долгъ тяжелѣе горы, а смерть легче пера“ *). Намъ передавали, что одинъ японскій солдатъ, имѣвшій несчастье попасть въ плѣнъ подъ Портъ-Артуромъ съ негодованіемъ и яростью отказался отвѣчать на вопросы генерала, къ которому его привели. Напротивъ, нашъ русскій плѣнный, опасаясь за свою шкуру, выдалъ намъ и разсказалъ всѣ военные секреты, которые только зналъ. Когда его привели на наблюдательный пунктъ и велѣли указать расположеніе войскъ, онъ разсказалъ, повидимому, безъ всякихъ угрызеній совѣсти: тамъ направо стоитъ двадцать шестой стрѣлковый полкъ, въ центрѣ двадцать восьмой полкъ... и т. д. во всѣхъ подробностяхъ. Тождество его отвѣтовъ съ донесеніями нашихъ развѣдчиковъ доказывало ихъ правильность. Его показанія были намъ весьма полезны. Тѣмъ не менѣе онъ всѣмъ внушилъ лишь презрѣніе къ себѣ, какъ недостойному члену истинной солдатской семьи.

Кстати разскажу здѣсь еще одинъ случай допроса русскаго солдата, котораго мы нашли затаившимся за уступомъ скалы въ ночь послѣ взятія нами Кензана. Мы привели его къ себѣ и услышали отъ него слѣдующее:

— Ожидали ли вы нашей атаки?—спросили его.

— Да, и были увѣрены, что атака будетъ жестокая.

— Заботятся ли о васъ начальствующіе?

— Вначалѣ, когда мы пришли въ Портъ-Ар-

---

*) Слова Императорскаго приказа сухопутному и морскому войску. См. приложеніе Б.

туръ, о насъ заботились и содержали хорошо, но потомъ все перемѣнилось; послѣдніе три мѣсяца намъ выдавали только одну треть денегъ, а паекъ уменьшили наполовину, остальное разошлось по частнымъ карманамъ *).

— Войска, отступившія изъ Наньшаня, отошли въ Портъ-Артуръ?

—Ихъ не пустили въ крѣпость, а размѣстили по селеніямъ въ окрестностяхъ и заставили рыть окопы и траншеи, потому что боялись, что въ Портъ-Артурѣ не хватитъ провіанта.

— Извѣстно ли у васъ, сколько вашихъ плѣнныхъ отправлено въ Японію?

— Извѣстно, вотъ еще на-дняхъ мой землякъ пошелъ въ плѣнъ къ японцамъ.

Могли ли офицеры и вообще начальствующія лица внушить уваженіе, требовать дисциплины и вѣрной службы отъ солдатъ, если они о нихъ сами не заботились и были къ нимъ равнодушны! Быть можетъ, солдаты будутъ нести свою службу и при такихъ условіяхъ, но честно исполнять свой долгъ на полѣ сраженія, тамъ, гдѣ смерть витаетъ на каждомъ шагу, могутъ лишь тѣ солдаты, которыхъ ведутъ офицеры, любящіе ихъ, какъ своихъ дѣтей, и которыхъ они, въ свою очередь, уважаютъ какъ родителей. Если офицеры будутъ утаивать солдатскія деньги, плохо кормить ихъ и вообще не будутъ забо-

---

*) Суточная дача мяса была уменьшена исключительно въ виду крайне ограниченнаго количества порціоннаго скота и солонины, имѣвшихся въ распоряженіи крѣпостного интендантства.

Прим. перев.

титься о нихъ, подвергая людей напраснымъ тягостямъ и лишеніямъ,—могутъ ли они ожидать отъ солдатъ уваженія? Охотно ли пойдетъ солдатъ въ бой за такимъ офицеромъ. Фактъ, что русскіе солдаты грабятъ мирныхъ туземцевъ, отнимаютъ имущество, отбираютъ ихъ запасы, оскорбляютъ ихъ дочерей, находитъ себѣ объясненіе и подтвержденіе въ приведенныхъ выше показаніяхъ русскаго плѣннаго *).

Съ каждымъ днемъ наши работы по укрѣпленію позицій подвигались впередъ. По ночамъ русскіе часто тревожили насъ своей стрѣльбой, но мы обыкновенно быстро заставляли ихъ замолкать. Временами они начинали обстрѣливать насъ артилле-рійскимъ огнемъ, но обыкновенно не достигали результатовъ, и мы только поражались, что они безразсудно и безполезно тратятъ свои боевые запасы. Конечно, иногда у насъ были убитые и раненые. Умереть въ сраженіи—почетно, но быть убитымъ или раненымъ шальнымъ снарядомъ во время окопныхъ работъ, будучи безоружнымъ—обидно. Въ такихъ случаяхъ наши раненые говорили: „Я не пойду въ тылъ, прошу не отсылать меня на перевязочный пунктъ“, считая обидой быть исключенными изъ строя, не принявъ участія въ бою. Развѣ такія чувства не достойны уваженія!

---

*) Въ данномъ случаѣ авторъ, основываясь на показаніяхъ одного нашего плѣннаго, относится тенденціозно къ русскимъ солдатамъ. Необходимо отмѣтить, что въ гарнизонѣ Портъ-Артура царила строгая дисциплина и случаи мародерства или насилій почти не имѣли мѣста. Прим. перев.

ГЛАВА XIV.

Лагерная жизнь

Два мѣсяца, протекшіе со времени нашего прибытія на полуостровъ, мы бивакировали въ палаткахъ, разсчитывая, что онѣ будутъ достаточной защитой отъ росы и дождя, но съ теченіемъ времени онѣ до того истрепались отъ вѣтра и ливней, что стали мало пригодными для этой цѣли, а между тѣмъ другого помѣщенія не было. Китайскія деревни обыкновенно состоятъ изъ 4—5 фанзъ, совсѣмъ не приспособленныхъ для размѣщенія значительнаго количества людей. Если намъ удавалось иногда провести ночь въ такомъ помѣщеніи, защищенномъ отъ непогоды, хотя и пропитанномъ запахомъ свиней и чеснока, мы считали это великой роскошью. А такъ какъ намъ частенько приходилось проводить ночь даже на сырой землѣ подъ открытомъ небомъ, то рады были и палаткамъ: все-таки парусина защищала отъ вѣтра и дождя. Теперь ихъ ветхость лишила насъ и этихъ послѣднихъ удобствъ: дождь лилъ черезъ разорванное полотно, а вѣтеръ, играя полотнищами, пронизывалъ насъ насквозь; лишь отъ лучей солнца наши палатки

еще представляли кое-какое убѣжище. Со всѣми этими невзгодами можно бы было примириться и мы съ ними свыклись, но какъ было уберечь отъ сырости провіантъ и боевые запасы, которые были для насъ дороже жизни. Жаловаться на службу было совершенно безполезно, разъ отъ этого положеніе не улучшалось... Въ спокойные дни намъ ничего не оставалось, какъ спать, а единственнымъ развлеченіемъ была ѣда.

Кто бы со стороны взглянулъ на насъ, нечесаныхъ, немытыхъ, съ обросшими бородами и сожженными солнцемъ лицами, то, конечно, принялъ бы насъ за бродягъ или разбойниковъ... всѣ мы порядкомъ исхудали и почти всегда чувствовали голодъ.

„Нѣтъ ли чего поѣсть?“ „Нельзя ли достать чего-нибудь вкуснаго? Вѣрно у васъ есть что-нибудь съѣдобное... подѣлитесь со мной“... такими словами, вмѣсто привѣтствія, обмѣнивались мы при встрѣчахъ. Иной разъ, когда ничего не оставалось лучшаго, мы какъ мыши грызли горохъ, бобы, иногда даже подсушенныя хлѣбныя зерна. Теперь мы вспоминали, какою, сравнительно съ настоящимъ, роскошью мы пользовались дома въ Японіи. Съ занятіемъ Дальняго подвозъ всякаго рода запасовъ и провіанта былъ обезпеченъ, и соотвѣтственно улучшилось въ этомъ отношеніи и положеніе войскъ. Солдаты получали полный паекъ. Часто можно было наблюдать, какъ они, расположившись за выступомъ скалы или въ углубленіи утеса и устроивъ костеръ изъ стеблей кукурузы, занимались варкой или поджариваніемъ риса, съ наслажденіемъ вдыхая запахъ сво-

его любимаго кушанья. Они казались счастливыми какъ дѣти. Приправой служили огурцы, рѣдька, съѣдобный папортникъ, печеный картофель и т. п. Такая ѣда считалась роскошнымъ пиромъ, такъ какъ чаще намъ приходилось довольствоваться твердымъ сухаремъ, горсточкой недовареннаго риса и одной—другой соленой сливой.

Наша настоящая стоянка была гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ Чанг-чіа-тунѣ. Здѣсь мы видѣли зеленую травку, среди которой привѣтливо красовались цвѣты; мы срывали ихъ и ставили въ осколки снарядовъ, а иногда носили въ петлицѣ, наслаждаясь ихъ ароматомъ. Нѣжныя голубыя незабудки особенно радовали насъ, какъ воспоминаніе о милыхъ, покинутыхъ на родинѣ.

Кромѣ русскихъ, у насъ былъ еще врагъ, съ которымъ приходилось считаться—климатъ. Какъ бы ни былъ храбръ солдатъ, но когда его захватитъ болѣзнь, онъ выбываетъ изъ строя. Этотъ врагъ опаснѣе пули, особенно въ связи съ плохимъ питаніемъ. Вмѣстѣ съ дождями появилась эпидемія. Тяжело часами мокнуть подъ дождемъ въ ожиданіи согрѣвающаго солнечнаго луча, но несравненно тяжелѣе сознавать, что неумолимый врагъ—эпидемія—можетъ подкрасться къ вамъ и къ вашимъ людямъ каждую минуту. Мы старались всячески приспособить свои палатки противъ непогоды и стали одѣвать ихъ травой; это прекрасно защищало насъ отъ солнца, но дождь лилъ сквозь нихъ еще хуже, чѣмъ чрезъ разорванную парусину. Питьевая вода была очень плохого качества и появившаяся вслѣдствіе

этого дизентерія сильно насъ ослабила; тяжелыя же окопныя работы сильно способствовали ея распространенію. Мы не боялись настоящаго врага, но трудно было бороться съ такими условіями лагерной жизни. Наконецъ болѣзнь подобралась и ко мнѣ, я исхудалъ, обезсилѣлъ и палъ духомъ. Дизентерія захватила меня въ свои объятія, я боялся, что не выживу. Если вообще тяжело болѣть, то вдвое тяжелѣе заболѣть тамъ, гдѣ нельзя найти ни медицинской помощи, ни элементарнѣйшихъ гигіеническихъ условій. Къ этому нужно прибавить, что мы жили въ постоянномъ ожиданіи контръ-атаки противника или нашего перехода въ наступленіе, а въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы отказаться отъ участія въ дѣлѣ, и эта мысль угнетала болѣе, чѣмъ все остальное. Я съ величайшей благодарностью вспоминаю 3-хъ лицъ, которымъ я много обязанъ въ это тяжелое для меня время—именно: докторовъ Мазаики-Васуи и Хаиме-Андо и моего денщика—Бункичи-Такао.

Несмотря на заразительность моей болѣзни, всѣ трое не покидали меня, заботясь о моемъ лѣченіи, пищѣ, и ухаживали за мной съ рѣдкой заботливостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ они старались ободрить и развеселить меня. Исключительно благодаря ихъ уходу, я скоро поправился и могъ вернуться обратно въ строй. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общая боевая жизнь. Всѣ мы были между собой какъ братья или какъ самые близкіе родные. Моя болѣзнь сблизила меня еще болѣе съ товарищами и я былъ радъ, что могъ снова работать и драться

амѣстѣ съ ними. Всякому изъ насъ постоянно угрожала смерть и никто не могъ предвидѣть въ какую именно минуту и къ кому она явится! Кто можетъ сказать, кого выберетъ шальная пуля,—она поражаетъ одинаково и въ первыхъ рядахъ, и въ послѣднихъ. Не щадитъ она и докторовъ, и санитаровъ, когда они подбираютъ раненыхъ!

„Если тебя убьютъ, а я останусь живъ, я соберу и сохраню всѣ твои вещи на память о нашей совмѣстной боевой жизни. Если я умру, а ты останешься живъ—сбереги пожалуйста кусокъ моей окровавленной одежды и передай своимъ потомкамъ. Моя кровь будетъ напоминаніемъ о нашей сердечной *) дружбѣ и символомъ моей вѣрной службы нашему Императору“,—вотъ, что мы говорили и обѣщали другъ другу, не зная кому придется исполнить обѣщаніе. Но послѣ горячаго боя зачастую не знаешь, гдѣ именно погибъ твой другъ, и трудно отыскать его останки; все зависитъ отъ слѣпого случая. Поэтому передъ первымъ генеральнымъ штурмомъ Портъ-Артура, я крѣпко пожалъ руки моимъ двумъ друзьямъ докторамъ и простился съ ними, не разсчитывая встрѣтиться съ ними въ этомъ мірѣ. Позднѣе въ бою при Ванг-таѣ **)—окруженный непріятелемъ, я палъ съ раздробленными членами, но вѣрный нижній чинъ вынесъ меня въ безсознательномъ состояніи изъ боя, вырвавъ меня изъ пасти тигра. Когда я пришелъ въ себя, то увидалъ около своей

---

*) Слово: сердечный, имѣетъ по-японски значеніе—красный, алый, откуда окрававленное платье—символъ сердечной дружбы.

**) Б. Орлиное Гнѣздо. Прим. переводчиковъ.

койки своихъ друзей Васуи и Андо; они держали мою раздробленную руку и проговорили: „Спасибо вамъ товарищъ“... Они ухаживали за мной во время моей болѣзни и вновь поставили меня на ноги.

Бункичи-Такао, мой денщикъ, еще будучи въ гарнизонѣ, служилъ въ моей ротѣ. Онъ отличался замѣчательной честностью, понятливостью и исполнительностью. Когда я былъ назначенъ въ штабъ полка, я обратился съ просьбой къ его начальству о назначеніи его ко мнѣ денщикомъ. Если въ мирное время офицеры очень сживаются со своими денщиками и привязываются къ нимъ, то въ военное время жизнь такъ сближаетъ, что эти отношенія становятся почти дружескими. Нѣтъ болѣе господина и слуги,—есть только старшій и младшій братъ, живущіе вмѣстѣ. Я всецѣло зависѣлъ отъ Такао, такъ какъ онъ дѣлалъ для меня все, но и онъ страшно привязался ко мнѣ. Онъ готовилъ и приносилъ мнѣ пищу; раздобылъ гдѣ-то ведро, въ которомъ и носилъ воду, а иногда измудрялся даже побаловать меня горячей ванной. Онъ писалъ однажды моей семьѣ слѣдующее: „Съ самаго прибытія нашего къ фронту арміи, мы оба чувствуемъ себя превосходно. Будьте, пожалуйста, покойны за господина поручика, я всячески оберегаю его. Можетъ быть въ сраженіи мы и будемъ разлучены, но обѣщаю вамъ не бросить его даже мертваго. Никогда не забуду его доброты ко мнѣ. Теперь и навсегда считайте меня самымъ преданнымъ другомъ“...

Сколько сердечности и честности въ этихъ стро-

кахъ! Во время моей болѣзни онъ всѣ ночи просиживалъ безъ отдыха около меня, то гладя мою больную грудь, то растирая мое тѣло. Когда я, выздоравливая, капризно требовалъ недозволенной ѣды, онъ уговаривалъ меня и успокаивалъ, какъ нянька малаго ребенка: „Теперь вамъ больше ничего нельзя, вотъ когда поправитесь, я принесу вамъ чего-нибудь вкуснаго“. Онъ заботился положительно о всякой мелочи, ухаживая за мною терпѣливо, какъ мать. Я очень цѣнилъ его заботу и былъ искренно тронутъ его привязанностью ко мнѣ... Позднѣе я опять былъ раненъ, но Такао при мнѣ уже не былъ...онъ также былъ раненъ, но, узнавъ о моей болѣзни, непремѣнно требовалъ, чтобы ему позволили итти и ухаживать за мной, или, по крайней мѣрѣ, перенесли бы его ко мнѣ. Небо сохранило ему жизнь; онъ испыталъ великое счастье съ почетомъ вернуться на родину. Онъ трижды сражался въ передовой линіи, былъ дважды раненъ и заслужилъ славу доблестнаго ветерана арміи. Служа въ военное время денщикомъ, онъ всегда отличался самымъ строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, храбростью и умѣньемъ найтись при всякихъ обстоятельствахъ.

Хотя, какъ видно изъ моего разсказа, во время нашей бивачной жизни, мы много терпѣли и отъ природныхъ бѣдствій: бурь, холода, дождя и вѣтра, и отъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ— тѣмъ не менѣе мы были бодры духомъ. Мы терпѣли голодъ и жажду, но болѣе всего жаждали встрѣчи съ врагомъ и минуты возмездія.

ГЛАВА XV.

Памяти храбрыхъ воиновъ.

Гарнизонъ Портъ-Артура все тѣснѣе и тѣснѣе окружался кольцомъ нашихъ войскъ, изъ стальныхъ штыковъ котораго онъ тщетно старался освободиться. Неоднократныя, но всегда неудачныя, попытки русскихъ вновь завладѣть Кинзаномъ, хотя и прекратились, но каждый день они производили болѣе или менѣе серьезныя вылазки на нашу линію. Вылазки эти не привели ни къ чему, но стоили имъ не мало людей и снарядовъ. Около 10-го іюля на высокую крутую сопку передъ нашимъ фронтомъ, которую мы называли Иваяма—„Утесистая сопка“,—была выслана наша застава. Непріятельскіе развѣдочные отряды частенько посѣщали эту мѣстность для развѣдки нашей позиціи. Поэтому мы ихъ оттѣснили, поставили на сопкѣ наше сторожевое охраненіе. 16-го іюля былъ посланъ туда въ глухую ночь поручикъ Сугимура съ небольшимъ отрядомъ людей. Даже и лѣтомъ ночи здѣсь бываютъ прохладныя; свѣжій вѣтерокъ обвѣвалъ нашихъ людей, тихо шелестя травой.

Исхудалые и измученные безсонными ночами люди, хотя и улеглись, но не могли заснуть и, лежа

впотьмахъ, прислушивались, не подкрадывается ли къ нимъ непріятель.

Вдругъ раздался крикъ часового: „Непріятель!“ и вслѣдъ за нимъ: „Стрѣлки впередъ!“—команда поручика Сугимура. Нимало не растерявшись, онъ встрѣтилъ непріятеля съ твердой рѣшимостью отстаивать позицію до послѣдней возможности. Русскіе окружили японцевъ съ трехъ сторонъ, они были гораздо многочисленнѣе насъ, но точнаго числа ихъ за темнотою опредѣлить было нельзя. Они притащили съ собою пулеметы и сильно обстрѣливали насъ съ фланга. Русскіе вообще часто пускали въ дѣло пулеметы, считая ихъ „страшными орудіями разрушенія“. Мы испытали на себѣ ихъ дѣйствіе при Наньшанѣ, гдѣ они косили нашихъ сотнями. Представьте же себѣ поручика Сугимура, бросившагося съ саблей наголо, съ горстью солдатъ, навстрѣчу противнику. Наши отчаянно защищались въ продолженіе двухъ часовъ и не отступили ни на шагъ. Несмотря на превосходство силъ, русскіе, увидѣвъ, что имъ не одолѣть японцевъ, стали отступать и скоро исчезли въ темнотѣ. Храбрый Сугимура былъ тяжело раненъ въ голову, но держался на ногахъ и ободрялъ людей до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что русскіе отступили *). Русскіе оставили 10 человѣкъ убитыми. Рано утромъ 17-го іюля русскіе явились съ флагомъ Краснаго Креста и носилками; подойдя на

*) Въ дѣйствительности, съ нашей стороны въ этой стычкѣ участвовало лишь 8—10 стрѣлковъ-развѣдчиковъ, внезапно наткнувшихся на японское сторожевое охраненіе, среди нихъ 3 человѣка были ранены. Прим. перев.

разстояніе 50 метровъ къ нашимъ окопамъ подъ предлогомъ отыскиванія убитыхъ, они старались высмотрѣть наше расположеніе. Вообще, русскіе злоупотребляли, какъ бѣлымъ флагомъ, такъ и нашимъ флагомъ Восходящаго Солнца, чтобы, усыпивъ нашу бдительность, производить рекогносцировки,—къ такимъ недостойнымъ выходкамъ они прибѣгали не разъ *). Бывали и такіе факты: нашъ часовой, однажды замѣтивъ приближающуюся къ нему темную фигуру, окликнулъ:

— Стой, кто идетъ?

— Свой, офицеръ.

Японецъ, думая, что это возвращается одинъ изъ развѣдчиковъ, отвѣтилъ: „Проходи“. Вдругъ эта фигура бросилась на него со штыкомъ... Увидя свою ошибку, часовой крикнулъ: „Ахъ ты безчестный врагъ... погоди“... и тутъ же прикладомъ ружья уложилъ русскаго на мѣстѣ. Русскіе выучились нѣкоторымъ японскимъ выраженіямъ и, пользуясь ими, пытались обманывать насъ. Все это заставило насъ усилить свою бдительность. Поручикъ Сугимура былъ поднятъ и отнесенъ въ лагерь, гдѣ его денщикъ Фукуматсо-Ито подалъ ему первую помощь и затѣмъ ухаживалъ за нимъ, какъ любящая нянька за ребенкомъ. Вѣрный Ито совсѣмъ осунулся отъ волненія и страха за своего господина; онъ, плача самъ, утѣшалъ его и успокаивалъ. Когда, позднѣе, Сугимура былъ переведенъ въ полевой лазаретъ Ито

*) Фактовъ злоупотребленій флагами не было.
Прим. перев.

бѣгалъ къ нему, когда только могъ отлучиться, не обращая вниманія на дальній и тяжелый путь. Однажды, возвращаясь изъ главной квартиры на свою позицію, я замѣтилъ солдата, изнемогающаго подъ тяжелой ношей, которую онъ тащилъ на спинѣ. Подойдя ближе, я узналъ Ито и спросилъ его:

— Какъ здоровье поручика Сугимура, заживаетъ ли его рана?

— Плохо, къ сожалѣнію, плохо... сегодня онъ почти безъ сознанія.

— Какая жалость! Счастье еще, что ты можешь быть при немъ и ухаживать за нимъ...

При этихъ словахъ Ито заплакалъ и сказалъ:

—Мнѣ очень грустно, что я не былъ раненъ вмѣстѣ съ моимъ поручикомъ. Я не успѣю отблагодарить его за всю его доброту ко мнѣ. Я радъ былъ бы умереть вмѣстѣ съ нимъ... Еще вчера онъ пожалъ мнѣ руку и такъ ласково поблагодарилъ и простился со мной. Боже мой! Неужели мнѣ суждено разстаться съ нимъ!..

Онъ спѣшно отдалъ мнѣ честь и со словами: „Я долженъ спѣшить къ нему“... зашагалъ далѣе съ своимъ мѣшкомъ, въ которомъ, оказалось, были нужныя Сугимура вещи.

Пораненіе Сигимура усилило у всѣхъ насъ жажду скорѣе выбить русскихъ съ Тайпо-шана и отмстить за всѣхъ нашихъ раненыхъ и убитыхъ; наши раненые во время сторожевой службы, умирая, скорбѣли, что не погибли въ славномъ бою на полѣ битвы. Предсмертныя слова многихъ изъ нихъ проникали до глубины сердца. Чтобы охарак-

теризовать японскаго солдата, я разскажу про смерть одного изъ нихъ, по имени Хейго-Дамашито. Это былъ въ высшей степени исполнительный, трудолюбивый человѣкъ; онъ никогда не роптaлъ, какъ бы тяжело ему не приходилось. Товарищи любили и уважали Хейго, считая его идеаломъ солдата. Однажды, обращаясь къ одному изъ нихъ, онъ съ грустью сказалъ: „Знаю, что не вернусь на родину; я хотѣлъ бы одного: погибнуть, сражаясь съ врагомъ, тогда духъ мой соединится съ тѣми, что полегли здѣсь 10 лѣтъ тому назадъ, и скажетъ имъ, что расплата за нихъ совершилась. Еще просьба: дома остался мой братъ; сообщи ему, когда я умру, какъ пышно расцвѣлъ мой смертный цвѣтокъ“.

Скоро послѣ этого онъ былъ посланъ съ важнымъ порученіемъ. Исполнивъ его, онъ возвращался обратно, но на пути непріятельская пуля пробила ему животъ. „Пустяки“, сказалъ онъ, но не выдержалъ и свалился... Товарищи перенесли его въ лазаретъ, гдѣ хирургъ, осмотрѣвъ рану, сказалъ, что спасти его невозможно.

Полковой командиръ пришелъ навѣстить Хейго и ободрялъ его говоря: „Не теряй надежды; хоть и сильны твои страданія, все же надо поддерживать въ себѣ бодрость“... Затѣмъ, видя, что конецъ приближается, онъ, скрывая невольныя слезы, проговорилъ: „Ты сдѣлалъ свое дѣло и такая смерть почетна“. При этихъ ласковыхъ словахъ Хейго открылъ глаза, слабо улыбнулся и чуть слышно сказалъ: „Простите, полковникъ, прошу отмстить за меня“.

Рука его опустилась, губы задрожали, какъ будто онъ еще хотѣлъ что-то сказать... но дыханіе оборвалось и онъ ушелъ туда, откуда нѣтъ возврата. Бѣдный Хейго! Ему не удалось принять участія и умереть въ жаркой битвѣ, какъ онъ того желалъ,—его сразила шальная пуля. Въ послѣднія минуты жизни онъ просилъ только: „простить его и отмстить“. На другой день товарищи похоронили его въ полѣ, а лама прочелъ надъ нимъ молитву и далъ ему, согласно буддійскому обычаю, новое посмертное имя. Оно и было написано на могильномъ столбѣ, поставленномъ какъ разъ въ виду*) П.—Артура.

Здѣсь умѣстно разсказать о поминальной службѣ по погибшимъ въ бою. Такъ какъ со времени атаки Кензана мы потеряли очень много людей, то его превосходительство начальникъ нашей дивизіи назначилъ на 1-ое іюля поминальную службу въ память этихъ храбрецовъ. Подъ вечеръ въ этотъ день былъ устроенъ жертвенникъ во дворѣ фанзы близъ Линг-шун-хо-тсу. Я сказалъ жертвенникъ, но въ сущности его изображалъ простой столъ, найденный нами въ фанзѣ. Мы покрыли его бѣлой скатертью, а надъ нимъ повѣсили изображеніе Амида-будды, которое нашлось у полкового ламы Тояма. Передъ жертвенникомъ установлены были небольшіе квадратные около 5 дюймовъ ящички съ золой. Тутъ же заготовленъ былъ ладонъ для куреній. Жертвенникъ былъ установленъ къ сторонѣ Портъ-

---

* Дабы духъ его видѣлъ паденіе крѣпости.

Артура. Тусклый огонь свѣчей придавалъ мрачный видъ церемоніи, а отовсюду раздававшееся жужжаніе насѣкомыхъ, казалось, напѣвало о бренности всего земного. Словно слезы съ далекихъ небесъ падали крупныя капли налетѣвшаго дождя, сквозь спутанныя вѣтромъ длинныя вѣтви плакучей ивы. Командиръ полка со всѣми офицерами стояли полукругомъ передъ жертвенникомъ, за ними скучились солдаты. Когда кончилось чтеніе молитвъ, полковникъ тихо приблизился къ жертвеннику, зажегъ куреніе и низко поклонился предъ нимъ. Его сердце было полно безмолвнаго горя и благодарности, онъ нѣсколько разъ тихо повторилъ: „Вы исполнили свой долгъ“. Души этихъ славныхъ защитниковъ родины, конечно, горевали тоже, что разстались съ такимъ храбрымъ вождемъ. Всѣ офицеры по очереди послѣдовали примѣру полковника—кланялись въ память усопшихъ и курили ладономъ. „Вы честно служили Его Величеству; вы исполнили свой долгъ: отдали жизнь за родину“,—вотъ, что говорилъ каждый, прощаясь мысленно съ погибшими... Стоявшіе кругомъ солдаты, бо́льшинство которыхъ служило и сражалось съ умершими, видя и слыша, съ какимъ почетомъ ихъ поминали, конечно, должны были и себѣ желать такой же смерти и чести. И не только капли дождя смочили въ этотъ тихій вечеръ мундиры молящихся офицеровъ и солдатъ, но и слезы, пролитыя отъ чистаго сердца.

ГЛАВА XVI.

Бой при Тайпо-шанѣ *).

Отбивъ всѣ попытки русскихъ вернуть Кензанъ, мы не переставали усиливать и улучшать свои укрѣпленія. Двѣнадцать пушекъ, взятыхъ подъ Нань-шанемъ, были установлены на вершинахъ близъ Льяни-чао, а шесть тяжелыхъ морскихъ орудій стали на возвышенностяхъ къ западу отъ Шу-шин-ант-су. Впередъ постоянно высылались кавалерій-скіе разъѣзды, для наблюденія за передовой линіей непріятеля и его приготовленіями.

Въ это время русскіе занимали линію отъ Эй-оши на сѣверѣ черезъ Шванг-тай-ку и Анцу-лингъ и Тайпо-шанъ и Лао-тсо-шанъ на югѣ. Они укрѣпили эти сильныя отъ природы позиціи, по-тративъ на нихъ не мало денегъ и времени, съ твер-дымъ намѣреніемъ не допустить насъ южнѣе этой линіи. И, дѣйствительно, было бы очень трудно взять эту позицію штурмомъ. Хотя мы уже цѣлый мѣсяцъ натягивали лукъ, но не спѣшили выпускать стрѣлы, сознавая нашу неготовность. Наконецъ на-

---

*) Атака Зеленыхъ горъ и праваго фланга „Позиціи на Пере-валахъ“. Примѣчаніе перев.

сталъ желанный часъ, и 26-го іюля всѣ собранныя на позиціи части арміи двинулись впередъ, съ намѣреніемъ атаковать русскую позицію.

Нашему полку приказано было атаковать хорошо укрѣпленный Тайпо-шанъ, который русскіе считали оплотомъ своей передовой линіи. Въ ночь передъ наступленіемъ намъ былъ во всѣхъ подробностяхъ объясненъ общій планъ атаки. Бригадный генералъ указалъ намъ, что предстоящая атака первый важный шагъ къ началу дѣйствій непосредственно противъ Портъ-Артура, что атака будетъ трудная, ибо позиція хорошо укрѣплена, но онъ надѣется, что мы будемъ итти только впередъ и не отступимъ ни на шагъ съ того мѣста, которое разъ займемъ. Полковой командиръ также обратился къ намъ со словами: „Нашъ полкъ первый разъ посылается въ отдѣльную самостоятельную атаку; первымъ дружнымъ натискомъ почти всегда достигается и окончательная побѣда. Помните, жизнь всѣхъ васъ теперь въ моихъ рукахъ и я не задумаюсь принести ее въ жертву, если это потребуется для успѣха. Теперь пришло время показать, что въ васъ живетъ духъ Бушидо *) и что вы научились тому, чему васъ учили съ дѣтства. Вы должны помнить и исполнить то, что отъ васъ, какъ солдатъ, требуется вообще, а также и то, что я сказалъ вамъ теперь о предстоящемъ трудномъ дѣлѣ. Напрягите всѣ мысли, всѣ усилія ваши къ тому, чтобы исполнить волю Императора, вамъ довѣряющаго; не отступайте,

---

*) Японскій кодексъ рыцарской чести.

хотя бы вы всѣ до единаго полегли подъ знаменемъ нашего полка!„ Это было торжественное напутствіе! Послѣ полковника офицеры еще разъ подтвердили каждый своимъ людямъ, что и какъ имъ дѣлать еще разъ напомнили, что каждый отвѣчаетъ не только передъ своей совѣстью, но передъ націей и Императоромъ. И безъ того уже нетерпѣливо ожидающіе боя, мы теперь были такъ наэлектризованы, что готовы были ринуться на Тайпо-шанъ въ ту же минуту.

Въ ночь наканунѣ выступленія бивакъ нашъ представлялъ весьма оригинальную картину. И тутъ и тамъ группами толпились люди, шопотомъ бесѣдуя между собою; одни продѣлывали ружейные пріемы, какъ будто уже видѣли передъ собою врага; другіе чистили одежду и надѣвали чистое бѣлье, чтобы въ случаѣ смерти не оказаться въ грязной одеждѣ. Нѣкоторые безцѣльно смотрѣли въ пространство, напѣвая въ полголоса. О чемъ думалъ я въ эти минуты? Конечно, у всѣхъ была одна мысль, одно желаніе: умереть въ бою съ счастливымъ сознаніемъ, что волею небесъ исполнилъ свой долгъ!

26-го іюля еще передъ разсвѣтомъ, когда густой туманъ не позволялъ видѣть въ разстояніи одного шага, а холодный вѣтеръ не просушилъ еще землю послѣ бывшаго вечеромъ ливня, тысячи человѣческихъ существъ зашевелились въ лагерѣ и двинулись впередъ змѣевидной колонной. Въ три часа утра мы достигли подошвы Иваямы, гдѣ долженъ былъ стать резервъ нашего полка. Вершину горы предполагалось занять стрѣлками, а примыкающую къ ней съ

правой стороны высоту артиллеріей. Пока не былъ данъ сигналъ къ наступленію, никто не имѣлъ права хотя бы на шагъ сдвинуться съ своего мѣста. Орудія должны были быть заряжены, ружья наготовѣ— пока не раздастся команда: „Огонь!“ Полковникъ стоялъ на вершинѣ Иваямы съ полевымъ биноклемъ въ рукахъ; съ нимъ былъ его адъютантъ; онъ держалъ развернутую картину и временами что-то отыскивалъ въ своемъ ранцѣ. Обозъ съ патронными двуколками остановился у подошвы горы, гдѣ солдаты спѣшно разгружали и распредѣляли патроны. Сигналомъ будетъ пушечный выстрѣлъ. Мы слѣдили за стрѣлками нашихъ карманныхъ часовъ и съ каждой минутой сердца наши бились сильнѣе.

Въ 7 часовъ 49 минутъ раздался наконецъ выстрѣлъ съ лѣваго фланга. То былъ сигналъ для начала атаки вдоль Лао-тсо-шана и Тайпо-шана. Въ теченіе 20 послѣднихъ дней наши орудія безмолвствовали и потому этотъ внезапный громъ, видимо, засталъ русскихъ врасплохъ,—ихъ отвѣтные залпы были вялы и рѣдки и пули высоко пролетали надъ нашими головами. Нашъ лѣвый флангъ долженъ былъ начать атаку на Лао-тсо-шанъ и сбить непріятеля, имѣя за собой резервъ; я съ своимъ отрядомъ былъ именно въ резервѣ и потому долженъ былъ пока выжидать дальнѣйшаго хода борьбы. Немного погодя, наши морскія орудія открыли такую пальбу, что, казалось, уничтожатъ русскихъ и ихъ передовыя укрѣпленія достанутся намъ безъ труда. Но врагъ оказался сильнѣе, чѣмъ мы предполагали, и, несмотря на орудійный огонь, ждалъ нашей атаки.

Бой разгорался... наша артиллерія сосредоточила всю силу своего огня противъ сѣвернаго склона Лао-тсо-шана, гдѣ находились тяжелыя непріятельскія орудія, приложивъ всѣ усилія, чтобы подбить ихъ. Черезъ нѣкоторое время ихъ залпы стали рѣже, и нашъ лѣвый флангъ началъ наступленіе, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, и быстро овладѣлъ высотой, лежащей въ двухъ тысячахъ метрахъ передъ нами. Отсюда онъ двинулся влѣво и въ 10 часовъ утра занялъ сѣверный склонъ Лао-тсо-шана. Повидимому, эти позиціи не были достаточно укрѣплены русскими и они послѣ непродолжительнаго сопротивленія отошли, оставивъ въ нашихъ рукахъ весьма важное для насъ укрѣпленіе на склонѣ Лао-тсо-шана *). Тѣмъ не менѣе въ общемъ они стойко защищались, и даже, когда наша пѣхота заняла вершину горы, они еще долго держались на ея склонахъ, отчаянно отстрѣливаясь подъ градомъ нашихъ пуль съ верху горы. Это затягивало атаку. Наконецъ нашему лѣвому флангу удалось сбить ихъ съ занятой ими позиціи, а такъ какъ за нею находился рукавъ Лунвантанскаго залива, преграждавшій отступленіе, то сжатые нашей пѣхотой они, оставивъ многихъ раненыхъ и убитыхъ, бросились въ джонки и перебрались на ту сторону залива **).

Задача, данная нашему лѣвому флангу, была выполнена скоро и блестяще и нашъ полкъ могъ теперь принять участіе въ генеральной атакѣ. Полковникъ

---

*) Редутъ на горѣ Высокой.

**) Это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Примѣчанія перев.

Аоки *) отдалъ приказъ по полку, повторенный офицерами: „Открыть огонь по всей линіи; начинать съ праваго фланга“. Въ тотъ же моментъ вся линія двинулась впередъ, имѣя первый и второй баталіоны справа, а третій слѣва. Затрещала ружейная перестрѣлка. Въ отвѣтъ раздались русскіе залпы; пули падали вокругъ насъ, вздымая землю, разбрасывая камни и выводя людей изъ строя. Онѣ свистѣли, пролетая мимо ушей, и гудѣли высоко надъ нашими головами... Наши стрѣлковыя цѣпи порѣдѣли; санитары сновали между ними, подбирая мертвыхъ и унося раненыхъ на ближайшій перевязочный пунктъ. Скоро къ граду пуль присоединились и артиллерійскіе снаряды. Шрапнельные стаканы, перелетая черезъ вершину, падали въ нашъ резервъ. Стоя въ резервѣ, я видѣлъ, какъ шрапнель оторвала руку солдату и уложила его на мѣстѣ. Разсматривая позднѣе шрапнельные стаканы, мы часто видѣли внутри куски сукна и нижней одежды, смѣшанной съ камнями и пескомъ и обильно пропитанной кровью.

Бой длился уже нѣсколько часовъ. Непріятель имѣлъ прекрасныя орудія и съ ними не давалъ намъ двинуться впередъ. Убитыхъ и раненыхъ было у насъ такъ много, что не хватало заготовленныхъ носилокъ. Снаряды долетали даже до перевязочнаго пункта, находящагося въ самомъ тылу; нѣсколько человѣкъ раненыхъ получили тамъ новыя поранені я, а нѣкоторые были убиты. Это была отчаянная битва.

---

*) Командиръ 22-го пѣхотнаго полка, входившаго въ составъ 11-й пѣх. дивизіи.

Примѣчаніе перев.

Резервы были придвинуты, чтобы въ нужный моментъ со свѣжими людьми броситься на непріятеля. Я былъ въ этомъ отрядѣ при полковомъ знамени. Такъ какъ мы стояли вблизи отъ нашей артиллеріи, а наше знамя могло быть видимо непріятелю, онъ открылъ въ этомъ направленіи жестокій огонь изъ всѣхъ орудій; огонь былъ мѣткій и снаряды падали дождемъ вокругъ насъ. Когда дымъ немного разсѣялся, мы увидали, что одинъ изъ нашихъ офицеровъ, отдававшій распоряженія на батареѣ, лежалъ мертвый, обагренный кровью. Взводный командиръ и наводчикъ были разорваны на куски: мозги ихъ вывалились изъ череповъ, а внутренности смѣшались съ грязью. Подошедшіе замѣнить ихъ артиллеристы были тотчасъ же убиты. Нельзя себѣ представить ужасъ этой кровавой сцены, если не видѣть ея. У меня не хватаетъ силъ и умѣнья описывать ее.

Нашъ баталіонъ, стоявшій въ резервѣ, понесъ такія страшныя потери людьми, что намъ нельзя было долѣе оставаться на позиціи подъ этимъ огнемъ и рѣшено было немедленно итти впередъ; каждая минута промедленія стоила намъ нѣсколькихъ солдатъ... Тѣмъ временемъ небо покрылось темными облаками, стало почти темно и дождь падалъ косыми полосами, перемѣшиваясь съ пулями, снарядами и дымомъ. Вскорѣ былъ полученъ приказъ полковника присоединиться къ нему. Немедленно, оставивъ артиллерію, двинулись мы налѣво, карабкаясь на гору. Порывистый вѣтеръ такъ рвалъ наше знамя, что я боялся, что отъ него останутся одни лохмотья. Вдругъ снарядъ перелетѣлъ черезъ мою голову и,

упалъ за мной, разорвавшись на мелкіе осколки... половина знамени была оторвана, а знаменщикъ убитъ.

Какъ было сказано выше, полковникъ находился на вершинѣ Иваямы. Въ увѣренности, что наши главныя силы сосредоточены тамъ, русскіе направили туда свои шрапнельные залпы. Полковникъ Аоки стоялъ посреди летающихъ орудій смерти твердъ и непоколебимъ, какъ Ni-o *) или Fu-do **), спокойно и пристально наблюдая за непріятелемъ. Я подошелъ и доложилъ ему, что разорвано знамя. Онъ сказалъ: „Хорошо“, и, немного погодя, прибавилъ: „Не правда ли, мы точно на маневрахъ“.

Вся его внѣшность носила такой отпечатокъ мужества, твердости, энергіи, что производила поразительное впечатлѣніе на солдатъ, и даже болѣе трусливые изъ нихъ при взглядѣ на него забывали свой страхъ и храбро шли впередъ.

Было уже около двухъ часовъ дня, битва длилась и нельзя было предрѣшить на чьей сторонѣ будетъ побѣда, а жертвъ уже было много и у насъ. Въ это время нашъ лѣвый флангъ началъ подвигаться впередъ. Нашему баталіону тоже приказано было наступать и мигомъ вся линія, какъ черная туча, поползла и надвинулась почти на самыя жерла непріятельскихъ орудій.

Русскіе не упускали случая и буквально залили

---

*) Ni-o—два буддійскихъ божества, которыя охраняютъ входъ въ храмъ Будды и отгоняютъ демоновъ своимъ страшнымъ видомъ.

**) Fu-do—„недвижимый“ богъ мудрости, котораго изображаютъ окруженнымъ пламенемъ.

насъ огнемъ, шедшіе впереди падали, какъ скошенная трава, слѣдовавшіе за ними—падали на нихъ. Поручикъ Ятсуда былъ раненъ въ грудь на вылетъ; не обращая вниманія на льющуюся изъ раны кровь, онъ стремился впередъ, увлекая солдатъ за собою; задыхаясь онъ добѣжалъ до непріятельскихъ окоповъ и, слабо крикнувъ „банзай“, палъ мертвымъ. У храбраго начальника всегда храбрые солдаты. Передъ тѣмъ, какъ былъ раненъ Ятсуда, одному изъ его солдатъ раздробило руку, поручикъ велѣлъ ему итти на перевязку. „Помилуйте, господинъ поручикъ,“ отвѣчалъ солдатъ, „что же уходить изъ-за пустяка, я могу стрѣлять“. Онъ наскоро облилъ рану водой изъ походной фляжки, перевязалъ платкомъ и нагналъ своихъ, держа ружье лѣвой рукой. Черезъ нѣсколько минутъ пуля уложила этого храбреца рядомъ съ поручикомъ Ятсуда. Онъ крѣпко сжималъ ружье единственной рукою, а поручикъ не выпустилъ изъ рукъ сабли даже послѣ своей смерти. Въ нихъ обоихъ былъ крѣпокъ настоящій японскій духъ, благодаря которому японецъ остается вѣренъ долгу не только до послѣдней минуты жизни, но и послѣ смерти.

Наконецъ изъ резерва, бывшаго подъ командой полковника Аоки, уцѣлѣли лишь двѣ роты пѣхоты и одна рота саперъ. Это была ужасная бойня. Съ самаго утра наша артиллерія дѣйствовала противъ непріятельскихъ орудій, но не могла заставить ихъ умолкнуть. Всѣ усилія ея были тщетны и сильныя русскія укрѣпленія оставались неповрежденными. Наша пѣхота была лишь въ пяти или шестистахъ

метрахъ отъ укрѣпленій, но пока они не были разрушены огнемъ орудій, было бы безумiемъ штурмовать ихъ,—это могло кончиться поголовнымъ истребленiемъ атакующихъ. Поэтому пѣхота, держась вблизи и наготовѣ, выжидала удобнаго момента для штурма... Длинный лѣтнiй день близился къ концу и наконецъ темный покровъ ночи спустился на кровавую сцену дня.

Дождь пересталъ, но ночь была пасмурная. Сотни тѣлъ лежали неубранными по склонамъ горы и въ долинѣ... а русскiе продолжали стрѣлять въ темноту, какъ бы вызывая насъ на новую безплодную атаку. Но, несмотря на неудачу этого дня, нашъ духъ былъ бодръ и намъ болѣе, чѣмъ когда-либо, не терпѣлось дождаться утра, чтобъ отмстить врагу и исполнить то, что не удалось намъ вчера. Всю ночь слышались выстрѣлы... Мы убирали убитыхъ; ихъ было такъ много, что не хватало носилокъ, и намъ пришлось примѣнить для этой цѣли полотнища отъ палатокъ. Санитары безъ устали переносили раненыхъ на перевязочные пункты... А мы уцѣлѣвшiе сидѣли близъ нашихъ безмолвныхъ товарищей и ждали—ждали часа отмщенiя!

ГЛАВА XVII.

Занятіе Тайпо-шана *).

Съ ранняго утра 27-го іюля наша артиллерія начала свое грозное дѣло, рѣшившись во что бы то ни стало разрушить русскія укрѣпленія и расчистить дорогу пѣхотѣ. Огонь съ обѣихъ сторонъ былъ еще сильнѣе, чѣмъ наканунѣ. Чѣмъ же объяснить неприступность русскихъ позицій? Вся линія ихъ траншей была прикрыта скалами и мѣстами устроены блиндажи изъ брусьевъ; въ брустверахъ были прорѣзаны амбразуры, защищавшія стрѣлковъ отъ нашихъ снарядовъ. У нихъ были скорострѣльныя орудія и пулеметы, установленные такъ, что могли обстрѣливать насъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ эти убійственныя машины были прикрыты блиндажами. Прибавьте къ этому, что насъ отдѣляла отъ русскихъ глубокая узкая долина и для того, чтобы добраться до нихъ, намъ приходилось спускаться съ занятыхъ нами высотъ и взбираться на непріятельскія совершенно открыто подъ сильнымъ огнемъ. Чтобы атаковать прекрасно вооруженнаго непріятеля, заняв-

---

*) Занятіе Зеленыхъ горъ и праваго фланга „Позиціи на перевалахъ“.

Примѣчаніе перев.

шаго сильную отъ природы и прекрасно укрѣпленную позицію, надо было много мужества и самоотверженія!

Группа офицеровъ въ ожиданіи начала наступленія, разговаривала про событія истекшаго дня.

— Русскіе все-таки храбрый народъ! Я видѣлъ, какъ русскій офицеръ, стоя на брустверѣ, подавалъ оттуда свою команду.

— Да, они отчаянно обороняются, но сегодня мы должны выбить ихъ съ позиціи.

Мы начинали сознавать, что сила русскихъ не только въ ихъ укрѣпленіяхъ, но и въ ихъ личной храбрости и мужествѣ... но все же мы горѣли однимъ желаніемъ—одолѣть врага и отмстить за своихъ товарищей.

Пока мы бесѣдовали, къ намъ подошелъ молодой офицеръ съ бутылкой пива въ рукахъ... Со вчерашняго дня мы почти не имѣли ни пищи, ни питья, и эта бутылка пива въ такую минуту и въ такомъ мѣстѣ произвела странное впечатлѣніе. Мы недоумѣвали, кто могъ быть этотъ офицеръ, но, когда онъ подошелъ ближе, мы узнали поручика Квана, баталіоннаго адъютанта. „Не правда ли славная штука эта бутылка съ пивомъ, я ношу ее со вчерашняго дня въ ранцѣ, надѣясь выпить „банзай“ тамъ наверху, у непріятеля, но теперь рѣшилъ распить ее сейчасъ вмѣстѣ съ вами на прощанье. Спасибо вамъ всѣмъ за ласку; простите— я рѣшилъ сегодня умереть.“

Поручикъ Кванъ произнесъ эти слова просто, не рисуясь; затѣмъ съ веселой улыбкой онъ налилъ

золотистый напитокъ въ свой походный аллюминіевый стаканчикъ, который и обошелъ всѣхъ насъ. Грустныя мысли, грустныя улыбки сопровождали нашъ прощальный тостъ. Высоко поднявъ надъ головой опорожненную бутылку, Кванъ громко произнесъ: „За вашу удачу, товарищи... прощайте!“ и съ этими словами быстро удалился отъ насъ. Могли ли мы думать, видя его бодрымъ и веселымъ, что эти слова были его послѣднимъ „прости“? Немного спустя, онъ не дождавшись нашего „банзай“ на Тайпо-шанѣ, присоединился къ нашимъ славнымъ героямъ, погибшимъ на полѣ брани. Я былъ его землякомъ, мы росли и воспитывались вмѣстѣ; вырастая, сдружились и любили другъ друга, какъ родные братья. Мы такъ радовались, когда слу́чалось встрѣтиться на полѣ сраженія и перебро́ситься нѣсколькими словами. Во время описаннаго свиданія съ Кваномъ, никакъ не думая, что оно будетъ послѣднимъ, я не успѣлъ даже сказать ему нѣсколькихъ словъ и поблагодарить за старую дружбу. Я просто, какъ всегда, спѣшно по́жалъ ему руку... Позднѣе я узналъ, что, присутствуя при погребеніи убитыхъ, онъ сказалъ солдатамъ: „Пожалуйста засыпайте ихъ бережно землей, потому что скоро настанетъ и моя очередь послѣдовать за ними!“

Быть можетъ, онъ дѣйствительно предчувствовалъ близость смерти? Поручикъ Ятсуда, убитый во время предыдущей атаки, также передъ самымъ боемъ вынулъ изъ кармана пакетикъ съ сушеными каштанами и сказалъ, обращаясь къ своему ден-

щику: „Это жертва богамъ *), принесенная моей матерью; она просила меня непремѣнно съѣсть эти каштаны передъ боемъ. Возьми и ты, съѣшь половину,—быть можетъ, мы съ тобой больше не увидимся“. Они простились и подѣлили свой талисманъ. Конечно, всѣ мы были болѣе или менѣе готовы къ смерти и, встрѣчаясь во время боя другъ съ другомъ, могли думать, что это наша послѣдняя встрѣча, но, конечно, не всякому приходила въ голову такая мысль... Но бываютъ случаи, когда, помимо вашей воли, что-то подсказываетъ вамъ о близкомъ концѣ... Было 5 часовъ дня. Вся наша артиллерія вступила въ дѣло и пѣхота двинулась на непріятеля. Сильнѣйшій огонь окуталъ дымомъ небо и землю, а дождь пуль и снарядовъ, казалось, грозилъ раздробить окрестныя горы. То была рѣшающая атака, описать весь ужасъ, всю силу которой нѣтъ возможности. Пѣхота двинулась впередъ, временами останавливаясь, чтобы, давъ нѣсколько залповъ, итти дальше. Иногда пораженный пулей солдатъ, падая, восклицалъ одно слово: „Поручикъ“.. Какъ бы прощаясь съ своимъ начальникомъ, временами жалобный предсмертный стонъ раздавался изъ устъ умирающаго героя. Но не время было обращать вниманіе на стоны, на страданія раненныхъ и умирающихъ... Мы стремились лишь къ завѣтной цѣли, памятуя напутственныя слова начальника бригады: „Ваша храбрость вызываетъ

---

*) Kachi-guri—сухіе каштаны. Слово Kachi означаетъ побѣду, отсюда обычай давать сухіе каштаны, чтобы обезпечить успѣхъ отправляющимся на войну.

удивленіе и уваженіе... приложите всѣ силы свои“... Мы шли впередъ и впередъ на вѣрную смерть, не теряя ни минуты времени. Боевая часть была поддержана двумя ротами изъ резерва и ротой саперъ. Наконецъ первому баталіону удалось подойти къ русскимъ на дистанцію 20 метровъ... но здѣсь ему преградила путь отвѣсная скала. Надѣясь преодолѣть это препятствіе и не имѣя возможности предпринять что-либо подъ градомъ непріятельскихъ пуль, летящихъ со всѣхъ сторонъ, вторая рота сдѣлалась мишенью для русскихъ пулеметовъ и полегла здѣсь почти цѣликомъ. Одна пуля раздробила саблю капитана Матсу-мура, легко ранивъ его въ глазъ. Наша артиллерія приложила всѣ усилія, чтобы разнести русскія укрѣпленія, но цѣли не достигла. Шрапнель не могла быть въ данномъ случаѣ полезна; мы рѣшили пустить въ дѣло бризантные снаряды и разбить ими непріятельскіе блиндажи. „Немедленно пустить въ ходъ бризантные снаряды, хотя бы рискуя поражать свою пѣхоту“—таковъ былъ посланный начальнику артилеріи приказъ. Но ни одинъ изъ посланныхъ не исполнилъ порученія,—всѣ они были убиты по дорогѣ. Отъ начальника инженерныхъ войскъ былъ затребованъ запасъ подрывныхъ средствъ, но и это не могло быть исполнено своевременно. Часовая стрѣлка приблизилась къ семи часамъ, затѣмъ къ восьми и наконецъ показала 9 час., но положеніе наше не улучшилось. Первый баталіонъ долженъ былъ передохнуть хоть немного. Командиръ второго баталіона маіоръ Темай былъ тяжело раненъ, его

адъютантъ, пытавшійся произвести рекогносцировку, подступивъ къ русскимъ укрѣпленіямъ, былъ убитъ пулей въ голову навылетъ въ моментъ, когда онъ подошелъ съ рапортомъ къ своему начальнику. Третій баталіонъ подошелъ къ русскимъ окопамъ почти вплотную, но сдѣлать ничего не могъ и только число раненыхъ и убитыхъ росло съ каждой минутой. Наше положеніе можно было сравнить съ положеніемъ рыбешки, которую собирается проглотить китъ, и мы не были въ состояніи ни улучшить, ни измѣнить его собственными усиліями. И все-таки мы не унывали и не падали духомъ. Всѣ баталіоны и особенно первый принялись кирками и штыками обламывать скалу и таскать камни, чтобы сложить изъ нихъ ступени. Не легко было работать въ такой близости отъ непріятеля; и русскіе и мы были словно два тигра, скалящіе зубы, готовые каждую минуту разорвать одинъ другого въ клочья. Русскіе всячески старались мѣшать нашей работѣ: каждый ударъ кирки словно магнитъ притягивалъ къ себѣ огненные языки, которые пожирали окружающихъ. Наконецъ послѣ страшныхъ усилій намъ удалось сгрудить изъ обломковъ камней нѣчто въ родѣ площадки, которая должна была помочь намъ однимъ махомъ добраться до русскихъ укрѣпленій.

Наступила ночь, блѣдный серпъ луны тускло освѣщалъ поле битвы. Маіоръ Ушино, командиръ второго баталіона, послалъ къ полковому командиру ординарца съ слѣдующимъ донесеніемъ:

„Нашъ баталіонъ готовъ начать атаку, хотя бы

пришлось всѣмъ остаться на мѣстѣ. Надѣюсь, что вы одновременно поведете наступленіе со своей стороны. Я надѣюсь и увѣренъ, что нашъ любимый и глубоко уважаемый полковникъ встанетъ во главѣ общей атаки и что къ восходу солнца наше полковое знамя взовьется на непріятельскомъ брустверѣ. Прошу принять мое почтеніе и прощальный привѣтъ“.

Раздались торжественные звуки „Kimi-ga-yo“ и разнеслись далеко по окрестности. Мѣсяцъ стоялъ надъ узкой долиной, по которой мы двигались, а эхо, повторяя звуки, глубже запечатлѣвало ихъ въ нашихъ сердцахъ; мы слышали въ нихъ какъ бы голосъ нашего Императора, призывающій насъ къ бою. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросились на брустверa и окопы, не обращая вниманія на бѣшеный огонь и перескакивая черезъ нагромажденные камни. Маіоръ Матсу-мура шелъ впереди, потрясая саблей и воодушевляя людей своимъ зычнымъ возгласомъ— „Впередъ, впередъ“. Музыка не смолкала а солдаты кричали „банзай“. На вершинѣ горы закипѣлъ рукопашный бой, штыки скрестились съ штыками, еще одно послѣднее усиліе живыхъ ядеръ—сыновъ Ямато, и побѣда стала склоняться на нашу сторону. „Вы—землеройки, полюбуйтесь теперь, какъ мало стоитъ ваше искусство!“ съ такой мыслью японцы наносили ударъ за ударомъ, оставляя вокругъ себя груды тѣлъ и потоки крови. Да, это была ужасная бойня, но велика была и наша радость, радость побѣды надъ врагомъ, стоившей столькихъ жертвъ и усилій. Число нашихъ съ каждой минутой увеличивалось и русскіе поняли, что имъ не устоять

Они еще держались и бросались въ рукопашный бой... но ихъ становилось все меньше и меньше, съ каждой минутой они становились слабѣе, въ то время какъ мы, разгоряченные боемъ, увѣренные теперь въ своей силѣ, становились сильнѣе и настойчивѣе... Наконецъ въ 8 час. утра 28-го іюля, когда заго-рѣлся востокъ, мы стали полными хозяевами Тай-по-шана: Императорскій флагъ взвился высоко надъ нашей новой стоянкой, а радостное „банзай“ раз-неслось далеко по окрестнымъ долинамъ.

ГЛАВА XVIII.

Поле битвы послѣ сраженія.

Чтобы выбить русскихъ и овладѣть Тайпо-шаномъ, всѣмъ намъ, начиная съ командира полка и до послѣдняго рядового, пришлось вынести не мало тяжелыхъ испытаній, которыя лишній разъ подтвердили всю выносливость, отвагу и самоотверженность японской арміи.

Мы вступили въ борьбу съ непріятелемъ, занимавшимъ укрѣпленную и по своимъ естественнымъ свойствамъ неприступную позицію. Мы сражались въ теченіе 56-ти часовъ безъ перерыва, безъ пищи, питья и сна и сумѣли сломить сопротивленіе непріятеля. Достигнутый успѣхъ имѣлъ огромное значеніе для выполненія дальнѣйшаго общаго плана военныхъ дѣйствій. До сихъ поръ бой при Наньшанѣ, гдѣ мы потеряли четыре тысячи человѣкъ, считался весьма кровопролитнымъ, но по сравненію съ Тайпо-шаномъ потери наши подъ Наньшанемъ нельзя признать очень тяжкими. Сѣверный склонъ Наньшаня совершенно открытъ и пологъ, благодаря чему при наступленіи мы несли огромныя потери отъ русскаго огня. Напротивъ у Тайпо-шана природныя

условія были совершенно другія: русскія укрѣпленія были воздвигнуты на горѣ, которая почти отвѣсно возвышалась надъ глубокой узкой долиной, при чемъ склоны ея были изрѣзаны оврагами и покрыты камнями и скалами, образующими рядъ мертвыхъ пространствъ, въ которыхъ мы укрывались отъ непріятельскаго огня, а между тѣмъ наши потери достигали здѣсь той же цифры, что и подъ Нанъшанемъ. Послѣднее обстоятельство, несомнѣнно, говоритъ объ упорствѣ русской обороны.

Цѣлыхъ три дня мы цѣплялись за небольшой клочекъ земли на склонѣ горы почти безъ помощи, ибо доставка ея на позицію была невозможна. Мы грызли жесткіе сухари—эту „желѣзную пищу“ солдата, смачивая горло нѣсколькими каплями воды, которой по близости почти не было, и не сомкнули глазъ ни на минуту. Но мы не страдали отъ этихъ лишеній и почти ихъ не чувствовали, такъ велико было наше воодушевленіе и стремленіе къ побѣдѣ. Не легче было и нашему противнику. Они не терпѣли лишь недостатка въ пищи, что мы съ радостью констатировали, наслаждаясь, оставленными ими, черными хлѣбомъ и кусками сахара.

Когда осмотрѣлись и успокоились, то первое наше желаніе было заснуть... разговаривая о препятствіяхъ боя, объ убитыхъ товарищахъ, мы одинъ за другимъ закрывали глаза и засыпали мертвымъ сномъ среди окровавленныхъ труповъ нашего врага. Ни голодъ, ни жажда, ни даже раздававшіеся вдали русскіе выстрѣлы не могли помѣшать сну нашихъ людей, и громкій храпъ ихъ разносился по всѣмъ траншеямъ.

Наблюдая за боемъ со стороны, быть можетъ, въ немъ можно найти красоту и величіе, но тѣмъ ярче по окончаніи боя выступаетъ его оборотная ужасная и неприглядная сторона. Холодный, равнодушный призракъ смерти царитъ надъ полемъ боя; тысячи окровавленныхъ тѣлъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ разбросаны повсюду. Какое глубокое спокойствіе лежитъ на ихъ холодныхъ лицахъ. Когда мы впервые увидѣли трупы подъ Наньшанемъ, мы отворачивались отъ нихъ со страхомъ и отвращеніемъ. Но теперь зрѣлище смерти, хотя и не менѣе ужасное, дѣйствовало на насъ уже не такъ сильно. У нѣкоторыхъ убитыхъ были раздроблены головы, и мозги вывалились наружу; у другихъ распороты животы и вывалившіяся внутренности валялись тутъ же, смѣшиваясь съ грязью и пескомъ, но, повторяю, мы смотрѣли на нихъ равнодушно. Теперь мы обтерпѣлись и привыкли къ тяжелымъ зрѣлищамъ: долгіе дни борьбы и страданій притупили наши нервы. При Наньшанѣ, смотря на сотни умирающихъ враговъ, мы невольно прониклись къ нимъ жалостью, здѣсь же мы ихъ ненавидѣли и проклинали... Чѣмъ же была вызвана эта ненависть? Развѣ они не были такими же солдатами, какъ и мы, которые умирали, исполняя свой долгъ? Да, все это было такъ, но послѣ ужасной, полной захватывающаго ужаса бойни, въ которой погибло столько любимыхъ товарищей, наши сердца ожесточились; намъ казалось, что русскіе должны были обороняться менѣе упорно и не разстрѣливать нашихъ людей, сидя въ надежныхъ окопахъ. Я понимаю, что такія разсужденія не

выдерживаютъ критики, но всякій, кто испыталъ весь ужасъ такихъ боевъ, пойметъ наши чувства; но, несмотря на все наше озлобленіе противъ русскихъ, мы всѣ признаемъ ихъ мужество и храбрость, и ихъ упорная оборона въ теченіе 58 часовъ заслуживаетъ глубокаго уваженія и похвалы... Среди убитыхъ въ траншеяхъ мы нашли одного русскаго солдата съ перевязанной головой; очевидно, уже раненный въ голову, послѣ перевязки онъ вновь всталъ въ ряды товарищей и продолжалъ сражаться до тѣхъ поръ, пока новая пуля не уложила его на смерть. Русскіе не только храбро держались въ траншеяхъ, но многіе смѣльчаки бросались на насъ въ штыки и гибли подъ нашими ударами. На многихъ трупахъ мы находили фотографическія карточки ихъ женъ и дѣтей, испачканныя кровью. Быть можетъ, найдутся люди, которые съ насмѣшкой отнесутся къ проявленію такой сантиментальности, но, если вспомнить, что долженъ переживать солдатъ, оторванный отъ всего, что ему дорого и мило, ежеминутно ожидающій увѣчья или смерти, перенося всевозможныя лишенія,—тотъ пойметъ, какъ дорого для него все, что хоть немного напоминаетъ о близкихъ и родинѣ. Такова природа человѣка, а развѣ солдаты не тѣ же люди?

„Нѣжнымъ можетъ быть и храбрый.

„Отваженъ любящій всегда...“ сказалъ поэтъ. А эти несчастные русскіе солдаты, пришедшіе за тысячи верстъ проливать свою кровь за чуждые имъ интересы, развѣ они не заслуживали жалости и сердечной симпатіи?

Вскорѣ послѣ занятія нами позиціи, ко мнѣ пришелъ денщикъ и принесъ чемоданъ, брошенный русскими. Открывъ его, мы нашли разныя вещи и между прочимъ китайское платье. Сначала насъ эта находка очень удивила, но вскорѣ она стала намъ понятна: случалось, что русскіе развѣдчики переодѣвались въ китайское платье, съ цѣлью безпрепятственно добраться до нашихъ позицій, и найденное теперь платье раскрыло ихъ тайну. Во время американской войны за независимость туземные солдаты часто прибѣгали къ такой уловкѣ: они одѣвались въ козлиныя шкуры и, подкравшись незамѣтно къ англійскому часовому, убивали его. Вѣроятно, русскіе переняли у американцевъ ихъ пріемы. Вообще русскіе при развѣдкахъ прибѣгали къ всевозможнымъ уловкамъ и маскарадамъ... Между оставленными на Тайпо-шанѣ вещами мы нашли даже нашъ собственный японскій флагъ, который, вѣроятно, они хотѣли использовать для той же цѣли. Кромѣ того, мы нашли нѣсколько брошенныхъ подбитыхъ пулеметовъ, которые были предметомъ нашей искренней ненависти. Трудно передать словами звукъ, который производитъ это орудіе: вблизи слышится быстрое „тапъ, тапъ, тапъ“, а издали онъ напоминаетъ стукъ парового ткацкаго станка... этотъ звукъ наполнялъ насъ ужасомъ среди тишины глубокой безмолвной ночи. Русскіе считали пулеметы самымъ вѣрнымъ оружіемъ и, дѣйствительно, польза, оказываемая ими при оборонѣ, незамѣнима. Русскіе пользовались ими очень умѣло. Они подпускали нашихъ солдатъ на ди-

станцію 4—5 саженей и въ ту минуту, когда мы уже готовы были кричать громкое „банзай“, они вдругъ пускали въ ходъ это ненавистное орудіе, которое сметало цѣлые ряды, нагромождая груды труповъ. Послѣ битвы на Тайпо-шанѣ, мы нашли трупъ одного солдата по имени Хіодо—это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ солдатъ второй роты—на тѣлѣ котораго мы насчитали 47 пулевыхъ ранъ, на одной только рукѣ ихъ было 24. Другой солдатъ имѣлъ на тѣлѣ болѣе 70 ранъ. Эти примѣры, какъ нельзя лучше, доказываютъ разрушительную силу пулеметовъ. Врачи называли пулеметныя раны сотообразными (т. е. напоминающими пчелиные соты). Во время нашихъ атакъ и штурмовъ мы болѣе всего несли потери именно отъ этихъ убійственныхъ орудій.

Мы нашли также на русской позиціи нѣсколько убитыхъ собакъ. Это были крѣпко сложенныя, коротко-шерстныя животныя съ умными, острыми мордами. Онѣ погибли въ бою вмѣстѣ со своими хозяевами. Русскіе вообще пользуются собаками для разныхъ услугъ. Мнѣ говорили, что они пользуются ими для развѣдки. Когда на нашей новой позиціи все пришло въ относительный порядокъ, я занялся самымъ тщательнымъ осмотромъ мѣстности, замѣчательной по своей естественной неприступности, и обратилъ вниманіе на искусство, съ какимъ она была приспособлена къ оборонѣ; поэтому я былъ пораженъ, что намъ удалось овладѣть ею, хотя и съ большими потерями. Наши минеры разыскали и откопали большое количество заложенныхъ минъ и

уничтожили проволочныя загражденія. Потери русскихъ въ людяхъ были, какъ оказалось, также весьма значительны. Много труповъ осталось на позиціи и затѣмъ найдены были нами по пути ихъ отступленія. Другихъ, которыхъ можно было увезти, они положили въ запряженные волами фургоны и отправили черезъ Хан-шіа-тунъ въ Портъ-Артуръ.

Я позволю себѣ немного прервать описаніе поля сраженія и сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, которое производила на русскихъ наша армія, а кстати разскажу два—три эпизода изъ жизни нашихъ доблестныхъ солдатъ. Разбираясь въ оставленныхъ на позиціи вещахъ, мы нашли записку, видимо написанную начальникомъ русской дивизіи. Вотъ ея переводъ:

„Японскія войска умѣютъ наступать, но не знаютъ, какъ вести отступленіе. Разъ они втянулись въ атаку извѣстной позиціи, они ведутъ, не ослабѣвая и не отступая, до конца. Я, конечно, вполнѣ одобряю такую тактику, но думаю, что бываютъ случаи, при которыхъ отступленіе можетъ быть полезно. Не такъ думаютъ японцы,—они ведутъ атаку, каковы бы ни были ихъ потери. Полагаю, что въ учебникахъ японской военной тактики объ отступленіи вовсе не упоминается“.

Развѣ можно порицать наше неумѣнье отступать? Герои нашей старины осмѣивали тѣхъ, кто „подставлялъ спину“, и наши молодые солдаты думаютъ не иначе. Можетъ быть, бываютъ случаи, когда отступленіе извинительно,—но каждый японецъ, самурай, счелъ бы это наибольшимъ для себя

позоромъ. Это основной, краеугольный принципъ нашей военной науки. Въ приведенномъ выше письмѣ русскаго генерала мы видимъ подтвержденіе этого, усвоеннаго нами, догмата: „сражаться до послѣдней капли крови, умирать—когда покинутъ силы“.

Мы выигрывали всѣ бои только потому, что мысль о возможности отступленія даже не приходила намъ въ голову. Русскіе, которыхъ учатъ, что въ „нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ полезно отступать“, и которые иногда хвастаются „мастерскимъ отступленіемъ“, быть можетъ, потому именно и не видѣли ни одной побѣды.

Иллюстраціей къ тому же письму русскаго генерала, въ которомъ онъ отдаетъ должное нашей неустрашимости и упорству въ бою, могутъ служить слѣдующіе два эпизода.

Одинъ изъ развѣдчиковъ, Сукейши-Матсумото, былъ посланъ 27-го іюля съ нѣсколькими другими въ опасную рекогносцировку непріятельской позиціи. Онъ все время былъ впереди другихъ, не обращая никакого вниманія на летающіе кругомъ пули и снаряды. Вдругъ, почувствовавъ, что кровь льется у него по лицу, онъ воскликнулъ: „Пришелъ конецъ!“ и свалился. Къ нему подбѣжалъ унтеръ-офицеръ и, приподнимая его, сказалъ: „Мужайся, товарищъ“. На это Сукейши улыбнулся, схватилъ его за руку и, проговоривъ: „Такъ точно, я совсѣмъ здоровъ, сейчасъ иду“...—испустилъ духъ.

У насъ былъ въ восьмой ротѣ храбрый унтеръ-офицеръ по имени Семба. При взятіи Кензана онъ

отличился тѣмъ, что первый вскочилъ въ непріятельскій окопъ. У него была привычка повторять, идя на приступъ: „Я отомщу за васъ, положитесь на меня!“ Онъ думалъ утѣшить павшихъ ранѣе на его пути. Товарищи любили его, а подчиненные готовы были итти за нимъ въ огонь и въ воду. Старшій офицеръ также цѣнилъ и отличалъ Самбо, назначая его во всякое дѣло, гдѣ требовались особенное мужество, настойчивость и расторопность. Въ тотъ же злосчастный день, 27 іюля, Самбо велъ свой взводъ, идя во главѣ его и приговаривая по обыкновенію въ утѣшеніе падающимъ справа и слѣва отъ него: „Я отомщу, положитесь на меня...“

Вдругъ онъ упалъ къ ногамъ старшаго офицера, который бросился поднимать его, чувствуя при этомъ, какъ теплая кровь текла по его рукамъ. „Кончено“, проговорилъ Самбо.—„Мужайтесь, унтеръ-офицеръ“, отвѣтилъ офицеръ. Бѣдняга старался отплюнуть кровь, которая наполняла горло и сочилась изо рта. „Капитанъ... въ Портъ-Артуръ...“—едва вымолвилъ онъ, умирая. Сожалѣлъ ли онъ, что ему не удастся вступить туда съ другими... или онъ молился, чтобы крѣпость скорѣе перешла въ наши руки! Какъ бы то ни было, этотъ вѣрный слуга родины, даже въ минуту смерти, думалъ лишь о желанномъ Портъ-Артурѣ.

ГЛАВА XIX.

Перевязочный пунктъ.

Со времени начала военныхъ дѣйствій на высотахъ къ сѣверо-востоку отъ Ваньи-хуана и Ташан-туна я былъ такъ поглощенъ постоянными стычками и боями, что не могъ думать о чемъ-либо посторонненемъ. Теперь я вспомнилъ о своемъ другѣ докторѣ Я-суи и очень хотѣлъ узнать, уцѣлѣлъ ли онъ во время послѣдняго боя. Подъ вечеръ 28-го іюля, несмотря на нависшія тучи, грозившія разразиться дождемъ, я отправился по дорожкѣ, пролегающей по берегу узкой обросшей ивами рѣчки, къ моему другу. Я шелъ тихо и думалъ о томъ, что, вѣроятно, Я-суи въ настоящее время очень занятъ, имѣя на рукахъ столько раненыхъ; вдругъ я услышалъ бряцанье офицерскихъ шпоръ и увидалъ его передъ собой.

„Докторъ Я-суи“. — „Поручикъ Сакурай“!— „Здоровы ли?“—„Какъ поживаете?“ Мы обмѣнялись сердечнымъ рукопожатіемъ и нашли, что оба изрядно похудѣли отъ пережитыхъ треволненій. Къ намъ присоединился капитанъ Матсу-мару, раненный наканунѣ, и показалъ намъ свою саблю, которая сильно пострадала отъ непріятельской пули. Мы

продолжали разговоръ втроемъ, при чемъ докторъ Я-суи сообщилъ намъ много подробностей о потрясающихъ сценахъ на перевязочномъ пунктѣ. Оказалось, что во время боя непріятельскіе снаряды падали вблизи китайскихъ фанзъ, и устроенные въ нихъ временные лазареты и перевязочные пункты находились въ большой опасности. Однажды большой снарядъ пробилъ крышу и разорвался въ помѣщеніи, гдѣ находилось много раненыхъ. Большинство было разорвано на куски и стѣны были забрызганы кровью... Зрѣлище было ужасное! Здѣсь же имѣлъ мѣсто и другой трагическій случай: санитары едва успѣли принести тяжело раненаго и положить его на дворѣ фанзы, какъ пуля уложила его на мѣстѣ. Несчастный сражался, получилъ почетную рану, остался живъ и долженъ былъ умереть въ сравнительно безопасномъ мѣстѣ. Да, непріятельскій огонь преслѣдовалъ нашихъ храбрыхъ людей повсюду, поражая ихъ безъ всякой жалости...

Грустныя, тяжелыя сцены, происходившія на перевязочныхъ пунктахъ, не поддаются описанію. Эти пункты можно сравнить развѣ только съ адомъ. Какъ только санитары приносятъ раненаго, будь то офицеръ или солдатъ — доктора и хирурги спѣшатъ оказать ему первую помощь. По мѣрѣ того, какъ разгорается бой, число прибывающихъ раненыхъ начинаетъ все болѣе и болѣе увеличиваться и доктора едва успѣваютъ справляться со своимъ дѣломъ. Хлопоча около одного раненаго, они часто вынуждены бросить его, такъ какъ рядомъ задыхается и теряетъ сознаніе другой. Начинаютъ

приводить его въ чувство, даютъ возбуждающія средства, а тутъ же окóло нихъ умираетъ третій, не дождавшись помощи. Едва успѣютъ они перевязать одного раненаго, какъ приносятъ десять, пятнадцать новыхъ. Хирурги неутомимо переходятъ отъ одного къ другому съ засученными рукавами, съ руками, испачканными кровью, дѣлаютъ перевязки, накладываютъ лубки и т. д. Понятно, все это дѣлается спѣшно, чтобы подать первую помощь и облегчить хоть немного страданія раненыхъ... и все-таки дѣла врачамъ и хирургамъ такъ много, что иногда они начинаютъ терять силу и впадать въ отчаяніе отъ сознанія, что они не могутъ быстро помочь всѣмъ нуждающимся въ ихъ помощи.

Но раненые, лежащіе здѣсь въ сараѣ или просто на дворѣ подъ открытымъ небомъ—народъ мужественный,—они не будутъ роптать, если ихъ не перевяжутъ сразу, не выразятъ недовольства, не выскажутъ какихъ-либо желаній. Они еще полны впечатлѣніями боя и отголоски канонады снова будятъ ихъ стремленіе итти на приступъ непріятельской позиціи, доставляя не мало хлопотъ докторамъ, которые стараются ихъ успокоить. Иной раненый въ голову кричитъ въ бреду: „Tenno Heika Banzai“ *), или „Русскій, русскій“, и въ бреду бросается съ койки; а когда докторъ пытается удержать его, онъ еще яростнѣе повторяетъ: „Ты, русскій...“ Послѣдствіемъ этихъ горячечныхъ порывовъ является

---

*) Да здравствуетъ десять тысячъ разъ нашъ Великій Императоръ.

обыкновенно сильное кровотеченіе и обморокъ, а иногда и смерть.

Особенно много раненыхъ было 27-го іюля. Вся фанза, стоявшая близъ перевязочнаго пункта, была полна ими. Пока врачъ возился съ однимъ, перевязывая ему рану, онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то сзади трогаетъ его за платье; обернувшись, онъ увидалъ, что прислонившись къ нему спокойно, какъ младенецъ, уснулъ—но безпробуднымъ сномъ,—раненый солдатъ, а рядомъ съ нимъ уже раздается жалобный голосъ: „Мнѣ уже не жить... умоляю, добейте меня“. Здѣсь же къ врачу подползъ, волоча раздробленную ногу, унтеръ-офицеръ и обратился къ нему со словами: „Прошу васъ, докторъ, тамъ въ углу солдатъ моей роты; онъ такъ тяжело дышитъ... можетъ быть, ему уже нельзя помочь, но прошу васъ, взгляните на него еще разъ“... Слова эти произнесены были со слезами въ голосѣ; какъ ни сильно страдалъ этотъ безногій герой, онъ, забывъ о себѣ, просилъ лишь о помощи своему подчиненному. Было много страдавшихъ молча; они не звали доктора, чтобы не отвлекать его отъ другихъ, раненныхъ еще тяжелѣе. „Мы подождемъ“—говорили они. Какое благородное самопожертвованіе! Эти храбрые, стойкіе люди, блѣдные и окровавленные, хранили въ себѣ чистый духъ Бушидо, они не запятнали его на полѣ битвы, не утратили съ кровью своего сердца.

Утромъ 27-го на перевязочный пунктъ прибылъ какой-то солдатъ, который поражалъ своимъ растеряннымъ видомъ. Встрѣтившій его врачъ обратился

къ нему съ вопросомъ: „Что съ тобой, ты раненъ?“— но не получилъ никакого отвѣта. На вторичный вопросъ доктора: „Болитъ что у тебя? Я не могу помочь, если не знаю, въ чемъ дѣло“...—отвѣта также не послѣдовало. Врачу это показалось страннымъ; пристальнѣе вглядѣвшись въ солдата, онъ замѣтилъ запекшуюся каплю крови на искѣ. По самомъ тщательномъ осмотрѣ оказалось, что онъ былъ раненъ въ високъ пулей навылетъ и потерялъ зрѣніе и слухъ, ибо пуля повредила зрительный и слуховой нервы. Когда докторъ взялъ его ласково за руку, солдатъ, стиснувъ зубы, проговорилъ: „Отмстить“. Вслѣдъ за этимъ онъ утратилъ способность движенія и вскорѣ умеръ. Бѣдняга, онъ не понималъ, что умираетъ, но зналъ, что надо отомстить!..Еще случай: на перевязочный пунктъ прибѣжалъ раненый солдатъ, онъ былъ сильно взволнованъ и усиленно жестикулировалъ обѣими руками. „Идетъ жаркій бой, великолѣпный... мы скоро возьмемъ позицію!“—„Да ты-то раненъ?“—спросилъ докторъ. „Да, легко, въ животъ“. Такъ какъ докторъ очень интересовался исходомъ сраженія, то спросилъ его: „А сколько русскихъ ты уложилъ? На чьей сторонѣ потери больше?“ Солдатъ, понизивъ голосъ, проговорилъ: „И на этотъ разъ на нашей сторонѣ больше“. Когда докторъ осмотрѣлъ „легкую“ рану, то нашелъ ее весьма серьезною: все мясо съ праваго бедра было сорвано. Солдатъ такъ былъ доволенъ тѣмъ, что бился съ врагомъ и исполнилъ свой долгъ, что не замѣчалъ, какъ съ каждой каплей крови уходила и его жизнь. Онъ все время возбужденно разсказы-

валъ о происходившемъ на позиціи... „Готово, можешь итти“. При этихъ словахъ доктора, солдатъ живо вскочилъ на ноги, но не смогъ сдѣлать и шага. Часто въ пылу боя, даже тяжело раненые продолжаютъ бѣжать впередъ, но какъ только ихъ уложатъ на носилки, наступаетъ реакція нервовъ и они чувствуютъ нестерпимую боль. Я испыталъ это и на самомъ себѣ; я не испытывалъ боли въ теченіе тѣхъ 2-хъ дней, когда я пролежалъ на полѣ сраженія раненый, но, Боже мой, какія я перетерпѣлъ муки, когда меня принесли на перевязочный пунктъ и наложили перевязку; боль была такъ ужасна, что я безумно желалъ поскорѣе умереть. „Вернуться отъ смерти къ жизни“, было, конечно, великимъ для меня счастьемъ, но въ тѣ минуты я не могъ цѣнить его; напротивъ, въ тѣ минуты я считалъ, что судьба поступила со мною жестоко, не давъ мнѣ умереть на полѣ сраженія и обрекши меня на страданія, которыя мнѣ казались страшнѣе смерти. Когда на позиціяхъ кипитъ бой, флагъ краснаго креста укрываетъ подъ своею сѣнью раненыхъ... Храбрецы, умирающіе въ бою, не нуждаются въ его услугахъ, но для раненыхъ флагъ этотъ великое благодѣяніе. Съ началомъ боя санитары съ носилками за плечами идутъ къ мѣсту сраженія, подбираютъ раненыхъ и относятъ ихъ на перевязочные пункты. Эти носильщики-санитары должны быть не менѣе отважны и смѣлы, чѣмъ сражающіеся, такъ какъ имъ приходится исполнять свои обязанности въ самой опасной обстановкѣ. Часто дѣлятся они своей скудной порціей пищи и питьевой водой съ страдальцами, которыхъ

они успокаиваютъ и ободряютъ. Поистинѣ трудное благородное дѣло санитаровъ заслуживаетъ глубокаго нашего уваженія.

Получивъ первую помощь, раненые, обмытые и одѣтые въ бѣлые халаты, по мѣрѣ возможности безотлагательно эвакуировались въ Японію, гдѣ ихъ размѣщали по госпиталямъ, поручая уходъ за ними опытнымъ врачамъ и сестрамъ милосердія. Я самъ на себѣ испыталъ ихъ заботливый уходъ, о чемъ всегда вспоминаю со слезами благодарности. Въ этихъ госпиталяхъ вы окружены полнымъ комфортомъ, но совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находятся полевые госпитали. Лѣтомъ, когда я еще былъ въ дѣйствующей арміи, я видѣлъ, какъ въ лазаретахъ миріады мухъ роились около раненыхъ, забиваясь имъ въ ротъ и носъ, и несчастные не могли даже отогнать ихъ, такъ какъ часто не владѣли руками. Лазаретные служители, хотя и дѣлали все, что могли, но попасть всюду не успѣвали, ихъ было не мало, но число больныхъ и раненыхъ бывало такъ велико, что на одного санитара приходилось по сто человѣкъ раненыхъ. Часто за недостаткомъ помѣщеній, раненые оставались на дворѣ подъ жгучими лучами солнца или подъ проливнымъ дождемъ въ прохладныя ночи. Иногда они такъ долго оставались неубранными съ поля сраженія, что буквально были сплошь покрыты грязью и запекшейся кровью, и передъ перевязкой ихъ приходилось отмывать съ головы до ногъ.

Происходило все это отъ непомѣрнаго наплыва раненыхъ при столь исключительныхъ по упорству

и кровопролитности боялъ. Надо отдать справедливость всему врачебному персоналу,—не покладая рукъ и не щадя усилій, онъ старался удовлетворить всѣхъ раненыхъ, но естественно, когда въ лазаретъ, оборудованный на двѣсти человѣкъ, приходилось принимать тысячу, онъ не въ состояніи былъ помочь всѣмъ раненымъ, и страданія ихъ были ужасны.

ГЛАВА XX.

На пути къ побѣдѣ.

Когда созданный самой природою неприступный Тайпо-шанъ былъ взятъ японскими войсками, русскіе, наконецъ, поняли, что имѣютъ дѣло съ серьезнымъ противникомъ, но такъ какъ они имѣли за своей спиной весь поясъ сильныхъ фортовъ, окружающій Портъ-Артуръ, то всѣ понесенныя ими пораженія не могли сломить ихъ мужества. Они рѣшили отступить къ высотамъ Кейта-шана *) и, укрѣпивъ послѣднія, оказать тамъ новое сопротивленіе. Это была ихъ третья передовая позиція; а такъ какъ они начали спѣшно укрѣплять ее, то мы рѣшили, не медля, перейти въ наступленіе. Каждый день промедленія увеличивалъ силу русской позиціи. Поэтому, не ожидая, пока отдохнутъ наши утомленные люди, мы рѣшили ихъ энергично преслѣдовать, подобно набѣгающимъ на берегъ волнамъ морского прилива, съ цѣлью не дать имъ закончить ихъ оборонительныя работы и оттѣснить въ крѣпость.

---

*) оВлчьи горы.

Примѣчаніе переводч.

.29-го іюля наша армія была занята пополненіемъ нашихъ боевыхъ запасовъ, приведеніемъ въ порядокъ и укомплектованіемъ баталіоновъ и ротъ и рекогносцировкой непріятельской позиціи. На слѣдующій день, 30-го іюля, было назначено общее наступленіе. Нашъ полкъ стоялъ бивуакомъ въ долинѣ близъ Хан-шіа-туна. Около 3-хъ часовъ утра бригадный командиръ приказалъ полковому командиру прислать въ штабъ бригады офицера для полученія инструкцій. Я былъ назначенъ для исполненія этого порученія и еще до 4-хъ часовъ утра добрался до штаба. Получивъ нужныя инструкціи, я сообразилъ, что, если не побѣгу обратно бѣгомъ, то нашъ полкъ никакъ не успѣетъ собраться и выступить одновременно съ другими.

Не долго думая, я сбросилъ съ себя всю свою одежду, отдалъ ее ординарцу и совершенно голымъ, съ револьверомъ въ одной и саблей въ другой рукѣ, пустился бѣгомъ къ своему полку. Было еще темно и я боялся сбиться съ дороги. Я бѣжалъ и бѣжалъ, не переводя духа, вдоль берега рѣки... вдругъ гдѣ-то вблизи я услышалъ голосъ нашего полкового квартирмейстера Мишима, который распоряжался заготовкой провіанта. Я успѣлъ крикнуть ему на бѣгу: „Мишима... провіантъ не нуженъ... мы сейчасъ выступаемъ“, и побѣжалъ еще быстрѣе. Къ счастью, я не сбился съ пути и добѣжалъ до нашего бивуака въ 5 часовъ безъ 10 минутъ. Тотчасъ протрубили сборъ и отданъ былъ приказъ выступать. Ординарецъ, которому я отдалъ свое платье, еще не прибылъ. Хотя утро было ясное и мнѣ не было

холодно, но, если я съ успѣхомъ и выполнилъ данное мнѣ порученіе, то все же не могъ выступить въ такомъ видѣ. Немедленно послали второго ординарца разыскивать перваго, но время шло, а ни тотъ, ни другой не появлялся. Я былъ въ самомъ глупомъ положеніи; наконецъ, въ послѣднюю минуту, ординарецъ вернулся съ моимъ платьемъ и избавилъ меня отъ перспективы сражаться нагишемъ. Теперь все это мнѣ кажется смѣшнымъ, но тогда я пережилъ нѣсколько непріятныхъ минутъ.

Итакъ, мы выступили впередъ съ легкимъ сердцемъ, забывъ испытанія предыдущихъ дней. Скоро, по нашему боевому порядку, мы поняли, что предстоитъ полевой бой. Впереди двинулись стрѣлковыя цѣпи, за ними поддержки, словомъ, боевой порядокъ, знакомый намъ по маневрамъ мирнаго времени. Порядокъ этотъ былъ непримѣнимъ при атакѣ укрѣпленій, требующей болѣе сильныхъ резервовъ, въ ущербъ линіи огня. До сихъ поръ намъ приходилось атаковать укрѣпленія, построенныя на крутыхъ скалистыхъ высотахъ, вслѣдствіе чего всѣ наши усилія сводились къ тому, чтобы приблизиться къ непріятелю возможно ближе, чтобы овладѣть его укрѣпленіями однимъ сильнымъ ударомъ.

Это исключало возможность пользоваться обыкновенными боевыми порядками, предусмотрѣнными для дѣйствій въ полѣ. Теперь, пройдя Тайпо-шанъ, мы очутились на ровной слегка волнистой мѣстности, простиравшейся до самаго Таку-шана *). По-

---

*) Г. Дагушань. Примѣчаніе переводч.

этому мы могли развернуть здѣсь нашъ обычный боевой порядокъ, что было встрѣчено людьми съ большимъ удовольствіемъ. Кромѣ того, мы удачно воспользовались неготовностью русской позиціи и атака наша была внезапной. Русскіе, хотя и защищались упорно, все же принуждены были отступить. Нашъ полкъ имѣлъ въ резервѣ лишь двѣ роты; всѣ остальныя были въ боевой линіи, все тѣснѣе и тѣснѣе окружая непріятеля и угрожая его флангамъ; въ концѣ концовъ былъ прорванъ русскій центръ и противникъ отступилъ. Не доходя до послѣдней стрѣлковой позиціи, перебѣгая черезъ поле кукурузы, съ полковымъ знаменемъ, я наткнулся на маіора Ашино; онъ стоялъ на скалѣ, опираясь на саблю, и осматривалъ мѣстность сверкающими какъ у ястреба глазами. Въ Японіи мы служили съ нимъ при штабѣ полка, и я всегда передъ нимъ преклонялся. Его ясный вѣрный взглядъ на военное дѣло, его смѣлость и непоколебимое мужество, его открытое, но полное достоинства, обращеніе съ сослуживцами внушали мнѣ восхищеніе. Онъ былъ авторомъ письма (приведеннаго мною въ одной изъ предыдущихъ главъ) нашему полковнику во время атаки Тайпошана, и онъ же съ двумя ротами ворвался тогда на непріятельскую позицію и тѣмъ расчистилъ дорогу остальнымъ частямъ. Я не встрѣчался съ нимъ съ того памятнаго дня и теперь, увидавъ его такого спокойнаго и мужественнаго, я проникся къ нему такимъ искреннимъ чувствомъ уваженія, скажу даже благоговѣнія, что невольно назвалъ его по имени и низко ему поклонился. Онъ посмотрѣлъ на

меня ободряющимъ взглядомъ и сказалъ: „Высоко держите знамя нашего полка“... Я былъ растроганъ и взволнованъ этой встрѣчей, но разговаривать было некогда и скоро мы потеряли другъ друга изъ вида.

Въ это время русскіе, отступая, оставили свою послѣднюю позицію близъ Лунг-ти и отошли по направленію къ Таку-шану, и мы стали ихъ преслѣдовать. Пріятно преслѣдовать отступающаго врага и видѣть, какъ онъ падаетъ подъ нашими выстрѣлами, словно осенніе листья отъ порыва вѣтра. Обыкновенно, это случается лишь послѣ упорной борьбы, но на этотъ разъ мы потеряли не болѣе 30 человѣкъ въ теченіе всего дня. Мы, понятно, не могли себѣ представить, что почти безъ усилій и борьбы получимъ удовольствіе такой интересной охоты!

Въ полдень этого же дня мы овладѣли всей позиціей, и наша линія простиралась теперь отъ высотъ Ту-шенг-тсу съ сѣвера до восточнаго хребта Таку-шана къ югу. Съ радостью и гордостью стояли мы на занятой нами возвышенной позиціи, осматривая въ полевые бинокли открывшуюся передъ нами панораму. Отсюда впервые мы увидѣли неприступныя укрѣпленія Портъ-Артура. Начинаясь отъ Кикуан-шана, на сѣверъ тянулось, насколько могъ видѣть глазъ, сплошная цѣпь фортовъ, траншей и укрѣпленій; на вершинахъ виднѣлись огромныя чудовища, поднявшія свои головы, словно львы или тигры, готовые сдѣлать отчаянный прыжокъ, чтобы поразить жертву,—то были русскія тяжелыя орудія. Повсюду по склонамъ горъ были протянуты

въ нѣсколько рядовъ проволочныя загражденія. Непріятельскіе часовые или, какъ мы ихъ называли, „дальнозоркіе развѣдчики“, виднѣлись на возвышенныхъ пунктахъ. Группы въ 20—30 солдатъ были заняты вбиваніемъ кольевъ для проволочныхъ заграждeній. Передъ нами была сцена, на которую было обращено вниманіе всего міра и которую мы, дѣйствующія лица, не могли забыть даже во снѣ.

Какъ рады были бы наши товарищи, павшіе въ предыдущихъ бояхъ со словами: „Портъ-Артуръ или отмщеніе“,—если бъ они могли взглянуть на растилающуюся передъ нами панораму! Съ этого дня мы расположились вблизи Лунг-ту и принялись возводить сильныя укрѣпленія по линіи Кейташанскихъ высотъ, имѣя въ виду прежде всего овладѣть Таку-шаномъ и Сіа-окушаномъ, *) лежащими передъ русскимъ правымъ флангомъ, а затѣмъ, опираясь на нихъ, повести атаку на главную оборонительную линію русскихъ.

Здѣсь необходимо разсказать о радостномъ для нашей арміи событіи: Г. фельдмаршалъ главнокомандующій переслалъ намъ, т. е. нашей арміи, слѣдующій рескриптъ Его Императорскаго Величества; „Узнавъ о доблестныхъ подвигахъ нашей славной арміи при атакѣ и взятіи русскихъ передовыхъ позицій, а также о выдержанныхъ ею въ теченіе нѣсколькихъ дней упорныхъ бояхъ, результатомъ которыхъ было оттѣсненіе противника на его главную оборонительную линію, объявляемъ

*) Сяогушань.

Примѣчаніе переводч.

доблестнымъ войскамъ нашу благодарность и благоволеніе“.

Командующій арміей отвѣтилъ на эти высокомилостивыя слова слѣдующее:„ Глубоко тронутые и осчастливленные милостивымъ рескриптомъ Вашего Императорскаго Величества, мы, вѣрноподданные, не пожалѣемъ ни силъ, ни трудовъ, ни жизни для достиженія надъ врагомъ полной побѣды“.

Ея Величество Императрица также осчастливила насъ такимъ рескриптомъ: „Ея Величество освѣдомлена, съ какой отвагой и неустрашимостью сражались славныя японскія войска и какихъ успѣховъ достигли они послѣ цѣлаго ряда жестокихъ, но славныхъ боевъ. Глубоко тронута самоотверженіемъ и храбростью арміи“. Командующій арміей имѣлъ счастье отвѣтить и на этотъ рескриптъ. Милостивыя слова Ихъ Величествъ такъ глубоко запечатлѣлись въ нашихъ сердцахъ, что намъ казалось, что мы ихъ не заслужили. Мы жаждали отличиться еще больше и доказать, что достойны великой Ихъ любви и милости.

Рескрипты Ихъ Императорскихъ Величествъ воодушевили всю армію. Что значили для насъ отвѣсныя горы, неприступные форты, храбрый противникъ, ихъ обороняющій. Все это должно было пасть подъ нашими ударами во славу Ихъ Величествъ.

ГЛАВА XXI.

Штурмъ Таку-шана *).

На морскомъ берегу къ востоку отъ Портъ-Артура, высоко возвышаясь надъ окрестностью, находится суровая гора съ почти отвѣсными склонами, кое-гдѣ поросшими карликовой сосной. Въ цѣломъ издали она имѣетъ видъ стараго тигра, залегшаго на скалѣ. Это Таку-шанъ или Большая Сирота. Южнѣе, на противоположной сторонѣ, у подножія Лаолют-су лежитъ Сіаоку-шанъ или Малая Сирота. Таку-шанъ стоитъ одиноко, онъ имѣетъ почти 188 метровъ высоты. Все размѣщеніе нашихъ войскъ, ихъ передвиженія, расположеніе нашей артиллеріи были ясно видны съ Таку-шана; обращенный къ намъ склонъ былъ особенно крутъ и скалистъ и почти столь же неприступенъ, какъ Кензанъ и Тайпо-шанъ. Хотя русскіе и могли съ этихъ обѣихъ высотъ наблюдать за нашей позиціей, но держаться на нихъ подъ огнемъ артиллеріи было трудно. Нашъ дивизіонный генералъ выразился о нихъ такъ: „Большую и Малую Сироту можно сравнить съ мясомъ подъ дужкой

*) Штурмъ горы Дагушань. Примѣчаніе переводч.

цыпленка,—трудно его достать и жаль оставить. Пока эти высоты въ рукахъ непріятеля, мы знаемъ, что онъ можетъ видѣть насъ и обстрѣливать, а если мы отнимемъ ихъ, то сами сдѣлаемся мишенью для русскихъ“. Такую созданную самой природой позицію—взять весьма трудно, но еще труднѣе удержать, ибо, если мы и овладѣли бы ею путемъ жестокой борьбы, то неминуемо попали бы подъ огонь всѣхъ сосѣднихъ фортовъ. Въ виду этого, несмотря на единогласное рѣшеніе штаба, что позиція должна быть взята въ силу географическаго и стратегическаго ея положенія, мы тѣмъ не менѣе выжидали удобнаго случая, не выпуская пока ни одного снаряда, хотя русскіе частенько стрѣляли по насъ. Приготовленія къ атакѣ тѣмъ временемъ шли своимъ чередомъ.

7-ое августа было окончательно назначено для нашего выступленія и атаки. Наша полевая и осадная артиллерія была укрыто размѣщена въ намѣченныхъ пунктахъ. Въ 4 часа всѣ орудія разомъ открыли огонь по гребню обѣихъ Сиротъ.

Снова грохотъ пушекъ наполнилъ окрестность, снова черный дымъ окуталъ горы, и не только орудія съ двухъ Сиротъ, но и съ Панлунга, Кикуан-шана и Ляолит-су *), разомъ откликнулись на нашъ вызовъ. Все пространство, обнимаемое глазомъ, потемнѣло отъ дыма, а страшный громъ орудій, казалось, угрожалъ самому небу. Всякій разъ когда нашъ снарядъ

---

*) Форты I, II и III и батарея лит. Б.

Примѣчаніе переводч.

ударялся въ скалистый гребень Таку-шана, отъ него отскакивали свѣтло-желтыя искры, разсыпаясь во всѣ стороны... красивое было зрѣлище.

Непріятельская артиллерія превосходила нашу силою орудій и притомъ имѣла преимущество командующаго положенія, а наши орудія, стрѣляя снизу вверхъ, находились въ худшихъ условіяхъ. Но, видимо, русскимъ не было извѣстно, что наши пушки и мортиры были размѣщены, главнымъ образомъ, въ долинѣ, такъ какъ они сосредоточили весь свой огонь на нашихъ орудіяхъ, стоявшихъ на высотахъ, и на нашей пѣхотѣ. Такимъ образомъ наши крупныя орудія не получили ни малѣйшаго поврежденія; къ вечеру русскія орудія стали смолкать. Въ 4 часа дня нашъ полкъ выступилъ съ занимаемаго имъ пункта и направился къ Таку-шану съ цѣлью перейти рѣчку Тахе и начать атаку, какъ только артиллерія своимъ непрерывнымъ огнемъ дастъ намъ къ тому возможность. Прежде, чѣмъ приступить къ описанію этого боя, я хотѣлъ бы разсказать, что дѣлалъ и думалъ въ предшествующіе дни. Полагаю, что такія мысли и чувства присущи всѣмъ, готовящимся къ рѣшительной битвѣ, и доказываютъ свойственную даже и солдату человѣческую слабость.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, истекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ я впервые вступилъ на Ліаотунгскій полуостровъ, я все время состоялъ при знамени нашего полка, олицетворявшемъ особу Его Величества. Эту почетную обязанность я благополучно выполнилъ во всѣхъ трехъ сраженіяхъ при Кензанѣ, Тайпошанѣ и Кейта-шанѣ. Счастье меня не покидало и

до сихъ поръ я не получилъ даже царапины, тогда какъ много достойныхъ офицеровъ было убито съ знаменемъ въ рукахъ. Разъ случилось даже, что снарядъ оторвалъ часть знамени, которое я держалъ, и я все-таки остался невредимъ, въ то время какъ рядомъ стоявшій солдатъ былъ убитъ наповалъ. Тѣмъ не менѣе слухъ о моей смерти былъ пущенъ досужими языками и дошелъ даже до моей семьи, а въ газетахъ появился ложный разсказъ о томъ, какъ я былъ раненъ; мнѣ передавали объ этомъ еще во время пребыванія моего въ дѣйствующей арміи. Одна газета сообщала, что во время высадки нашей съ судовъ, штормъ былъ такъ силенъ, что опрокинулъ баркасъ, на которомъ я находился, и хотя я, держа во рту древко знамени, проплылъ еще нѣсколько саженъ, но въ концѣ концовъ все-таки былъ поглощенъ волнами. По другой версіи—я былъ убитъ вмѣстѣ съ капитаномъ нашей первой роты, вскорѣ послѣ высадки на берегъ; всѣ эти лживыя розсказни создали мнѣ репутацію героя и мнѣ часто приходилось слышать самому разныя подробности о не совершенныхъ мною подвигахъ и яко бы полученныхъ мною ранахъ. А такъ какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, то мнѣ было очень совѣстно передъ товарищами быть объектомъ незаслуженной славы. Это сознаніе было для меня столь мучительно, что я рѣшилъ показать себя и драться на смерть въ предстоящей атакѣ Таку-шана. За нѣсколько дней до нея, я позвалъ своего денщика, поблагодарилъ его за службу и заботливость обо мнѣ, а такъ какъ я не имѣлъ ничего, чтобы оставить ему

на память, то просилъ сохранить лишь воспоминаніе о моей смерти. На это вѣрный денщикъ мой со слезами на глазахъ отвѣтилъ, что желаетъ умереть со мною. Я сказалъ ему, что приготовлю ящичекъ для золы отъ моихъ костей, но если судьба пошлетъ мнѣ счастье умереть такъ, что и костей моихъ не собрать, то пусть онъ пошлетъ моимъ родителямъ мои волосы на память. Затѣмъ я сдѣлалъ изъ дощечекъ, которыми перекладываютъ снаряды, небольшой довольно неуклюжій ящичекъ и съ помощью денщика скрѣпилъ его бамбуковыми гвоздями. Въ ящикъ я положилъ нѣсколько листовъ бумаги, чтобъ завернуть туда золу и прядь моихъ волосъ. На крышкѣ ящика я написалъ свое настоящее, а также и загробное Буддійское имя. Покончивъ со всѣми приготовленіями къ смерти, мнѣ оставалось только ждать того случая и часа, когда судьбѣ угодно будетъ взять мою жизнь, какъ дань любви и благодарности нашему Императору. Но... въ концѣ концовъ, мой ящичекъ не исполнилъ своего назначенія—хранить мои останки, а мои торжественные сборы въ иную жизнь теперь частенько служатъ предметомъ шутокъ для моихъ товарищей.

Въ тотъ же вечеръ я написалъ письмо старшему своему брату въ Токіо; въ немъ, описавъ всѣ перипетіи сраженій послѣдняго времени, я писалъ, „что назавтра назначена рѣшительная атака Таку-шана, что я рѣшился, сражаясь, умереть, что хотя мое тѣло и останется гдѣ-либо около Портъ-Артура, но духъ мой не забудетъ долга своего передъ Императоромъ въ теченіе еще семи жизней“... Это письмо было

моимъ прощальнымъ привѣтомъ брату. Въ этотъ же день я получилъ отъ него письмо, гдѣ между прочимъ былъ слѣдующій совѣтъ:

„Думай не о заслугахъ своихъ и славѣ, но прежде всего будь вѣренъ долгу. Умирая славной смертью въ морскомъ сраженіи подъ Трафальгаромъ, адмиралъ Нельсонъ промолвилъ: „Слава Богу, я исполнилъ свой долгъ“.

Это письмо, полученное наканунѣ атаки, еще болѣе укрѣпило меня въ моемъ рѣшеніи.

Въ 5 час. дня 7-го августа вдругъ темныя тучи заволокли небо, пошелъ проливной дождь и сильные раскаты грома перемѣшивались съ отдаленными выстрѣлами. Мы занимали возвышенный берегъ рѣки Тахе, нетерпѣливо ожидая приказа „наступать“. Дождь лилъ все сильнѣе, а небо становилось темнѣе. Русскіе прожекторы освѣщали то горы, то долину; иногда ихъ лучи освѣщали нашу пѣхоту, затрудняя ея движеніе. Огонь непріятельскихъ орудій усиливался, словно соперничая съ ударами грома. Я стоялъ съ поручикомъ Гаяши, укрываясь однимъ плащемъ и изрѣдка обмѣниваясь словами.

„Каждая минута можетъ разлучить насъ навсегда“,—проговорилъ Гаяши, вѣроятно, тоже думавшій о смерти.

„Я рѣшился умереть сегодня“,—отвѣтилъ я.

„Не мало мы съ вами пережили“,—сказалъ онъ, но продолжать разговора мы не могли: пришлось разстаться... Мы были съ нимъ товарищами по полку, а раньше еще однокашниками въ училищѣ. Поручикъ Гаяши былъ весьма смѣлый и энергичный офицеръ;

въ сраженіи при Тайпо-шанѣ онъ первый съ саблей наголо забрался въ непріятельскій окопъ, увлекая за собою остальныхъ. Наше спѣшное прощанье было дѣйствительно послѣднимъ...

Какъ уже было сказано, наша артиллерія лишь къ вечеру начала брать верхъ надъ непріятельской и дала возможность нашему отряду перейти въ наступленіе, какъ было предположено. Не перестающій дождь превратилъ нашъ узкій путь въ грязную канаву, по которой мы съ трудомъ двигались по колѣна въ водѣ и грязи.

Смолкнувшая было непріятельская батарея на Таку-шанѣ снова открыла и направила на насъ свой огонь, какъ только замѣтила сквозь дымъ и дождь наше приближеніе. Подойдя къ рѣчкѣ, мы увидѣли, что она сильно поднялась отъ дождя и вышла изъ береговъ, но не знали, насколько она глубока. Непріятель воспользовался ливнемъ и, запрудивъ рѣчку, хотѣлъ разливомъ ея затруднить и пріостановить наше движеніе *). Какъ ни были мы отважны, но не рѣшались входить въ воду: утонуть въ грязной рѣченкѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ укрѣпленія, гдѣ мы рѣшились умереть отъ пули, было бы постыдно. Вдругъ одинъ смѣльчакъ изъ нашего отряда бросился въ воду и, подплывъ къ запрудѣ, уничтожилъ ее. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ вода убыла настолько, что пѣхота могла перейти рѣчку въ бродъ. Весь отрядъ началъ переправляться и хотя никто не утонулъ, но такое

---

*) Запруды мы не устраивали.

Примѣчаніе переводч.

множество людей было убито во время этой переправы, что тѣла ихъ образовали нѣчто въ родѣ моста.

Наконецъ, мы добрались до подошвы Таку-шана; тутъ намъ предстояло разрывать и разрушать проволочныя загражденія, рискуя каждую минуту нарваться на заложенныя русскими мины. Миновала одна опасность, явилась другая. Но не время было разсуждать и колебаться. Полная темень и непрерывный дождь увеличивали наши затрудненія. Мы совсѣмъ продрогли отъ промочившаго насъ насквозь дождя, не имѣя возможности быстрымъ движеніемъ впередъ хоть немного отогрѣться. А непріятель сверху сыпалъ на наши головы снаряды и пули, камни и шрапнель, почти не давая возможности двинуться впередъ. Тѣмъ временемъ сосѣдній отрядъ подошелъ совсѣмъ близко къ траншеямъ, устроеннымъ въ формѣ подковы на полусклонѣ горы, а нашъ отрядъ старался занять ея боковые выступы и продержаться тамъ до ночи, когда предполагалось произвести атаку. Но русскіе, благодаря прожекторамъ, всюду открывали насъ, и намѣреніе это было на этотъ разъ оставлено. Рѣшено было ждать разсвѣта... а до тѣхъ поръ пришлось сидѣть и мокнуть подъ не прекращающимся дождемъ.

Побѣлѣлъ востокъ, но дождь не прекращался. Трупы нашихъ товарищей валялись вдоль мелкой теперь рѣчки Тахе, но убрать ихъ не было возможности. Нельзя было также послать ординарца на ту сторону рѣчки, такъ какъ этотъ путь лежалъ на виду у непріятеля и всѣ пытавшіеся пройти туда поголовно были перебиты. Ужасное зрѣлище и

обидныя промедленіе и неудача. Никто не могъ сказать что-либо опредѣленное и мы совершенно не знали, когда, гдѣ именно и какъ начнемъ атаковать русскихъ. Сержантъ Ино, которому прострѣлили животъ, лежалъ у подошвы горы въ предсмертныхъ мукахъ и молилъ каждаго проходящаго пристрѣлить его и прекратить страданія, но мы не могли ни помочь, ни подойти къ товарищу. Врагъ былъ передъ нами вблизи, но броситься на него мы не могли, а этимъ только и были заняты наши мысли. Въ довершеніе нашего отчаянія непріятельскій флотъ изъ 11 судовъ, въ числѣ коихъ былъ и „Новикъ“, показался вблизи Іенчанга и началъ бомбардировать нашу пѣхоту, высланную къ Таку и къ Сіаоку-шану изъ тыла. Намъ негдѣ и нечѣмъ было укрыться; исполняя роль мишени для орудій, казалось, что мы погибнемъ всѣ... Мы были дѣйствительно въ отчаянномъ положеніи: пока сторожили тигра у однихъ воротъ, въ другія входилъ волкъ...

Но какъ же случилось, что мы все-таки взяли Таку-шанъ?..

ГЛАВА XXII.

Знамя Восходящаго Солнца на Таку-шанѣ.

Густой пороховой дымъ застилалъ всю долину, поднимаясь кверху по склонамъ горъ, а потоки дождя лились съ такой силой, какъ будто мрачныя тучи съ досадой и яростью выбрасывали ихъ. Надъ нами высился и уходилъ въ небо мрачный Таку-шанъ; склоны его были такъ круты и неровны, что даже обезьянѣ нелегко было бы взобраться на него; расщелины, каменныя глыбы, острые выступы, глубокія трещины покрывали ихъ. А съ вершины, гордый своей недосягаемостью, грозилъ намъ русскій орелъ. Теперь вся наша артиллерія, вся до послѣдняго орудія, сосредоточила огонь по Таку-шану. Въ отвѣтъ на нашу пальбу, высовывали къ нашему фронту свои огненные языки русскія орудія крупнаго калибра, а стоящіе вблизи крейсера собирались разгромить насъ съ тылу. Не легко было намъ преодолѣть и естественную защиту, и прочныя укрѣпленія русскихъ. Но если бъ намъ не удалось взять эту позицію, то не только вся на-

ша армія была бы задержана въ своемъ наступательномъ движеніи, но не было бы у насъ и опорнаго пункта для штурма Портъ-Артура. Отсюда и безусловная необходимость взять Таку-шанъ какой бы то ни было цѣной. Всю эту ночь нашъ полкъ провелъ на склонѣ горы подъ выстрѣлами и дождемъ. Но въ три часа утра явилась совершенно неожиданно возможность начать атаку; наши осадныя орудія такъ упорно и удачно бомбардировали русскіе крейсера, что послѣдніе удалились и тѣмъ облегчили намъ свободу дѣйствій. Увидавъ исчезновеніе русскихъ судовъ, начальникъ бригады отдалъ слѣдующій приказъ: „Лѣвому крылу штурмовать Таку-шанъ, а вашему полку въ связи съ нимъ одновременно атаковать сѣверный его склонъ“. Въ то же время командующій лѣвымъ крыломъ писалъ нашему полковнику въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Сейчасъ идемъ и будемъ штурмовать Таку-шанъ, не обращая вниманія ни на какія потери. Надѣюсь, что вашъ полкъ, стремясь къ той же цѣли, вмѣстѣ съ нами займетъ эту твердыню“.

Тотчасъ послѣ этого оба крыла одновременно двинулись впередъ. Мы не обращали вниманія ни на ярость „князя ада“, ни на крутизну, ни на сильный огонь орудій, но наступали, атаковали и дрались словно разъяренные боги.

Людскіе вопли и стоны, трескъ и грохотъ орудій, блескъ штыковъ и сабель, столбы дыма, потоки крови, рукопашный бой,—все смѣшалось въ безумной схваткѣ. Русскіе сдвигали и сбрасывали съ вершины цѣлыя глыбы камня, и онѣ, скатываясь, увле-

кали за собой людей и давили ихъ. Вопли ужаса и боли придавали битвѣ адскій характеръ. Тяжелыя орудія на Кикуан-шанѣ и Ерлунг-шанѣ такъ хорошо пристрѣлялись, что ихъ снаряды попадали какъ разъ въ самую вершину Таку-шана, гдѣ и разрывались, тогда какъ огненные снопы шрапнелей длинными блестящими бороздами перерѣзывали небо во всѣхъ направленіяхъ. Вдругъ громкое „банзай“ раздалось одновременно и съ вершины горы, и съ ея подножія... Что это значитъ? Что случилось? Не ошибаемся ли мы... какъ будто нашъ флагъ развѣвается наверху... да, это наше Восходящее Солнце. Таку-шанъ взятъ.

Да, Таку-шанъ, окутанный сѣрымъ покровомъ дыма, былъ нашъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обрушились на насъ шрапнелью и гранатами всѣ непріятельскіе форты. Огромныя гранаты, величиной съ боченокъ *) для воды, пролетали надъ нами, свистя какъ локомотивъ, и, разрываясь со страшнымъ шумомъ, онѣ производили странное явленіе: гдѣ подымался бѣлый дымокъ, тамъ виденъ былъ оригинальный мерцающій свѣтъ, а гдѣ клубился черный дымъ, тамъ трескались скалы. Отъ этихъ губительныхъ снарядовъ, казалось, вздрагивали нѣдра земли и тѣла зарытыхъ въ ней дробились на части. Наше положеніе было еще далеко небезопасно. Хотя мы и заняли позицію, но нелегко было удержать ее. Если бы русскіе рѣши-

---

*) Въ такихъ глиняныхъ боченкахъ или резервуарахъ держатъ японцы воду въ кухнѣ. Они бываютъ разныхъ размѣровъ, но и самые небольшіе содержатъ нѣсколько галлоновъ воды.

лись на контръ-атаку, что было весьма вѣроятно, мы не смогли бы задержать ихъ... Едва мы высовывали голову, чтобы посмотрѣть между выступами скалы и изъ-за угла утеса на занятыя русскими укрѣпленія, немедленно летѣли въ насъ снаряды или пули. Мы не могли сдѣлать ни шагу. Одинъ солдатъ, который стоялъ около 6 полевыхъ орудій, взятыхъ на вершинѣ горы, былъ прямо растерзанъ на куски мѣтко направленной гранатой. Кусокъ его мяса, перелетѣлъ черезъ наши головы и прилипъ къ скалѣ позади насъ — вотъ все, что отъ него осталось. Другой снарядъ упалъ около группы солдатъ и 26 человѣкъ разлетѣлись въ прахъ, а отвалившаяся отъ того же удара каменная глыба придавила на смерть еще троихъ.

Поручикъ Куніо-Сегава получилъ въ этотъ же день сквозную рану въ животъ; къ вечеру ему стало такъ худо, что каждую минуту ждали его смерти. Его денщикъ и товарищи ухаживали за нимъ; какъ разъ случилось, что пришелъ къ намъ старшій его братъ, капитанъ Сегава, ничего не знавшій о ранѣ брата. Ему разсказали происшедшее и предложили подать прощальный глотокъ воды умирающему. Капитанъ подошелъ къ брату и назвалъ его по имени: „Куніо“. Услышавъ родной голосъ, раненый заволновался, широко открылъ глаза, какъ бы желая хорошенько всмотрѣться въ брата передъ концомъ, и, сжимая его руку, глубоко вздыхалъ, не имѣя силъ говорить: „Дорогой Куніо, ты дрался честно. Хочешь сказать мнѣ что-либо?“—проговорилъ старшій братъ, обтирая его лицо и смачивая запекшіяся губы. „Доб-

рый старшій братъ!“—прошепталъ Куніо. Это были его послѣднія слова и вскорѣ онъ скончался. Тяжело было видѣть горе его брата,—присутствующіе не могли удержаться отъ слезъ, жалѣя ихъ обоихъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ смерти брата, въ сраженіи 24 августа, капитанъ былъ убитъ и соединился съ братомъ тамъ, гдѣ разлуки не бываетъ.

Потеря Таку-шана, этого краеугольнаго камня главной цѣпи укрѣпленій, была очень тяжела для русскихъ и требовала отмщенія. Какъ мы и ожидали, они неоднократно производили контръ-атаки Таку-шана, надѣясь вернуть его себѣ, но всѣ эти попытки были нами отбиты, что приводило ихъ въ отчаяніе.

Спустя нѣсколько дней послѣ взятія нами Таку-шана, раннимъ утромъ, нашъ часовой, стоявшій на посту на вершинѣ горы, былъ неожиданно убитъ подкравшимся развѣдчикомъ. Наша вторая рота, выбѣжала тотчасъ же на выстрѣлъ; добравшись до верху, японцы увидали шагахъ въ 15 ниже нѣсколько русскихъ офицеровъ и человѣкъ 70 солдатъ, стремительно бѣжавшихъ къ вершинѣ. Не теряя ни минуты, японцы дали ружейный залпъ; непріятель, видимо, не ожидавшій такой встрѣчи, опѣшилъ и, повернувъ назадъ, быстро сталъ спускаться съ горы. Конечно, мы не упустили такого удобнаго случая и пристрѣлили ихъ всѣхъ до единаго. Ихъ трупы черными пятнами остались на склонѣ горы. Оказалось, что подъ горой, тамъ, гдѣ расходится дорога на Сіаоку-шанъ и на Таку-шанъ, ожидалъ сильный отрядъ. Ихъ планъ былъ таковъ: были выслa-

ны 2 передовыхъ отряда съ приказаніемъ атаковать эти высоты, а внизу, на мѣстѣ раздвоенія дороги, стоялъ болѣе сильный отрядъ, готовый итти на помощь, въ зависимости отъ обстановки *).

Такая неопредѣленная тактика на войнѣ никуда не годится, но упорство русской обороны удивляло насъ. Потеря одной части позиціи, обыкновенно, ставитъ въ безвыходное положеніе ея защитниковъ и они принуждены или отступить или погибнуть. Вотъ въ такихъ случаяхъ русскіе всегда продолжали держаться на мѣстѣ и стрѣлять и гибли подъ нашими ударами. Даже, если останется одинъ солдатъ, и тотъ будетъ стрѣлять, пока его не обезоружатъ. Мы наблюдали это часто въ бояхъ и въ схваткахъ на Кензанѣ, Тайпо-шанѣ и Таку-шанѣ. Мнѣ разсказывали, что послѣ сраженія при Наньшанѣ, когда уже все успокоилось и враги удалились, вдругъ раздались выстрѣлы; кто стрѣлялъ, откуда,—никто не могъ понять. Послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, отыскали спрятавшагося въ кухнѣ солдата, который не прекращалъ огня, пока у него оставались патроны. Онъ убилъ болѣе 10 человѣкъ. Когда намъ случалось взять въ плѣнъ русскаго, мы спрашивали, зачѣмъ они продолжаютъ обороняться, когда видятъ, что исхода все равно нѣтъ, и обыкновенно получали отвѣтъ: „Долженъ стрѣлять, такъ приказано“. — Мы всегда слыхали о безусловномъ слѣпомъ повиновеніи русскаго солдата своему начальству и теперь во время враждебныхъ дѣйствій

*) Такого плана не было.

Примѣчаніе переводч.

убѣдились въ этомъ на опытѣ. Однако этотъ духъ безсловеснаго повиновенія русскихъ солдатъ своему начальству по существу не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ покровительственнымъ добродушіемъ, съ одной стороны, и сердечной привязанностью и искренней почтительностью—съ другой, которыя присущи всѣмъ чинамъ нашей арміи. Одинъ англійскій офицеръ, состоявшій при японской арміи, провелъ съ нею нѣсколько мѣсяцевъ въ Манчжуріи. Передавая позднѣе свои наблюденія, онъ говорилъ, что былъ пораженъ и восхищенъ существующими между офицерами и нижними чинами отношеніями; такой простоты, сердечности и уваженія онъ нигдѣ не встрѣчалъ, считаетъ это весьма симпатичной чертой японцевъ и сознается, что въ этомъ съ ними не сравнится ни одна армія въ мірѣ. Намъ кажется, что сила нашей арміи кроется именно въ этихъ психологическихъ условіяхъ.

Но отдавая должное и нашему врагу, слѣдуетъ сказать, что его самоотверженное и упорное мужество всегда насъ восхищало.

Во время осады Портъ-Артура, когда провіантъ и боевые запасы приходили къ концу, люди гибли тысячами; ихъ положеніе можно сравнить со свѣчей, стоящей на сквозномъ вѣтру,—и все-таки они стойко переносили всѣ ужасы осады и съ собачьей покорностью исполняли свой долгъ. По такимъ поступкамъ и свойствамъ русскаго солдата можно судить о той дисциплинѣ, которая царитъ въ ихъ рядахъ. Вотъ, что написано въ одномъ изъ номеровъ русскаго „Военнаго сборника“: „Лавры побѣды добы-

ваются штыкомъ и военной удалью. Если кто разстрѣляетъ свои заряды, пусть бьетъ врага прикладомъ ружья; если изломаетъ ружье, пусть рветъ его зубами *).

Да, русскіе упорно сопротивляются, но подчасъ они слишкомъ дорожатъ своей жизнью. „Лучше жить черепицей, чѣмъ умирать алмазомъ“, думаютъ нѣкоторые изъ нихъ; японцы говорятъ иначе: „Лучше почетная смерть, чѣмъ безславная жизнь“. Говорятъ, что одинъ русскій плѣнный высказывалъ слѣдующее: „У меня дома осталась жена, она очень горюетъ обо мнѣ. Офицеры говорили намъ, что японецъ хрупкій, какъ глина, а выходитъ, что они дерутся, какъ черти. Чѣмъ мнѣ драться съ ними—лучше поберечь себя, а то жена съ ума сойдетъ отъ горя... Чего же лѣзть на нихъ, когда все равно убьютъ“. Какая непроходимая пропасть между этими словами и девизомъ японскаго воина—„почетнѣе смерть, чѣмъ безславная жизнь“.

Мы продолжали укрѣпляться и отстрѣливаться, словомъ, отстаивать Таку-шанъ. Къ счастью, намъ это удалось... непріятель вдругъ измѣнилъ тактику. Русскіе не повторяли болѣе контръ-атакъ, а принялись еще энергичнѣе укрѣплять и безъ того уже сильные форты на своей главной оборонительной линіи, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ разрушить наши укрѣпленія, обстрѣливая ихъ почти безпрерывно орудіями большого калибра.

---

*) Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду Драгомировскую памятку. Примѣчаніе переводч.

Мы, съ своей стороны, укрѣпляли Таку-шанъ, преимущественно склонъ его, обращенный въ сторону непріятеля, свозили камни для устройства платформъ подъ тяжелыя орудія и постоянно высылали развѣдчиковъ для осмотра русскихъ работъ по заложенію минъ и устройству проволочныхъ заграждений; они должны были опредѣлить также, насколько будетъ безопасенъ отъ русскаго огня путь, по которому мы предполагали начать наступленіе.

Покончивъ со всѣми приготовленіями и обсужденіями пункта и условій предполагаемаго штурма, рѣшили назначить его на 19 августа и атаковать непріятеля всѣми имѣющимися подъ рукою силами; нашему полку велѣно было начать атаку восточнаго Кикуана. Такъ какъ отъ этого перваго генеральнаго штурма ожидали рѣшенія судьбы Портъ-Артура, то онъ былъ подготовленъ съ особенною предусмотрительностью: все было предусмотрѣно, записано и подсчитано, и мельчайшія детали мѣстности и укрѣпленій нанесены на карты.

ГЛАВА XXIII.

Производство и переводъ.

Мы всѣ—какъ уже говорилось—покидали Японію съ твердой рѣшимостью „превратиться въ прахъ во славу Императора“ со словами: „Я тутъ и готовъ умереть“.

Мы такъ нетерпѣливо ждали случая свершить обѣщанное... но пришлось ждать и не мало... Прошло уже больше ста дней съ тѣхъ поръ, какъ мы отплыли изъ Японіи. Тысячи разнообразныхъ цвѣтовъ благоухали на родинѣ на родныхъ поляхъ, а весенній вѣтерокъ, загнавшій насъ въ далекую страну, тамъ у насъ—нѣжно лобызалъ утреннюю зарю... Но времена перемѣнчивы и вотъ мы здѣсь на чужбинѣ сидимъ подъ зелеными листьями деревьевъ... Засыпая ночью безъ изголовья, днемъ укрываясь отъ летающихъ пуль, мы всегда помнимъ нашъ обѣтъ—за оказанныя намъ Императоромъ довѣріе и милости отдать ему нашу жизнь... Но нашъ часъ еще не пробилъ, тысячи нашихъ товарищей погибли, не дождавшись радостнаго дня побѣды; ихъ души, конечно, не могутъ утѣшиться и обрѣсть себѣ вѣч-

наго покоя. Намъ такъ хотѣлось отмстить за нихъ, но случай еще не представлялся. Мы, пережившіе ихъ, подчасъ задыхались въ атмосферѣ разлагающихся труповъ. Наше тѣло исхудало, и кости какъ будто сдѣлались тоньше. Мы были словно привидѣнія съ пылкими страстями въ тщедушномъ тѣлѣ... но все же мы были отпрыски настоящаго воинскаго дерева Ямато! Какъ же могло случиться, что мы выдержали одну, двѣ, три даже четыре битвы и не были развѣяны какъ вишневый цвѣтъ? Я былъ увѣренъ, что умру при атакѣ Таку-шана, а между тѣмъ сколько тамъ было убито, а я живъ. Неужто и теперь во время штурма меня минуетъ счастье отдать свою ничтожную жизнь за любимую родину? Въ такомъ настроеніи я нетерпѣливо ждалъ боя...

Въ первыхъ числахъ августа я былъ произведенъ въ старшіе поручики, но узналъ объ этомъ только передъ штурмомъ. Полковникъ Аоки позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Поздравляю васъ съ повышеніемъ. Вы съ самаго вашего прибытія берегли знамя нашего полка; эта обязанность теперь съ васъ снимается, но продолжайте служить также усердно,— завтра генеральный штурмъ, не жалѣйте себя. Я долго прожилъ съ вами вмѣстѣ, жалѣю, что намъ приходится разлучаться. Прощайте, желаю вамъ успѣха“.

Да, я не только ѣлъ и спалъ, я и сражался всегда около моего любимаго начальника. На ночлегахъ, часто не защищенныхъ отъ дождя или росы, онъ всегда уступалъ мнѣ половину своей цыновки, чтобы мнѣ было удобнѣе спать. Даже свою скудную

пищу онъ всегда дѣлилъ со мною и дѣлалъ это такъ ласково, такъ добродушно, точно я былъ ему роднымъ. Я всегда боялся, чтобы полковникъ, привыкшій спать на теплой удобной постели дома, не простудился и не схватилъ какой-нибудь болѣзни, проводя ночи на мѣшкѣ, набитомъ травой. Распоряжаясь судьбой и жизнью трехъ тысячъ человѣкъ, нашъ полковникъ долженъ былъ быть здоровъ и бодръ, такъ какъ его здоровье и расположеніе духа всегда сильно вліяли на солдатъ. Находясь постоянно около него, я старался, сколько могъ, устранить всѣ неудобства, неизбѣжныя въ походной жизни. Нѣсколько времени тому назадъ, когда мы стояли въ Чанг-чіа-тунѣ, мнѣ удалось согрѣть воды въ количествѣ, достаточномъ для ванны. Приказавъ приготовить ванну, я пошелъ къ полковнику и предложилъ ему взять ее. Надо было видѣть его удовольствіе и благодарность, — отсутствіе горячей воды было однимъ изъ большихъ нашихъ лишеній. И вотъ теперь я долженъ былъ разстаться съ человѣкомъ, котораго любилъ и уважалъ, какъ отца. Положимъ, я оставался въ его полку, но мнѣ казалось, что я ухожу куда-то далеко, и я чувствовалъ, что слезы подступаютъ къ горлу, когда онъ такъ ласково со мною прощался. Кромѣ того, мнѣ жаль было разстаться и съ знаменемъ, такъ долго бывшимъ подъ моимъ попеченіемъ. Когда я посмотрѣлъ на это полинялое изодранное знамя, я невольно подумалъ, что изъ числа трехъ тысячъ людей, которые всюду шли за нимъ, я болѣе всѣхъ имѣлъ право считать себя самымъ вѣрнымъ его слугой.

Уходя изъ помѣщенія полковника, которое я столько времени дѣлилъ съ нимъ, я ничего не могъ сказать отъ душившаго меня волненія и видѣлъ, что и онъ сильно растроганъ. „Прощайте, г. полковникъ, я докажу вамъ, что умѣю сражаться“... проговорилъ я сквозь слезы и вышелъ изъ комнаты.—Затѣмъ я позвалъ своего денщика и сказалъ ему: „Я назначенъ въ роту, — ты не можешь болѣе служить у меня. Спасибо за старую службу и за заботу обо мнѣ, я этого никогда не забуду. Оставайся тѣмъ же храбрецомъ, какимъ ты и былъ“.

Бѣдный Бункичи Такао, мой денщикъ, горько расплакался и увѣрялъ, что не можетъ разстаться со мною. Но такъ какъ объ этомъ нечего было и думать, то я старался успокоить его, говоря, что каждый изъ насъ долженъ подчиняться распоряженіямъ начальства безпрекословно—это долгъ службы. Я напомнилъ ему, что буду беречь тотъ ящичекъ, который онъ помогъ мнѣ смастерить для золы отъ моихъ останковъ, прибавивъ, что теперь, навѣрное, онъ скоро пригодится.—Мнѣ самому было очень жаль потерять такого вѣрнаго и заботливаго слугу, но дѣлать было нечего. „Помни, что я обращался съ тобой, какъ съ братомъ“,—сказалъ я.—„Теперь мы разстаемся, но еще можемъ и встрѣтиться. Если придется умереть вмѣстѣ, будемъ и въ другой жизни вспоминать о томъ, что мы съ тобой здѣсь пережили!“

„Господинъ поручикъ! Какъ мнѣ благодарить васъ за то, что вы считали меня какъ бы своимъ младшимъ братомъ! Я никогда, никогда не забуду

вашей“... онъ не могъ продолжать... слезы не давали ему говорить. „Ну прощай... не забывай того, чему я училъ тебя“...—прибавилъ я и поторопился уйти, чтобъ скрыть свое волненіе... Я отправился къ мѣсту стоянки третьяго баталіона.

Простившись съ любимымъ полковникомъ, передавъ другому дорогое мнѣ знамя и потерявъ вѣрнаго денщика, я съ грустью покинулъ бивакъ и отправился побродить по окрестности, чтобы нѣсколько разсѣяться. Проходя по долинѣ между холмами, гдѣ умерло и погребено столько моихъ соратниковъ, я невольно размышлялъ объ измѣнчивости и непрочности всего земного... Вдругъ я вспомнилъ, что хотѣлъ повидать доктора Васуи и моего старшаго офицера капитана Матсуока. Я немедленно повернулъ назадъ и направился къ ущелью на сѣверной сторонѣ Таку-шана близъ его подошвы. Капитанъ Матсуока сидѣлъ одинъ въ своей палаткѣ и, повидимому, мнѣ обрадовался.—„Давно не видалъ васъ, какъ поживаете?“—„Благодарю васъ, прекрасно“,—отвѣтилъ я:—„я назначенъ старшимъ офицеромъ и причисленъ къ 3-му баталіону. Пришелъ сказать вамъ объ этомъ...“ — „Да?“ — какъ-то отрывисто проговорилъ капитанъ:—„такъ мы съ вами больше не увидимся на этомъ свѣтѣ!..“ Я сказалъ ему, что самъ тоже увѣренъ, что буду убитъ, и буду радъ, если намъ придется сражаться и умереть вмѣстѣ на вершинѣ Кикуана. Когда я поднялся, чтобъ уходить, капитанъ потрепалъ меня по плечу и спросилъ: „Что это вы съ собой несете?“—„Свой гробъ.“—„Вотъ какъ! Прекрасно, что позаботи-

лись“...—Съ этимъ я его оставилъ. Эта наша временная разлука скоро кончилась разлукой вѣчной.

Затѣмъ я отправился въ штабъ перваго баталіона, помѣщавшійся между утесами близъ Чучіа-туна, чтобы повидать доктора Васуи. Когда я подходилъ къ его жилищу, нѣсколько непріятельскихъ бомбъ упало какъ разъ почти передъ самой палаткой; за первыми снарядами послѣдовали другіе, но мы такъ къ нимъ привыкли и притерпѣлись, что не обращали почти никакого вниманія на ихъ шумъ и трескъ. Мнѣ передавали, что русскіе почему-то облюбовали именно эту позицію для своихъ залповъ. Здѣсь же я узналъ, что командиръ перваго баталіона былъ легко раненъ въ бою у Таку-шана. Когда я сказалъ доктору Ясуи о своемъ производствѣ, онъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что давно скучалъ, не имѣя извѣстій обо мнѣ, и желалъ меня видѣть, сожалѣя, что при близости нашихъ биваковъ мы такъ рѣдко видѣлись.—Я былъ очень тронутъ его дружескими словами и сказалъ ему, что дивлюсь, какъ мы еще живы оба; что я чувствую, что буду убитъ, и пришелъ съ нимъ проститься. Я также напомнилъ ему наше взаимное обѣщаніе, данное въ разрушенной фанзѣ въ Хван-и-шуанѣ: если одинъ будетъ убитъ, то оставшійся въ живыхъ пусть отрѣжетъ и сохранитъ на память кусокъ окровавленнаго мундира убитаго... Мы крѣпко пожали другъ другу руки, какъ будто прощались навсегда, и, пожелавъ одинъ другому всякаго успѣха, разошлись.—Съ грустью вышелъ я изъ его палатки, перешелъ чрезъ рѣку Тахе, взобрался по склону

горы, обращенному къ русской крѣпости, и направился въ штабъ, чтобы представиться бригадному командиру.

Какъ разъ передъ моимъ приходомъ, адъютантъ генерала былъ уволенъ по болѣзни и временно мнѣ было поручено исполнять его должность. Позднѣе меня послали командовать 12-ой ротой.

Вечеромъ наканунѣ 19-го, т. е. дня, назначеннаго для генеральнаго штурма, мнѣ подали два письма изъ Японіи, которые, какъ видно, долго пересылались изъ одного мѣста въ другое, прежде чѣмъ достигли своего назначенія: правильное почтовое сообщеніе съ нашими позиціями организовать было невозможно. Оба письма были отъ старшаго моего брата; къ одному было приложено вѣчное перо, а въ другомъ — фотографіи двухъ моихъ маленькихъ племянницъ 4-хъ и 3-хъ лѣтъ. Нѣжныя дѣтскія личики глядѣли на меня съ карточки такъ ласково, что я невольно поцѣловалъ ихъ!.. Дорогія дѣтки, если бы вы могли видѣть, какъ измѣнился и исхудалъ вашъ дядя, вы, пожалуй, не узнали бы его. Сколько дней и ночей я провелъ среди раненыхъ солдатъ, разлагающихся тѣлъ и раздробленныхъ костей. Даже тѣ поля и луга, по которымъ намъ случалось проходить, теряли свой веселый зеленый цвѣтъ и превращались въ пыль и грязь, обрызганныя кровью. Какую радость доставили вы мнѣ, дѣтки, своимъ привѣтомъ... вы не побоялись холодныхъ волнъ сердитаго моря, вы изъ нашей милой родины явились сюда, гдѣ въ воздухѣ стоитъ пушечный дымъ и льетъ постоянно

дождь... Дорогія мои, я не оставлю васъ, возьму съ собою завтра, когда пойду въ бой, и вы увидите, какъ вашъ дядя мститъ врагамъ.

На этотъ разъ дымъ разсѣялся, ночь была ясная, звѣздная, я положилъ подъ изголовье дѣтскія фотографіи и крѣпко заснулъ. Слова Нельсона невольно вспоминались мнѣ и я нѣсколько разъ въ умѣ повторялъ четверостишье, которое я написалъ и далъ отцу, уѣзжая изъ Японіи, и въ которомъ говорилось: „Семь разъ прожить тому—кто съ славою погибъ въ бою“... ...Неужто дѣйствительно пришелъ часъ, когда мои кости будутъ бѣлѣть въ пустынѣ, а духъ получитъ славу и право прожить семь жизней...

Одинъ изъ нашихъ капраловъ, приблизительно въ то же время обрѣзалъ свои ногти и волосы и отослалъ ихъ въ Японію матери и своимъ братьямъ со стихами и прощальнымъ письмомъ; онъ дѣйствительно былъ убитъ вскорѣ послѣ этого.—Вотъ содержаніе письма:

„Дважды посылали меня съ отчаянными удальцами, а у меня все еще цѣла голова на плечахъ. Плачу при воспоминаніи объ убитыхъ около меня товарищахъ. Изъ двухсотъ человѣкъ нашей роты, насъ осталось около двадцати. Къ счастью или къ несчастью, я въ числѣ послѣднихъ. Но человѣкъ живетъ въ среднемъ около пятидесяти лѣтъ. Если я не буду убитъ въ битвѣ теперь, то какъ знать,можетъ быть, такой случай мнѣ болѣе никогда не представится. Рано или поздно умереть надо, но предпочитаю быть раздробленнымъ алмазомъ, чѣмъ цѣльной черепицей! Умираютъ разъ,

такъ не все ли равно—уложитъ меня пуля или проколетъ штыкъ?

„Направо отъ меня товарищу раздробило бедро и оторвало руку, налѣво другого убило наповалъ, я же остался невредимъ... я щиплю себя, чтобы убѣдиться, что я живъ—такъ это невѣроятно! Вѣрно, часъ смерти для меня еще не пробилъ. Но я долженъ отмстить за товарищей... Вы, надменные, нахальные русскіе—тяжела будетъ вамъ расплата! Сердце мое рвется въ бой, ждетъ себѣ славы. Я родился сыномъ земледѣльца, но если я погибну благородной смертью на бранномъ полѣ, а не умру безславно дома на циновкѣ—меня воспоетъ потомство, какъ нѣжный вишневый цвѣтъ: „Банзай, банзай, банзай нашему славному главнокомандующему.

„Такетоши Ямамото—покойный капралъ Императорской арміи“. Замѣтьте, здѣсь употреблено выраженіе „покойный“ передъ именемъ — какъ доказательство его твердой рѣшимости не остаться живымъ и его радостнаго ожиданія смерти.

Тѣ же чувства воодушевляли всѣхъ, но Ямамото съумѣлъ ихъ высказать лучше другихъ.

ГЛАВА XXIV.

Начало генеральнаго штурма.

Говорятъ, что корреспондентъ „Новаго Времени“, осматривавшій укрѣпленія Портъ-Артура, далъ о немъ такой отзывъ: „Это орлиное гнѣздо, до котораго никакая лѣстница, какъ бы высока она ни была, достичь не можетъ“.

Въ дѣйствительности, это не преувеличеніе. Насколько могъ обнять взоръ, все вокругъ, каждая возвышенность, холмъ или гора,—были укрѣплены. На береговомъ фронтѣ, сверхъ того обильно было примѣнено желѣзо *). Не забудьте при этомъ, что защитники Портъ-Артура были храбрые воины—ученики генерала Драгомирова, котораго можно назвать украшеніемъ и цвѣтомъ русской арміи. И вотъ мы стояли теперь передъ этой несокрушимой неприступной твердыней, чтобы доказать, что овладѣть ею можно. 19-ое августа было первымъ днемъ

---

*) Вѣроятно, авторъ хотѣлъ указать на то, что на береговыхъ батареяхъ орудія были прикрыты стальными щитами.

Примѣчаніе переводч.

генеральнаго штурма, исходнымъ пунктомъ всей исторіи осады и паденія Портъ-Артура. Борьба, которую весь міръ признаетъ самою трудною и самою ужасною въ исторіи человѣческихъ войнъ, началась именно 19-го августа и тянулась болѣе 4-хъ мѣсяцевъ. Въ теченіе всего этого періода мы явили міру примѣръ смѣлой блестящей атаки, а русскіе столь же смѣлой, упорной и отчаянной обороны крѣпости. Мы страшной цѣной купили свою побѣду, но мы превратили укрѣпленія Портъ-Артура въ груды развалинъ, обрушили его земляные брустверы, избороздили склоны холмовъ и горъ и взяли крѣпость только живыми ядрами, пущенными силой духа Ямато Дамаши! Народы, напряженно слѣдившіе за ходомъ войны, были поражены блестящими результатами такого способа атаки... Но это впереди... а пока мы стояли у подошвы Такушана, спѣша окончить послѣднія приготовленія для штурма. Мы особенно тщательно обрекогносцировали пути къ русскимъ позиціямъ и выяснили, гдѣ и какъ поставлены проволочныя загражденія, на которыя русскіе надѣялись, какъ на второстепенную, но весьма прочную преграду, и на которой погибла такая масса нашихъ въ предшествующихъ бояхъ. Всѣ видимые нами горы и холмы были опутаны этой ужасной проволокой. Столбы, къ которымъ она прикрѣплялась, издали напоминали пунктиръ, нанесенный на планѣ...

Намъ предстояло прорваться чрезъ эту преграду и итти дальше и выше. Обязанность разрѣзать проволоку лежала собственно на отрядахъ

піонеръ *), но ихъ было такъ немного **), а проволоки такая масса, что пѣхотинцы должны были сами справляться съ этой работой. Для этого піонеры устроили на берегу Тахе заграждeніе изъ проволоки и научили насъ, какимъ образомъ слѣдуетъ его разрушать: впереди шли рѣзальщики съ клещами для перерѣзыванія проволоки, за ними пильщики съ топорами и пилами, которыми или перерубали или перепиливали стойки, и когда заграждeнія падали на землю и открывался проходъ чрезъ нихъ—войска прорывались и могли уже свободно итти далѣе.

Эта работа, повидимому немудреная, требовала большой сноровки и мы усердно упражняли въ ней солдатъ. Но одно—работать „примѣрно“, а другое—дѣлать ту же работу подъ выстрѣлами. Смѣльчаки піонеры, которые шли для этой цѣли въ головѣ, почти всегда бывали убиты, такъ какъ имъ приходилось работать передъ самыми дулами пулеметовъ. Кромѣ того, мы убѣдились позднѣе, что проволока эта была наэлектризована. Впрочемъ, на этотъ счетъ мнѣнія расходились: нѣкоторые увѣряли, что токъ былъ такъ силенъ, что убивалъ при прикосновеніи къ проволоки; другіе, напротивъ, говорили, что прикосновеніе къ проволокѣ вызываетъ лишь слабый токъ, который передается сигнальному аппарату, чѣмъ дежурный при немъ предупреждается о приближеніи непріятеля. Такъ или иначе, мы никогда

*) Саперныя части.

**) У японцевъ подъ Артуромъ было 7 саперныхъ баталіоновъ, въ крѣпости же только 1 саперная и 1 минная роты.

Примѣчанія переводч.

не рѣшались рѣзать проволоку обыкновенными ножницами съ металлическими ручками, какъ хорошими проводниками электричества, а приспособили къ нимъ бамбуковыя рукоятки, чѣмъ и разъединяли токъ. Несмотря на всѣ предосторожности, проволока губила нашихъ людей, зачастую убивая ихъ моментально. Для перехода черезъ рвы, мы пробовали употреблять при штурмахъ переносныя лѣстницы, но скоро опытъ доказалъ намъ, что лѣстницы совершенно непригодны для этой цѣли, такъ какъ рвы были слишкомъ широки и глубоки.

Крѣпость защищалась еще фугасами и минами, заложенными въ большомъ количествѣ. До самаго послѣдняго дня, т. е. 19-го августа, мы могли наблюдать въ полевые бинокли, какъ русскіе то тутъ, то тамъ зарывали лопатами въ землю эти адскія машины *). Мы, конечно, отмѣчали эти пункты на своихъ картахъ. Мы наблюдали за каждымъ движеніемъ русскихъ, записывали ихъ и запоминали; мы, напр., знали, сколькими ударами топора забивается каждый столбъ для проволоки и сколько минъ и фугасовъ заложено на каждомъ данномъ мѣстѣ. Наши развѣдочныя команды выяснили, что каждый оврагъ, по которому мы должны были пройти, былъ прегражденъ минами, расположенными и зарытыми весьма искусно. Напримѣръ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ русскіе зарывали одну мину на самой его серединѣ, а затѣмъ, гдѣ проходъ

*) Закладка фугасовъ послѣ 17 іюля (1 авг.) всегда производилась въ крѣпости по ночамъ.

Примѣчаніе переводч.

расширялся, клали ихъ по обѣимъ его сторонамъ. Естественно, что когда первый наступившій на среднюю мину бывалъ убитъ, то слѣдующіе за нимъ остерегались середины, шли по сторонамъ и опять-таки наступали на зарытыя тамъ мины. Иной разъ было почти невозможно итти по защищенному такимъ образомъ мѣсту. Кромѣ того, всѣ ихъ орудія, пулеметы и стрѣлки были разставлены такъ, что могли обстрѣливать рвы и подступы къ нимъ перекрестнымъ огнемъ, такъ что укрыться отъ пуль было почти невозможно. Слѣдуетъ признать, что всѣ русскія укрѣпленія были таковы, что нельзя желать лучшаго *).

На разсвѣтѣ 19-го августа вся линія нашей артилеріи одновременно открыла огонь, направляя его главнымъ образомъ на восточный Кикуанъ **), но обстрѣливая вмѣстѣ съ тѣмъ и прочіе форты. Это было началомъ дѣйствій. Затѣмъ, подъ прикрытіемъ огня, выступила наша пѣхота и медленно двинулась къ передовымъ укрѣпленіямъ, выжидая момента, когда сдѣлаютъ свое дѣло наши орудія, всѣми силами стремившіяся разрушить форты, пробить и сорвать блиндировку съ брустверовъ и траншей — словомъ дать намъ возможность дойти до нихъ.

На наши залпы русскіе отвѣчали залпами же, стараясь подбить наши орудія и пріостановить наступленіе войскъ. Зрѣлище было грандіозное! Раз-

---

*) Къ сожалѣнію, этого не было въ дѣйствительности.

**) Вост. Кикуанъ—бат. лит. Б.

Примѣчанія переводч.

рывные снаряды величиной съ добрый боченокъ и шрапнели сотрясали воздухъ и въ этомъ хаосѣ исчезали всякіе другіе звуки. Снаряды, разрываясь, разбрасывали далеко вокругъ себя землю и осколки, а дымъ былъ такъ густъ и удушливъ, что трудно было дышать. Мы прозвали эти большіе снаряды „локомотивами“, потому что они шумѣли и свистѣли, какъ поѣздъ, отходящій отъ станціи *). Когда мы слышали этотъ устрашающій звукъ, мы чувствовали, что земля содрагалась, и видѣли, какъ камни, песокъ, лошади, люди сбивались въ одну кучу; все, до чего касался этотъ „локомотивъ“, превращалось въ прахъ, разбрасываемый по всѣмъ направленіямъ. Одному офицеру осколкомъ такого чудовища сорвало голову, а рядомъ солдату оторвало обѣ руки. Въ первый день штурма мы ограничились только сильной бомбардировкой. Нашъ планъ и былъ таковъ: день, два употребить на то, чтобы, насколько возможно, ослабить непріятеля огнемъ, а затѣмъ уже итти на штурмъ. Вечеромъ я пошелъ по дѣлу въ штабъ дивизіи, т. е. туда, гдѣ стояла наша артиллерія. Ночь была темная; между позиціями враждующихъ армій то и дѣло пробѣгали по небу бѣловато-голубыя огненныя полоски; мнѣ онѣ казались путемъ, ведущимъ въ адъ. Русскіе прожекторы освѣщали нашу артиллерію съ высоты Кикуан-шана и Хокугин-сана. Этотъ страшный свѣтъ часто измѣнялъ направленіе и вдругъ перебрасывался на пѣхоту, которая хотя и медленно, но все ближе и ближе

*) А наши стрѣлки точно также называли 11″ снаряды японцевъ—„паровозами“. Примѣчаніе переводч.

подходила къ непріятелю. Мы также пустили въ дѣйствіе прожекторы, захваченные у русскихъ, желая ихъ свѣтомъ ослабить дѣйствіе непріятельскихъ прожекторовъ, а также освѣтить русскія позиціи, но они дѣйствовали слабо. Время отъ времени русскіе пускали блестящія ракеты, звѣзды которыхъ гораздо ярче освѣщали небо, чѣмъ наша ежегодняя иллюминація въ Ріогоку *). Эти звѣзды блестѣли на небѣ, какъ электрическія лампы, и такъ ярко освѣщали всю мѣстность, что, казалось, можно было различить муравьевъ, ползающихъ по землѣ. Это давало русскимъ возможность мѣшать нашимъ движеніямъ, потому что наши передовые отряды были имъ хорошо видны и ихъ пулеметы не тратили даромъ своихъ патроновъ. Поэтому, всякій разъ, когда блестящая ракета поднималась къ небу, мы оставливались, стараясь укрыться въ складкахъ мѣстности.

Когда я дошелъ до штаба, то засталъ начальника дивизіи и весь его штабъ вышедшими изъ палатокъ и наблюдающими за этой сценой ночного боя. Когда показывался свѣтъ прожектора на одномъ изъ русскихъ фортовъ, я слышалъ, какъ начальникъ штаба, заложивъ руки за спину, самымъ равнодушнымъ тономъ приказывалъ: „Стрѣлять въ него! Долой этого негодяя!“—„Я, какъ молодая невѣста, конфужусь при такомъ яркомъ свѣтѣ“... шутливо прибавлялъ онъ.

Нашъ отрядъ успѣлъ все-таки въ теченіе ночи

---

*) Ежегоднее празднество „Открытія Рѣки“ бываетъ въ Ріогоку Баши въ Токіо и сопровождается блестящимъ фейерверкомъ.

добраться до Янг-шіа-ку. Не успѣли мы остановиться, какъ совсѣмъ близко отъ насъ упала бомба и разорвалась съ страшнымъ трескомъ. Всѣ ошалѣли на секунду, но, опомнившись, спрашивали другъ друга: „Кто убитъ... Сколько погибло?“ Когда разсѣялся дымъ, мы увидѣли нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ двухъ молоденькихъ только что прибывшихъ къ намъ новобранцевъ. Одинъ былъ убитъ самымъ ужаснымъ образомъ: онъ былъ разорванъ на-двое. У другого раздробило обѣ ноги; кровь лила, какъ вода изъ фонтана. Онъ былъ еще живъ... Капитанъ подошелъ къ нему и, желая ободрить, сказалъ: „Мужайся, это пройдетъ.“ — „Господинъ капитанъ, вѣдь я не успѣлъ еще и повоевать, а уже почти безъ ногъ. Я постараюсь вылечиться поскорѣе и прошу васъ принять меня опять въ роту“.—„Хоть ты самъ и не воевалъ—но рана твоя почетна. Выздоравливай скорѣе и возвращайся къ намъ“.

Отчего одинъ падаетъ и умираетъ отъ пуль, а другой рядомъ остается живъ и цѣлъ? — Иной участвуетъ послѣдовательно въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и не получаетъ ни одной царапины; другой—словно магнитъ притягиваетъ на себя пули. Нѣкоторые едва высадились на берегъ, какъ тотчасъ попали подъ шальную пулю, не сдѣлавъ сами ни одного выстрѣла.

Иные стоятъ на такомъ мѣстѣ, что служатъ мишенью врагу, который и сыплетъ на нихъ свои пули—и что же? пули падаютъ кругомъ, а люди цѣлы. Что это? Счастье или судьба? 19-го, когда

штабъ дивизіи былъ перенесенъ на сѣверный склонъ Таку-шана, начальникъ дивизіи стоялъ съ двумя штабными офицерами и наблюдалъ за боемъ. Вдругъ рядомъ упала и разорвалась бомба; оба офицера были убиты на мѣстѣ, а генералъ не получилъ даже царапины. Въ крѣпостной войнѣ передовые отряды подвергаются, понятно, наибольшему риску, но даже находящіеся въ тылу подвергаются большей опасности, чѣмъ въ полевой войнѣ. Наполеонъ говорилъ: „Пуля можетъ попасть въ цѣль и убить, но преслѣдовать не можетъ, а если бы могла, то отъ нея нельзя было бы укрыться и въ преисподней“. Да, пуля—это невѣдомый врагъ,это привидѣніе. Никакой человѣческій умъ не можетъ предвидѣть, откуда она явится и кого убьетъ. Кому—счастье, кому и нѣтъ. Мнѣ припоминается по этому поводу слѣдующій случай. Послѣ боя при Таку-шанѣ нѣсколько человѣкъ отступавшихъ русскихъ медленно отходили, беззаботно помахивая оружіемъ; намъ такое поведеніе показалось наглой бравадой; мы рѣшились наказать ихъ и, тщательно прицѣливаясь, открыли по нимъ огонь, но промахъ слѣдовалъ за промахомъ и русскіе, не ускоряя шага, спокойно удалились. А вѣдь мы были увѣрены, что попадемъ въ намѣченную цѣль!—Нѣсколько разъ послѣ того мы пробовали наше искусство въ стрѣльбѣ, избирая мишенью какого-нибудь смѣльчака, рѣшавшагося выходить изъ траншей и поддразнивать насъ, махая платкомъ въ нашу сторону. И несмотря на нашъ навыкъ и наше страстное желаніе попасть въ такого нахала, очень часто пули не попадали въ цѣль.

Вотъ причина, почему на войнѣ люди становятся очень скоро совершенно равнодушными къ свисту пуль и снарядовъ... На первыхъ порахъ — напротивъ—почти каждый новичекъ, услыша этотъ страшный звукъ, невольно наклоняетъ голову, какъ бы уклоняясь отъ удара; даже офицеры, съ упрекомъ говорящіе солдатамъ: „не стыдно вамъ кланяться вражьимъ пулямъ?“... сами дѣлаютъ непроизвольно то же движеніе. Это вовсе не доказываетъ трусости, а просто является инстинктивнымъ движеніемъ. Когда же выстрѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ безпрерывно и со всѣхъ сторонъ разомъ, то человѣкъ сразу перестаетъ замѣчать ихъ: нельзя же ежесекундно кланяться! Не больше страха внушаютъ и снаряды. Когда мы слышимъ свистъ летящаго снаряда, то знаемъ, что онъ пролетѣлъ дальше и твердою рукою наводимъ наши ружья на врага, памятуя, что пуля часто минуетъ того, кто ее презираетъ.

ГЛАВА XXV.

Дождь живыхъ ядеръ.

Все выше и выше росли груды человѣческихъ тѣлъ; все стремительнѣе лились потоки крови! Все поле битвы превратилось въ громадное кладбище, а всѣ нивы и луга на большомъ пространствѣ представляли взрытую безъ всякаго признака растительности землю. Ежеминутно, ежесекундно сотни человѣческихъ душъ улетали въ вѣчность.

Для побѣды, кромѣ огнестрѣльнаго оружія, нуженъ еще и штыкъ, блестящій, сверкающій штыкъ, и радостное боевое „банзай“ — вотъ что заставляетъ непріятеля отступать! Одинъ корреспондентъ Лондонскаго „Standard“ сказалъ: „Побѣдный кличъ японцевъ пронзилъ сердца русскихъ!“—Но, хотя нашъ штыкъ и удалой кличъ въ концѣ концовъ и посрамили русскихъ, я не могу не горевать, вспоминая этотъ первый генеральный штурмъ. Отчего?—Потому что и блескъ штыковъ и клики войскъ становились все слабѣе и слабѣе. Несмотря на массу израсходованныхъ снарядовъ—а, главное, несмотря на громадное количество пущенныхъ въ дѣло живыхъ ядеръ—штурмъ крѣпости, которую

русскіе считали неприступной, на этотъ разъ намъ не удался. И позднѣе, еще нѣсколько большихъ штурмовъ Портъ-Артура не дали благопріятныхъ результатовъ, хотя и стоили намъ потоковъ крови нашихъ неустрашимыхъ воиновъ. Понятно, что первые штурмы, хотя и неудачные, все-таки сдѣлали свое дѣло: стратегическія соображенія требовали скорѣйшаго окончанія осады Портъ-Артура; взять его надо было какою бы то ни было цѣною,— поэтому главнокомандующій, хотя и съ болью въ сердцѣ и съ горькими слезами на глазахъ, рѣшился пустить на непріятеля живыя ядра; то была кровавая жертва, но наши войска приносили ее радостно, и она имѣла весьма серьезные результаты, такъ какъ подготовила и облегчила паденіе Портъ-Артура.

Мы замѣтили, что наша непрерывная бомбардировка русскихъ фортовъ вообще, а Восточнаго Кикуана въ особенности, нанесла имъ серьезныя поврежденія, и потому рѣшено было начать въ ночь на 21-го августа штурмъ крѣпости баталіономъ Іошинага.

Сначала былъ высланъ отрядъ охотниковъ-саперъ, чтобы разрушить проволочныя заграждения. Ихъ опасная работа къ счастью была успѣшна и скоро они очистили отъ проволоки проходъ, достаточный для прохода пѣхоты. Тогда капитанъ Іошинага приказалъ людямъ безъ выстрѣла двинуться на приступъ Восточнаго Кикуана; немного спустя, баталіонъ подошелъ къ брустверу. Русскіе опѣшили отъ такой неожиданности и были вынуждены отступить, но поддержанные изъ резерва и огнемъ пу-

леметовъ съ крикомъ „ура“ они бросились въ контръ-атаку. Капитанъ Іошинага приказалъ своимъ не отступать ни на шагъ и тутъ началась настоящая свалка: ружья, штыки, кулаки, все было пущено въ ходъ; обѣ стороны дрались неистово. Къ несчастью, капитанъ Іошинага, стоявшій впереди на брустверѣ, былъ раненъ въ грудь и свалился. Командованіе перешло къ капитану Окубо, но вскорѣ и онъ былъ убитъ. Его замѣнилъ новый офицеръ, затѣмъ другой, третій, но и они и почти всѣ солдаты были перебиты. Подкрѣпленіе не подходило, а русскіе, ободренные успѣхомъ, усилили огонь. Лишь нѣсколько оставшихся въ живыхъ отступили и укрылись въ оврагѣ ниже проволочнаго загражденія. Никто не пришелъ къ нимъ на помощь и они оставались тамъ до слѣдующаго вечера въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ русскихъ, вынужденные, безсильно сжимая ружья, глядѣть на лежавшіе кругомъ трупы товарищей.

Въ ночь 22-го августа Такетоми повелъ свой баталіонъ чрезъ разрушенную наканунѣ проволоку, пытаясь новой атакой загладить неудачу вчерашней ночи. Капитанъ Матсу-ока былъ раненъ первымъ; ему оторвало ногу. Старшій поручикъ Мія-ке пулей былъ раненъ въ грудь навылетъ. Дѣла шли плохо. Русскіе были наготовѣ и ждали нашей атаки. Не обращая ни на что вниманія, капитанъ Янагава бросился впередъ съ крикомъ: „Впередъ! За мной!“. Вдругъ на него упалъ лучъ прожектора и мы увидѣли его блѣдное лицо, залитое кровью... но онъ все еще высоко поднималъ саблю и кричалъ: „Впе-

редъ“, но это было послѣднее его слово. Бѣлые свѣтовые полосы трепетали на темномъ небосклонѣ, словно тростникъ отъ вѣтра, но постепенно они погасли, смолкли и воинственные крики, и намъ слышны были только выстрѣлы противника, сидѣвшаго за брустверами... скоро ихъ тѣни появились на насыпяхъ и траншеяхъ, вырисовываясь на небѣ; мы видѣли, какъ они плясали, радуясь нашей неудачѣ... а мы?—мы оплакивали этотъ день: груды тѣлъ и потоки крови — вотъ что онъ намъ далъ. О, день горестей и печали!

Капитанъ Матсу-ока, который, какъ я уже сказалъ, былъ опасно раненъ, потерялъ такъ много крови, что совершенно ослабѣлъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ съ трудомъ вытащилъ изъ кармана своего мундира секретные планы и диспозиціи и еще имѣлъ силу уничтожить ихъ. Немного спустя, онъ умеръ у самыхъ проволочныхъ заграждeній, а всѣ пытавшіеся вынести его тѣло были также убиты и заснули вѣчнымъ сномъ рядомъ съ своимъ командиромъ. О геройской смерти Матсу-ока было доложено Императору. Храбрый капитанъ Янагава, несмотря на полученныя раны, бросился на непріятельскія укрѣпленія и былъ убитъ въ тотъ самый моментъ, когда, залитый кровью, онъ взобрался на брустверъ... Русскіе не оставили въ покоѣ даже его трупъ; они изрѣзали его въ куски *)!

Несмотря на неудачи послѣднихъ двухъ, трехъ

---

*) Это несомнѣнное преувеличеніе.

Примѣчаніе переводч.

дней, мы рѣшили нанести послѣдній ударъ непріятелю, хотя бы намъ пришлось потерять не только бригаду, но и цѣлую дивизію. Вслѣдствіе такого рѣшенія, новый штурмъ былъ назначенъ на разсвѣтѣ 24-го августа. Послѣднее время наша рота стояла бивакомъ въ оврагѣ около Янг-шіа-ку, но въ ночь на 24-ое намъ приказано было выступить оттуда и собраться въ Ву-шіа-фангѣ. Передъ выходомъ нашъ капитанъ созвалъ всѣхъ насъ, офицеровъ, и сказалъ: „Прощайте, больше ничего не могу сказать; я рѣшилъ, что завтра не уйду живымъ съ поля брани. Предлагаю выпить прощальную чашу воды передъ долгой разлукой“. Но и всѣ мы рѣшили умереть въ бою завтра... мы выпили всѣ воды и сказали: „Сегодня вода эта кажется намъ нектаромъ“.— Наша рота тихо тронулась съ бивака и вступила подъ густыя ивы, осѣняющія дорогу вдоль рѣчки. Мы всѣ были настроены грустно въ предчувствіи и ожиданіи смерти... иной съ трудомъ удерживалъ слезы... Мы продолжали путь и, выйдя изъ подъ густыхъ ивъ, встрѣтили цѣлое шествіе санитаровъ и носильщиковъ, несшихъ раненыхъ за послѣдніе два дня. Боже мой, какая это была нескончаемая вереница носилокъ! „Куда раненъ?“ спросилъ я, проходя одного изъ нихъ... „Ноги раздроблены“— отвѣчалъ бѣдняга...—„Молодецъ, ты сдѣлалъ свое дѣло“...

Нашъ отрядъ дошелъ до рѣчки, обогнувъ гору, которая съ этой стороны имѣла видъ слона. Было такъ темно, что мы ничего передъ собою не различали. Держась близко одинъ отъ другого, мы шли

по направленію къ Ву-шіа-фангу, когда вдругъ услышали вблизи человѣческіе голоса. Я бросился на землю, чтобы прислушаться, откуда они доносятся, и увидѣлъ цѣлый рядъ тѣлъ несчастныхъ товарищей, брошенныхъ на берегу рѣки; нѣкоторые изъ нихъ были еще живы; они стонали, хрипѣли,—словомъ намъ представилась ужасная картина человѣческихъ мученій... но мы спѣшили и не имѣли права остановиться ни на минуту... Довольно долго пришлось итти около этихъ страдальцевъ, оставляя ихъ на голой землѣ въ холодную, росистую ночь...

Между тѣмъ мы никакъ не могли добраться до Ву-шіа-фанга. Оказалось, что мы сбились съ пути и очутились около штаба 9-ой дивизіи. Мы ясно различили начальника ея—генерала Ошима, который отдавалъ какія-то приказанія, одѣтый, несмотря на теплое время года, въ черный суконный мундиръ, перетянутый по таліи шелковымъ obi *), на которомъ висѣла длинная японская сабля. Видъ этого извѣстнаго героя произвелъ на насъ чарующее впечатлѣніе. Говорятъ, что, когда онъ съ своей дивизіей штурмовалъ Панлунгъ, то онъ нарочно надѣвалъ черный мундиръ, чтобъ выдѣляться отъ прочихъ и своимъ презрѣніемъ къ смерти ободрять людей. Я разспросилъ одного изъ штабныхъ, куда намъ итти, и повелъ свою роту по указанному направленію. Но, скоро мы сбились съ дороги... мы спрашивали однихъ и шли направо, спрашивали

*) Obi—японское слово—повидимому портупея.
Примѣчаніе переводч.

другихъ—тѣ указывали налѣво, и мы крутились, напрасно выбиваясь изъ силъ. Намъ приказано было прибыть на сборный пунктъ въ часъ, а было уже около часу. Если мы во-время не прибыли бы, это было бы не только безчестіемъ для насъ, но быть можетъ причиной неудачи штурма. Нашъ капитанъ и всѣ мы просто приходили въ отчаяніе. Къ счастью, мы встрѣтили сапера, который подробно разсказалъ намъ, какъ итти, говоря, что, пройдя немного дальше, мы выйдемъ къ осаднымъ траншеямъ, гдѣ въ настоящее время работаютъ они, саперы. Дѣйствительно, мы скоро нашли ихъ и, пройдя вдоль траншей, должны были выйти на открытое поле совершенно на виду у русскихъ. Мы пустились бѣгомъ, но вдругъ лучъ прожектора освѣтилъ мѣстность... „Ложись“, — скомандовалъ капитанъ и мы, лежа и затаивъ дыханіе, ждали, пока исчезнетъ этотъ ужасный свѣтъ. Свѣтъ не исчезалъ долго... путь назадъ былъ отрѣзанъ. Наконецъ, пришли мы къ мѣсту, которое, какъ мы думали, было сборнымъ пунктомъ... Мы не нашли никого и лишь валявшіеся всюду трупы указывали, что тутъ происходило. Вѣроятно, наши войска собрались уже у подошвы Восточнаго Панлунга, который предполагалось штурмовать. Часы показывали уже часъ съ минутами... Всѣ наши старанія соединиться съ главными силами въ часъ— были напрасны... Капитанъ былъ внѣ себя... неужто мы пришли слишкомъ поздно и не примемъ участія въ штурмѣ? „Что мнѣ дѣлать“,—говорилъ онъ:— „даже смертью не искупить мнѣ своей вины!“ Не только онъ, но и вся рота понимала, что, если мы

опоздаемъ къ началу атаки, то навлечемъ на себя несмываемое безчестье!

Повсюду были посланы развѣдчики, но никто ничего не могъ сообщить. Времени терять было нельзя,— рѣшили отправиться къ старому форту „Восточный Панлунгъ“ и вступить въ бой самостоятельно; если же главныя силы уже начали атаку, то мы, быть можетъ, успѣемъ еще во-время присоединиться. Принявъ такое рѣшеніе, мы двинулись туда по оврагу.

О, этотъ оврагъ! забыть его трудно. Именно здѣсь наканунѣ выдержали сильный бой наша 9-ая дивизія и 7-ой и 9-ый полки второй резервной бригады. Какіе ужасные слѣды оставила послѣ себя эта битва! Никакой медицинской помощи здѣсь не могло быть оказано; въ каждомъ углубленіи, въ каждомъ углу или извилинѣ оврага лежали кучи раненыхъ и мертвыхъ; трупы и живые еще люди перемѣшались, одни еще стонали, кричали, молили о помощи, другіе умолкли уже навсегда. Это была дорога смерти. Какъ мы ни старались ступать осторожно, но не могли не задѣвать труповъ и раненыхъ.

Иногда думаешь, что идешь по мягкому грунту, и вдругъ чувствуешь, что топчешь человѣческіе трупы! „Осторожнѣе, не ходи по трупамъ!“—крикнулъ я своимъ солдатамъ и въ тотъ же мигъ почувствовалъ, что самъ наступилъ на трупъ. „Виноватъ“,—невольно сорвалось у меня съ языка, при сознаніи, что я попираю прахъ товарищей.

Мы почти дошли до конца оврага и остановились; еще нѣсколько шаговъ дальше и мы очутились бы передъ проволочными заграждеміями; слѣва

отъ насъ вдругъ затрещали непріятельскіе пулеметы, разбрасывая снопы искръ въ темнотѣ, а сзади раздался шумъ двигающейся артиллеріи; оказалось, что шесть нашихъ орудій, направленныхъ къ Панлунгу, спѣшили укрыться въ томъ же оврагѣ отъ огня русскихъ пулеметовъ.

Мы были у подошвы Панлунга, но нашихъ главныхъ силъ здѣсь не было. Что за ужасное разочарованіе! Куда могли они отойти или, быть можетъ, атака отмѣнена.

Послѣ серьезнаго обсужденія положенія дѣлъ, капитанъ рѣшилъ опять вернуться въ Ву-шіа-фангу и тамъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Разъ такое рѣшеніе было принято капитаномъ, намъ оставалось лишь повиноваться, но сдѣлали мы это весьма неохотно. Вѣдь намъ опять приходилось итти чрезъ ужасный оврагъ! Опять итти по трупамъ и опять задѣвать умирающихъ! Дѣйствительно, то, что мы увидѣли теперь, оказалось еще ужаснѣе,—вѣдь послѣ насъ тѣмъ же путемъ прошла артиллерія! Кто еще дышалъ тогда, теперь былъ раздавленъ, а мертвые лежали, перерѣзанные пополамъ тяжелыми колесами орудій. Клочья окровавленнаго мяса перемѣшались съ изогнутыми саблями и поломанными ружьями. Можетъ ли быть что-либо ужаснѣе такой картины!

Мы остановились на минуту при выходѣ изъ оврага, чтобы осмотрѣть впереди лежащую мѣстность... Вдругъ группы людей одна за другой потянулись передъ нами. Можно представить себѣ нашу радость и восторгъ: то были наши главныя

силы! Мы узнали, что онѣ не могли достигнуть сборнаго пункта въ назначенный часъ, вслѣдствіе почти непрерывнаго освѣщенія мѣстности непріятельскимъ прожекторомъ, что лишало ихъ возможности итти быстрѣе. Какъ радовались мы теперь, что дошли во-время и всѣ вмѣстѣ пойдемъ во главѣ штурмующихъ войскъ. Между собравшимися офицерами находился маіоръ Матсу-мура, отличившійся при взятіи нами Таку-шана. Онъ вывихнулъ ногу въ этомъ дѣлѣ, но ни за что не согласился обратиться къ помощи хирурга, говоря, что не стоитъ никого безпокоить изъ-за такого пустяка, и продолжалъ исполнять обязанности баталіоннаго командира. И въ эту ночь онъ еще сильно страдалъ, но тѣмъ не менѣе шелъ впереди своего баталіона, опираясь на ивовую палку. Подойдя ко мнѣ, онъ проговорилъ: „Теперь конецъ мой близокъ, я это знаю“.

Капитанъ Сегава, который недавно прощался со своимъ младшимъ братомъ у Таку-шана, былъ также здѣсь. Поручикъ Соне подошелъ къ намъ съ ранцемъ на плечахъ и съ ружьемъ въ рукѣ. Я спросилъ его, почему онъ такъ странно вооруженъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что потерялъ свою саблю во время вчерашней схватки, а потому и одѣлся какъ простой солдатъ. Мы пожелали другъ другу удачи. Нѣсколько часовъ спустя, изъ всѣхъ насъ остались въ живыхъ лишь маіоръ Матсу-мура и я. До сихъ поръ вспоминаю я товарищей и какъ наяву вижу ихъ лица и слышу ихъ голоса. Дорогіе товарищи, родина васъ не забудетъ!

ГЛАВА XXVI.

Потерянная надежда.

Укрывшись, насколько было возможно, за обрывомъ горы, мы ждали приказа къ наступленію. Мнѣ передали бумажку, ходившую по рукамъ, и я прочелъ на ней слѣдующія строки:

„Ясу-киши Гонда убитъ 19 августа, я присутствовалъ при его смерти и, когда подалъ ему прощальную чашу воды, онъ заплакалъ и просилъ меня передать его послѣдній привѣтъ поручику Сакурай“.

Подписано „Бункичи-Такао“.

Этотъ Гонда былъ моимъ денщикомъ около года тому назадъ. Это былъ добросовѣстный, вѣрный слуга. Въ послѣднія минуты жизни онъ вспомнилъ обо мнѣ, и такое доказательство его привязанности глубоко тронуло меня, тѣмъ болѣе, что я ничего добраго ему не сдѣлалъ. Я очень сожалѣлъ, что не былъ при его смерти, не могъ проститься съ нимъ и тѣмъ, быть можетъ, нѣсколько усладить его послѣдній часъ.

Собравъ свою роту, я обратился къ людямъ со слѣдующими словами: „Теперь я долженъ проститься

съ вами. Бейтесь смѣло до послѣдняго издыханія. Этотъ бой долженъ рѣшить судьбу Портъ-Артура. Выпьемъ прощальную чашу воды и помните, что это, быть можетъ, вашъ предсмертный глотокъ“...

Я наполнилъ чашу водою, добытою двумя солдатиками съ опасностью жизни, и всѣ мы по-очередно выпили по глотку. Таково было наше прощанье.

Вскорѣ намъ приказали итти къ пункту, находящемуся у подошвы Панлунга. Мы двинулись осторожно; мы всѣ, выпившіе прощальный глотокъ воды, должны были опять, уже въ третій разъ, перейти ужасный оврагъ, наполненный трупами нашихъ товарищей; никто изъ насъ не думалъ о возможности возвращенія живымъ, слѣдовательно и о необходимости пройти тутъ въ четвертый разъ. Умереть въ бою за родину, сражаясь подъ развѣвающимся флагомъ Восходящаго Солнца, было мечтой и надеждой каждаго.

Передъ окончательнымъ выступленіемъ мы постарались, насколько возможно, облегчить себя, т. е. оставили все, что обыкновенно носится съ собою въ походѣ, и взяли лишь самое малое количество сухарей—„желѣзный паекъ“, необходимый, чтобы не умереть съ голоду въ теченіе 2—3-хъ дней.— Я тоже приготовился: украсилъ свой мундиръ „хаки“ національнымъ флагомъ, подвѣшеннымъ къ портупеѣ, шею обвязалъ японскимъ шарфомъ. У меня не было обуви, а лишь „tabi“ *) на ногахъ,

*) Tabi родъ носка съ отдѣльно связаннымъ большимъ пальцемъ.

такъ что внѣшностью своей я напоминалъ странствующаго по ярмаркамъ акробата изъ Токіо. Я взялъ съ собою саблю, фляжку съ водой и три жесткихъ сухаря. Въ такомъ видѣ и съ такимъ запасомъ двинулся я на главную арену смерти.

Одна мысль о предстоявшемъ намъ движеніи по оврагу заставляетъ меня содрогаться и теперь. Съ ужасомъ и отвращеніемъ, зажимая носы, шли мы опять по сваленнымъ кучами тѣламъ товарищей, героевъ. Въ одномъ углубленіи я увидалъ еще живого, издающаго слабые стоны, страдальца. Я спросилъ его, куда онъ раненъ. Онъ сказалъ, что у него раздроблены ноги, что уже три дня лежитъ безъ пищи, безъ капли воды... санитары не показывались тутъ и онъ горячо молитъ о смерти и избавленіи отъ мукъ. Я отдалъ ему бывшіе у меня три сухаря и убѣдилъ его не терять надежды и дожидаться носильщиковъ, которые его вынесутъ. Онъ взглянулъ на меня глазами, полными слезъ, и спросилъ, какъ меня зовутъ. Тронутый его благодарностью, я могъ только проговорить: „Прощай, товарищъ“, и послѣдовалъ за своей ротой. Теперь мы подошли къ проволочнымъ загражденіямъ Пан-лунг-шана.

Фортъ Пан-лунг-шанъ *) былъ добытъ нами цѣною потоковъ крови девятой дивизіи и седьмого и восьмого полковъ второй резервной бригады и представлялъ весьма удобный опорный пунктъ для общей атаки фор-

---

*) Пан-лунг-шанъ Восточный—редутъ № 1.
„ „ Западный— „ № 2.

товъ—Восточнаго Кикуана и Вантая *). Этотъ важный пунктъ былъ взятъ—послѣ ужасной борьбы—нашими удальцами подъ предводительствомъ генерала Ошима. Трижды пройденный нами оврагъ представлялъ грустную иллюстрацію этого кровопролитнаго боя. Проходя вдоль проволочнаго загражденія, я замѣтилъ множество труповъ нашихъ саперъ, запутавшихся въ проволокѣ; нѣкоторые цѣплялись еще за столбы, другіе держали въ рукахъ обрѣзки проволоки.

Когда мы были на полусклонѣ Панлунга, я увидалъ нѣсколько выше развѣвающееся знамя нашего полка, при которомъ я состоялъ такъ долго. Сердце во мнѣ затрепетало, я докарабкался до того мѣста, гдѣ оно было водружено, и очутился лицомъ къ лицу съ полковникомъ Аоки, съ которымъ я распрощался у подошвы Таку-шана за нѣсколько дней передъ тѣмъ.

„Господинъ полковникъ! Я поручикъ Сакурай“. Онъ взглянулъ на меня, какъ бы вспоминая нѣчто милое, но давно прошедшее, и сказалъ: „Это вы, поручикъ Сакурай? Молю небо даровать вамъ успѣхъ въ бою“.

Послѣ такихъ словъ моего начальника могъ ли я успокоиться, не совершивъ ничего достойнаго... да, я долженъ достигнуть славы настоящаго воина!

Вдругъ я услышалъ голосъ, зовущій меня по имени съ вершины горы... я откланялся полковнику

*) Вост. Кикуанъ—бат. лит. Б.
Вантай—Большое орлиное гнѣздо.
Примѣчаніе переводч.

и поспѣшилъ на вершину, гдѣ нашелъ своего друга и земляка—мы были изъ одной провинціи—поручика Іошида. Я слышалъ, что онъ служилъ въ 9-ой дивизіи, стоявшей подъ Портъ-Артуромъ, но никакъ не ожидалъ, что мы встрѣтимся при такой обстановкѣ. Мнѣ такъ пріятно было увидать стараго друга почти передъ самымъ началомъ штурма...

„Сакурай, другъ мой, не правда ли, какъ ужасны бои послѣднихъ дней?“

Не опомнившись еще отъ неожиданности встрѣчи, я спросилъ его: „Что ты тутъ дѣлаешь совсѣмъ одинъ?“

„Взгляни кругомъ, на эти трупы“...

Кругомъ дѣйствительно лежали какія-то темныя кучи; сперва я подумалъ, что это спятъ новобранцы нашего полка, но скоро разглядѣлъ, что это лежали одѣтые въ хаки убитые и раненые солдаты роты поручика Іошида. Какое ужасное зрѣлище! Трупы лежали по-два, по-три одинъ на другомъ. Временами изъ такой груды слышался глухой стонъ—то живой еще человѣкъ лежалъ подъ мертвыми. Когда эта храбрая колонна бросилась на непріятельскій фортъ, топча своихъ убитыхъ и раненыхъ, она попала подъ убійственный огонь пулеметовъ... почти всѣ были перебиты подъ самымъ укрѣпленіемъ и пали, нагромождая груды убитыхъ надъ павшими ранеными. Заднія колонны, видя гибель первой, бросились за нею, но, дойдя до укрѣпленія, только увеличили собою горы тѣлъ: непріятельскіе пулеметы косили храбрецовъ безпощадно. Поручикъ

Іошида чувствовалъ, что не можетъ оставить своихъ погибшихъ солдатъ и сидѣлъ тутъ одинъ, оплакивая участь товарищей... Позднѣе уже, именно 27-го октября, онъ отчаянно сражался при Эрлунгѣ, гдѣ и былъ убитъ. Это свиданіе на вершинѣ Пан-лунга было нашей послѣдней встрѣчей.

Нашъ полковникъ велѣлъ всѣмъ собраться и обратился къ намъ съ слѣдующими словами: „Предстоящая битва даетъ намъ прекрасный случай послужить родинѣ. Сегодня ночью мы должны нанести ударъ самымъ жизненнымъ частямъ Портъ-Артура. Наши храбрые передовые отряды и охотничьи команды должны знать, что они идутъ въ бой не съ опасностью для жизни, но на вѣрную смерть. Я благодарю васъ за выказанную неоднократно храбрость, но теперь я, какъ отецъ, зову васъ, дѣти мои, на подвигъ; увѣренъ, что вы свершите его!“

Да, всѣ мы, уѣзжая изъ Японіи, знали, что идемъ умирать, и врядъ ли кто изъ насъ надѣялся вернуться живымъ. Теперь же передъ этой грозной битвой, отъ насъ требовалась не готовность умереть, но твердая рѣшимость живымъ не возвращаться изъ боя. Мы были „обреченные на смерть“ и это названіе придавало намъ еще болѣе мужества. Какъ разъ въ этотъ знаменательный для насъ день была получена изъ Токіо отъ военнаго министра телеграмма; въ ней было только нѣсколько словъ: „Молюсь за вашъ успѣхъ.“— Эти слова увеличили еще болѣе нашу энергію и бодрость.

Позвольте мнѣ теперь разсказать величіе и ужасъ этого генеральнаго штурма. Я былъ тогда только поручикъ и все свершавшееся проходило передо мной какъ бы во снѣ, потому и разсказъ мой можно сравнить лишь съ маленькими эскизами большой картины. Я не могу дать систематическаго изложенія событій и долженъ ограничиться обрывками воспоминаній... Если этотъ разсказъ покажется тщеславнымъ описаніемъ собственныхъ дѣлъ, то это отнюдь не потому, что я признаю за собою какія-либо заслуги, — ничего особеннаго я не свершилъ; а лишь потому, что правдиво и достовѣрно могу говорить лишь о томъ, что испыталъ самъ или видѣлъ вокругъ себя. Если мой разсказъ послужитъ клубкомъ, изъ котораго разовьется и уяснится вся исторія или картина этого ужаснаго штурма, то я буду считать свой трудъ ненапраснымъ.

„Обреченные на смерть“ тронулись и безбоязненно пошли къ намѣченной цѣли... своей гибели. Они должны были пройти чрезъ Пан-лунг-шанъ, перелѣзая чрезъ баррикады мертвыхъ тѣлъ. „Итакъ, прощайте“ — сказалъ я, отдавая честь полковнику, и съ этими словами отправился вслѣдъ за ушедшими, на первыхъ же шагахъ наступивъ на голову трупа...

Намъ было приказано итти къ Сѣверному форту и къ Вангтайской высотѣ. Тутъ начался бой.. снаряды и пули летали съ обѣихъ сторонъ. Наши снаряды взрывались удачно, вся мѣстность при этомъ обращалась какъ бы въ пылающій костеръ: доски, прикрывающія траншеи, взле-

тали кверху, мѣшки съ пескомъ подбрасывались въ воздухѣ и разсыпались, летѣли во всѣ стороны человѣческія головы, руки и ноги. Пламя, смѣшавшись съ дымомъ, освѣщало наши лица какимъ-то краснымъ, роковымъ оттѣнкомъ... вдругъ по всей линіи обѣ воюющія стороны смѣшались въ общей свалкѣ... Мало-по-малу русскіе сочли свое положеніе безнадежнымъ и начали отступать. „Впередъ, впередъ, всегда впередъ гони врага, забирай ихъ сразу!“—раздались крики съ нашей стороны и гордые удачей мы стремительно ринулись дальше.

Капитанъ Каваками, поднявъ высоко саблю, крикнулъ: „Впередъ“; рядомъ съ нимъ я сдѣлалъ то же, крикнувъ: „Полурота Сакурай—впередъ,“—и, оставивъ капитана, я взошелъ на валъ, чтобы осмотрѣть путь, по которому предполагалось слѣдовать. Прямо передъ собой я увидѣлъ темную громаду Сѣвернаго форта. Оглянувшись назадъ, я замѣтилъ, что стою одинъ, и нетерпѣливо сталъ звать своихъ людей.

„Поручикъ Сакурай, поручикъ Сакурай!“—позвалъ меня чей-то голосъ вмѣсто отвѣта. Обернувшись на зовъ, я увидѣлъ ефрейтора Ито, горько плачущаго...

„О чемъ ты плачешь? Что случилось?“—Ито, не переставая плакать, крѣпко ухватился за мою руку...

„Поручикъ Сакурай, вы стали теперь важной особой.“

„О чемъ же тутъ плакать! Разскажи толкомъ въ чемъ дѣло?“

„Нашего капитана убили“, — прошепталъ Ито.

Услышавъ эту вѣсть, и я не могъ удержаться отъ слезъ. Вѣдь не прошло и пяти минутъ, какъ онъ кричалъ „впередъ“ своимъ солдатамъ. Только что видѣть его живымъ—и теперь уже знать, что онъ умеръ. Сонъ это или ужасная правда! Прошла только одна минута, но она разлучила меня съ нимъ навѣкъ!—Ито указалъ мнѣ трупъ капитана; онъ лежалъ за брустверомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Я поспѣшилъ къ трупу и обнялъ его. „Дорогой капитанъ“,—невольно выговорилъ я. Но не время было отдаваться своимъ чувствамъ, поэтому я вынулъ изъ кармана убитаго секретный планъ и, созвавъ ближайшихъ солдатъ, громко провозгласилъ: „Съ этой минуты я командиръ 12-й роты“. Я приказалъ, чтобы кто-либо изъ легко раненыхъ отнесъ трупъ капитана въ болѣе безопасное мѣсто, но солдатъ, приподнявшій его, чтобъ исполнить мое приказаніе, былъ сраженъ пулей въ сердце и упалъ мертвымъ рядомъ съ капитаномъ; другой и третій принимались за то же дѣло, но и они были убиты...

Я позвалъ подпоручика Ниномія и спросилъ, всѣ ли люди въ сборѣ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ ефрейтору Ито слѣдить неустанно, чтобы линія стрѣлковъ не размыкалась, самъ же я рѣшилъ стать въ центрѣ. Было еще настолько темно, что намъ не видны были ни расположеніе непріятеля, ни контуры мѣстности, ни путь, по которому удобнѣе было бы итти. На темномъ небѣ вырисовывались Сѣверный фортъ и Вангтайская высота; какъ разъ передъ нами высился утесъ, а мы находились въ котловинѣ среди высотъ... Тѣмъ

не менѣе стоять было безполезно, и мы двинулись, стараясь держаться ближе одинъ къ другому. Я выступилъ впередъ и скомандовалъ: „Двѣнадцатая рота впередъ, итти сомкнуто!“ Я говорилъ и дѣйствовалъ какъ бы въ чаду и теперь остались у меня лишь смутныя воспоминанія,—вѣдь то была моя первая боевая команда.

Мы пошли... я уже не слышалъ болѣе голоса Ито, который сначала шелъ справа около меня; ряды штыковъ, блестѣвшихъ даже въ полутьмѣ, становились рѣже... темныя массы людей обратились лишь въ небольшія группы... Вдругъ, пораженный какимъ-то невидимымъ ударомъ, я упалъ навзничь... Правая рука моя была прострѣлена—моя первая рана... Въ эту минуту яркій огонь непріятельской ракеты освѣтилъ мѣстность и позволилъ мнѣ осмотрѣться; я приподнялъ руку—она была раздроблена въ запястьи и кисть руки безпомощно висѣла; кровь текла довольно сильно. Я поспѣшилъ достать бинтъ *), наложилъ, какъ могъ, перевязку, закрылъ все платкомъ и сдѣлалъ перевязь изъ флага, который я клялся водрузить на непріятельскомъ фортѣ.

Внимательно осмотрѣвъ мѣстность, я увидѣлъ, что лишь неширокая долина отдѣляла меня отъ Вангтайской высоты. Мнѣ страшно хотѣлось пить, я вспомнилъ о своей фляжкѣ, но ея на мнѣ не оказалось, и только ремень, на которомъ она висѣла,

---

*) Перевязочные бинты, изготовляемые обществомъ „Первой помощи“, обязательно выдаются каждому офицеру и солдату и держатся ими при себѣ.

болтался у пояса. Издали долетали до меня голоса нашихъ солдатъ, но и они все стихали; напротивъ того, блескъ непріятельскихъ ракетъ и страшный трескъ ихъ канонады все усиливался.

Я ощупалъ свои ноги и съ радостью убѣдился, что онѣ цѣлы. Вставъ съ земли, я схватилъ ножны моей сабли и, опираясь на нихъ, я, какъ во снѣ, спустился съ откоса горы и началъ взбираться на Вангтайскую высоту.

Съ нея глядѣли на меня длинныя жерла тяжелыхъ орудій, но какъ немного осталось въ живыхъ отъ моей роты... Я позвалъ людей, приказавъ оставшимся слѣдовать за мной... лишь немногіе отозвались на мой зовъ. Сердце мое обливалось кровью при мысли, что и другія части войскъ понесли такія же потери. Подкрѣпленія ждать было неоткуда... Я приказалъ одному солдату поставить нашъ флагъ, но увы—не испустивъ ни крика, ни звука, онъ свалился убитымъ.

Вдругъ послышался шумъ точно изъ преисподней, и я сквозь разнообразные звуки разслышалъ слова: „Непріятель идетъ въ контръ-атаку“.

Отрядъ русскихъ показался на брустверѣ. Скоро они окружили насъ, испуская крики торжества. Насъ было слишкомъ мало, чтобы бороться съ ними, а наша позиція была совершенно непригодна для сопротивленія. Мы должны были спуститься съ горы. Оглянувшись, я увидѣлъ, какъ русскіе энергично обстрѣливали отступавшихъ людей моей роты. Добравшись до траншеи, лежавшей ниже, мы остановились и повернулись лицомъ къ непріятелю. Нача-

лась схватка: штыки ломались о штыки, сабли сгибались отъ сильныхъ ударовъ; русскіе притащили свои проклятые пулеметы и осыпали насъ желѣзнымъ дождемъ... люди валились съ обѣихъ сторонъ. Я не могу дать подробностей этого боя, ибо былъ въ полубезсознательномъ состояніи. Я помню только, что своей лѣвой рукой высоко поднималъ саблю надъ головой, помню, что прокололъ кого-то этой саблей... крикомъ старался ободрить своихъ людей... Наконецъ, я совсѣмъ охрипъ и голосъ мой сталъ не слышенъ... вдругъ сабля выпала изъ моей руки—рука была проколота русскимъ! Я упалъ, но, стараясь приподняться, почувствовалъ новый ударъ—мнѣ раздробило правую ногу... Я собралъ послѣднія силы и старался хоть отползти... но потерялъ сознаніе... я все-таки разслышалъ, какъ солдатъ моей роты наклонился ко мнѣ и сказалъ: „Г. Поручикъ Сакурай, умремъ вмѣстѣ“. Я обнялъ его лѣвой рукой и, стиснувъ отъ страшной боли зубы, мутнымъ взглядомъ слѣдилъ за битвой... Умъ совсѣмъ помутился... тѣло стало неподвижно...

ГЛАВА XXVII.

Изъ когтей смерти.

24-го августа солнце освѣтило поле битвы, усѣянное ранеными, умирающими и убитыми обѣихъ націй... Я узналъ солдата, который наканунѣ предлагалъ умереть со мною и теперь лежалъ еще на моей рукѣ. То былъ Консуке-Оно—мною обученный новобранецъ. Онъ былъ раненъ пулей въ глазъ и въ бокъ. Бѣдняга! онъ не оставилъ меня умирать одного. Моя лѣвая рука, на которой лежала его голова, была вся покрыта темными сгустками крови, стекавшей по его шеѣ. Оно, очнувшись, спокойно, осторожно вытащилъ свой запасный бинтъ и перевязалъ мою руку... Такъ лежалъ я, тяжело раненный, окруженный трупами, безъ всякой надежды на спасеніе... Если я не умру теперь, то, навѣрное, попаду въ руки русскихъ, что казалось мнѣ ужаснѣе смерти. Я страстно желалъ покончить съ собой, но я не имѣлъ оружія и не имѣлъ рукъ, чтобъ владѣть имъ, если бъ оно и было. Меня душили слезы обиды и отчаянія.

„Оно, прошу тебя, пристрѣли меня, потомъ иди къ нашимъ и разскажи, что случилось со мною!“ Я просилъ его, молилъ, но онъ не хотѣлъ испол-

нить моей просьбы. Почти слѣпой—ибо оба глаза были закрыты запекшейся кровью—онъ сжималъ свое ружье и говорилъ: „Я не долженъ слушаться васъ“.

Я спорилъ съ нимъ, объяснялъ наше ужасное положеніе, доказывалъ, что русскіе начали контръ-атаку, слѣдовательно, дойдутъ до насъ, что мы слишкомъ далеко зашли къ нимъ вчера и неминуемо насъ возьмутъ въ плѣнъ. Я спрашивалъ его, неужто онъ предпочитаетъ ужасъ плѣна, — когда я молю его убить меня, какъ не владѣющаго ни однимъ членомъ и обреченнаго на гибель, и уйти самому, пока еще не поздно. Но Оно сидѣлъ, какъ ошалѣлый и твердилъ свое: „Я не могу васъ послушаться“.

Нечего дѣлать, другой помощи я не могъ ждать и рѣшился покориться тому, что будетъ. Между тѣмъ я придумывалъ способъ заставить Оно бросить меня, уйти къ нашимъ и разсказать имъ все случившееся. Наконецъ, я придумалъ предлогъ и сказалъ ему: „Приведи мнѣ носильщиковъ, они унесутъ меня“, торопя его итти скорѣе. Понятно, я понималъ прекрасно, что если бъ онъ и послалъ ко мнѣ санитаровъ-носильщиковъ, то эти люди — воплощеніе милосердія на землѣ—не могли бы ни перейти черезъ оврагъ, ни добраться до того мѣста, гдѣ я лежалъ, такъ какъ имъ пришлось бы все время итти подъ пулями русскихъ; я хотѣлъ только дать Оно возможность уйти и сообщить о моей смерти. Оно обрадовался такому выходу, вскочилъ какъ ужаленный и со словами „подождите меня“—бросился къ брустверу, перескочилъ черезъ него и исчезъ.

И вотъ я остался одинъ, среди мертвыхъ и умирающихъ. Это были самыя тяжелыя, самыя грустныя и отчаянныя минуты моей жизни. Я тысячу разъ повторялъ въ умѣ своемъ слова Нельсона: „Слава Богу, я исполнилъ свой долгъ!“ Я успокаивалъ себя тѣмъ, что хотя и не свершилъ ничего особеннаго, зато отдалъ самого себя родинѣ. Я не могъ не думать и ясно сознавалъ, что съ каждой каплей вытекающей изъ меня крови уходятъ и мои силы, но боли я не чувствовалъ. Вдругъ совсѣмъ близко отъ меня появилось нѣсколько русскихъ; они принялись пристрѣливать раненыхъ. Я слѣдилъ за ними широко открытыми глазами... одинъ изъ нихъ, обернувшись, увидалъ, что я живъ, и указалъ на меня другимъ; три—четыре пули, выпущенныя ими, просвистали близко, не задѣвъ меня... я видѣлъ затѣмъ, какъ нѣкоторые побѣжали на меня съ винтовками наперевѣсъ. Я закрылъ глаза, покорно ожидая смерти... ибо сопротивляться я не могъ. Но Провидѣніе не отвернулось отъ меня... Я услышалъ шумъ и выстрѣлы вблизи меня... по дорогѣ ко мнѣ русскіе наскочили на нѣсколькихъ нашихъ, оставшихся еще въ живыхъ; хотя и раненые, они схватились за ружья и убили враговъ, но и сами поплатились жизнью, а я, лежавшій неподвижно, ожидая смерти, былъ спасенъ цѣною ихъ жизни.

Въ тотъ же почти моментъ какой-то человѣкъ съ громкимъ крикомъ и высоко поднятой саблей вскочилъ на брустверъ... Кто былъ этотъ герой, рѣшившійся

одинъ взобраться почти въ самую пасть врага? Я пораженъ былъ его неустрашимостью. Но увы! откуда-то пущенная пуля сразила его и онъ какъ подкошенный свалился направо отъ меня. Онъ шелъ на явную смерть безстрашно и своимъ громкимъ воинственнымъ „банзай“ навлекъ на себя пулю врага.

Немного спустя, вдругъ начали перелетать чрезъ наши головы японскіе снаряды... они падали вокругъ насъ, обдавая дымомъ и кровью. Обугленныя ноги, руки, головы разлетались во всѣ стороны. Я лежалъ съ закрытыми глазами, моля Провидѣніе, чтобы оно послало мнѣ скорую смерть. Ни одинъ снарядъ не убилъ меня, но мелкіе осколки, попадая въ мое израненное тѣло, увеличивали страданія. Одинъ раненый солдатъ получилъ большимъ осколкомъ гранаты страшный ударъ въ лицо... онъ зарычалъ отъ боли и умеръ почти мгновенно. Каждую минуту и меня могла постигнуть та же участь. Ужаснѣе всего было то, что я не могъ сдѣлать никакого движенія, а слѣдовательно хоть сколько-нибудь помочь себѣ. Сѣверный орелъ по клочьямъ рвалъ мое тѣло, но не убивалъ окончательно... Около меня кто-то повторялъ: „Нипонъ банзай“: Пріоткрывъ съ трудомъ глаза, я увидалъ вблизи раненаго... онъ лишился разсудка, глядѣлъ вокругъ себя безсмысленными глазами, твердя свое завѣтное „банзай“... Иногда онъ громко звалъ: „Сюда, сюда, храбрые японцы“. Онъ вскакивалъ, прыгалъ, бросался на землю... мало-помалу онъ началъ стихать, лицо его становилось

мертвенно блѣднымъ, онъ сжалъ губы и скоро пересталъ дышать. Я молился за его душу...

Кровь изъ моихъ ранъ не переставала сочиться и покрыла почти все тѣло; только руки мои были перевязаны, остальныя же раны открыты. Я лежалъ въ полузабытьѣ, то закрывая глаза, то открывая ихъ, чтобъ посмотрѣть вокругъ себя. Налѣво отъ себя я замѣтилъ двухъ убитыхъ солдатъ, лежавшихъ подъ флагомъ Восходящаго Солнца. Вѣроятно, они едва успѣли взобраться на гору и воткнуть его, какъ тотчасъ же и были убиты: нашъ флагъ—вѣдь это излюбленная цѣль для враговъ; правда, если бы и русскіе попытались добраться до этого мѣста, наша артиллерія, конечно, уничтожила бы ихъ также. Эта пара неустрашимыхъ молодцовъ удержала мѣсто за собою, и тутъ подъ славнымъ нашимъ флагомъ они лежали рядомъ съ счастливою улыбкою на застывшихъ лицахъ. Развѣ это не поэтическая смерть! Можетъ быть, поэтъ сложитъ о нихъ свою пѣсню!

Пока я разглядывалъ своихъ мертвыхъ сосѣдей и развлекалъ себя трогательными о нихъ думами, я невольно сдѣлался свидѣтелемъ самаго грубаго возмутительнаго факта! Вы, мужчины и женщины, дѣти цивилизаціи, основанной на принципахъ справедливости и милосердія—не забывайте того, что я разскажу! Я собственными глазами видѣлъ этотъ постыдный варварскій поступокъ русскаго офицера... Я видѣлъ, какъ раненый въ ногу офицеръ много разъ жестами и словами звалъ къ себѣ кого-нибудь, указывая на рану и, видимо, прося помощи. Я видѣлъ далѣе, какъ японскій фельдшеръ, также

раненый, подошелъ къ русскому. Несмотря на собственную рану, онъ осмотрѣлъ раненаго и, вынувъ походную аптечку, досталъ бинтъ и перевязалъ русскому ногу. Обязанность свою любви и милосердія онъ выполнилъ честно, помня, что раненый врагъ уже не врагъ, а герой, исполнившій свой долгъ передъ родиной. Онъ такъ мягко, такъ сердечно перевязывалъ русскаго, что такое обращеніе должно было вызвать слезы благодарности и у безсердечнаго варвара... Но какъ отблагодарилъ русскій своего благодѣтеля?—Слезой благодарности? Нѣтъ! Доброй улыбкой, пожатіемъ руки? О нѣтъ! Какъ только фельдшеръ окончилъ перевязку, русскій живо выхватилъ свой револьверъ, выстрѣлилъ въ упоръ въ добраго Самаритянина и уложилъ его на мѣстѣ... Сердце мое облилось кровью при видѣ такого звѣрства... Такъ запомните же этотъ фактъ, люди нашего вѣка, вѣка справедливости и гуманности! *).

Ни словомъ, ни дѣйствіемъ я не могъ выразить своего негодованія... я скрежеталъ зубами, закрывая глаза, ибо не могъ смотрѣть на то, что творилось кругомъ... дыханіе мое становилось затруднительнѣе, я чувствовалъ, что жизнь уходитъ... вдругъ кто-то приподнялъ меня за платье, но почти тотчасъ же снова оставилъ... немного погодя, я открылъ глаза и увидалъ двухъ русскихъ, идущихъ въ гору. Они, вѣроятно, хотѣли взять меня въ плѣнъ!

---

*) Фактъ этотъ или вымышленъ или является плодомъ болѣзненной галлюцинаціи автора, тѣмъ болѣе, что выше онъ жалуется, что никто не могъ перевязать ему его раны и подать первой помощи. Примѣчаніе переводч.

Это былъ поворотный моментъ между жизнью моей и смертью — между позоромъ и честью! Русскіе приподняли меня, но сочли мертвымъ и бросили, и немудрено: я весь былъ залитъ кровью!..—Потомъ опять кто-то подбѣжалъ ко мнѣ и упалъ, не произнеся ни слова. Не умеръ ли онъ? Нѣтъ, онъ только притворился мертвымъ... Немного погодя, неизвѣстный прошепталъ мнѣ на ухо: „Пойдемъ къ нашимъ, я помогу вамъ.“ — Едва дыша, съ замираніемъ сердца, я взглянулъ на говорившаго; это былъ неизвѣстный мнѣ солдатъ съ перевязкой на головѣ. Я отвѣтилъ ему, благодаря за предлагаемую помощь, что живымъ въ моемъ положеніи не выбраться отсюда, и потому просилъ его убить меня и уйти скорѣе, пока еще возможно. Онъ отвѣтилъ, что и самъ не надѣется вынести меня живымъ, но хочетъ унести мое тѣло, чтобы оно не осталось среди враговъ; сказавъ это, онъ поднялъ мою лѣвую руку и положилъ ее себѣ на плечо. Въ это время лежавшій справа отъ меня раненый, все время тяжело стонавшій, проговорилъ слабымъ жалостнымъ голосомъ:

„Г. Поручикъ, прошу васъ, дайте мнѣ послѣдній глотокъ воды.“ Сердце мое сжалось и я снова опустился около него, не обращая вниманія на моего спасителя, который старался приподнять меня; этотъ умирающій былъ солдатъ моей роты, онъ такъ желалъ участвовать въ бою. Несчастный! Могъ ли я оставить его умирать одинокимъ!

„Нѣтъ ли у тебя воды“,—спросилъ я у своего спасителя. На это онъ досталъ свою фляжку и, пере-

шагнувъ черезъ меня, влилъ немного воды въ ротъ умирающаго. Послѣдній сложилъ свои дрожащія руки какъ бы для молитвы и, проговоривъ нѣсколько разъ: „Наму — Амида-Бутсу“ *), глубоко вздохнулъ и скончался!

У меня не хватало духу оставить тутъ товарищей, умершихъ и еще живыхъ, чтобы искать себѣ спасенія. Но мой добрый избавитель, не говоря ни слова, взялъ меня за лѣвую руку и, взваливъ меня себѣ на спину, однимъ скачкомъ перепрыгнулъ со мною чрезъ окопъ, за которымъ мы оба свалились. Въ одну минуту онъ поднялъ какой-то плащъ, накрылъ меня имъ и улегся неподвижно рядомъ со мной. Такимъ образомъ я выбрался изъ траншеи на спинѣ незнакомаго мнѣ солдата. Когда онъ перетаскивалъ меня черезъ окопъ, я задѣлъ за брустверъ ногою и тутъ впервые почувствовалъ ужаснѣйшую боль. Немного погодя, онъ прошепталъ мнѣ: „Теперь полетятъ пули, намъ надо подождать“. Онъ вывинтилъ свой штыкъ и подвязалъ его японскимъ шарфомъ къ моей больной ногѣ вмѣсто лубка. Я чувствовалъ сильную жажду; онъ отдалъ мнѣ свою фляжку, говоря: „Не пейте много“. Онъ успокаивалъ меня, прося „потерпѣть еще немного“. Мы увидѣли и здѣсь много раненыхъ, они стонали и тяжело дышали. Мой спутникъ подбиралъ валяющіяся фляги съ водой и подносилъ ихъ раненымъ. Минутами онъ прикидывался мертвымъ, ложился, прикрывая меня собою, чтобъ обмануть зоркій глазъ врага. Я не зналъ еще имени этого благороднаго человѣка.

*) Преклоняюсь передъ Тобой, Великій Будда!

— Какъ твое имя?—спросилъ я его.

— Меня зовутъ Такесабуро Кондо,—отвѣтилъ онъ шопотомъ.

— Какого полка?

— Полка Кочи! *).

Итакъ, храбрый великодушный солдатъ, спасшій мнѣ жизнь при такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, никогда не былъ въ моей ротѣ, не былъ даже въ одномъ полку со мною, словомъ былъ для меня совершенно чужимъ. Какая же невидимая нить связала наши судьбы? Я не могу объяснить этой тайны, но знаю навѣрное, что только обнимающій всѣ слои нашей арміи духъ любви, человѣчности и братства можетъ создавать такихъ солдатъ, какъ Кондо, имя котораго должно быть сохранено и чтимо потомствомъ, какъ имя примѣрнаго солдата и великодушнаго человѣка!

Скоро послѣ моего спасенія я потерялъ сознаніе и впалъ въ глубокій обморокъ, но когда я пришелъ въ себя, первое, что пришло мнѣ на умъ, было дорогое мнѣ отнынѣ имя Кондо!

Смѣлый, неустрашимый Такесабуро! Онъ не только вынесъ меня изъ окруженнаго врагами Вантая, но еще съ великимъ трудомъ донесъ меня до нашей главной позиціи. Это было уже днемъ и путь лежалъ черезъ обстрѣливаемую непріятелемъ мѣстность. Самъ онъ тоже былъ раненъ. Ему было бы гораздо легче спастись самому, оставивъ меня

---

*) 44-го пѣх. полка. Японскіе полки именовались также по пунктамъ своихъ постоянныхъ стоянокъ мирнаго времени.

Примѣчаніе переводч.

тамъ, разъ возможность спасти меня была почти невѣроятна... Но онъ поклялся помочь мнѣ и это обѣщаніе было для него важнѣе собственной жизни. Онъ не побоялся опасностей, преодолѣлъ всевозможныя препятствія, изыскивая съ удивительной находчивостью способы для моего спасенія, между тѣмъ я ничѣмъ не былъ съ нимъ связанъ. Разъ, въ пути, онъ положилъ меня и легъ тутъ же, прикрывая меня собою, затѣмъ сказалъ мнѣ: „Хотя пули и летаютъ вокругъ насъ, мы все же не должны оставаться здѣсь на ночь, иначе насъ навѣрное убьютъ... Мы должны итти дальше. Прошу васъ, не разсчитывайте на спасеніе, лучше считайте себя погибшимъ“.

Онъ завернулъ меня въ плащъ и поманилъ лежащаго вблизи раненаго солдата... послѣдній подползъ къ намъ и, увидѣвъ меня, сказалъ: „Вы, кажется, г. поручикъ Сакурай?“ Я не зналъ его, но, вѣроятно, мы были одного полка, разъ онъ узналъ меня. „Однако, какъ васъ отдѣлали!“ проговорилъ онъ и сталъ шептаться съ Такесабуро. Они оба и вынесли меня изъ Вантая—этой страшной могилы нашихъ товарищей, надъ которой витаетъ ихъ неутѣшный духъ. Я покидалъ это мѣсто съ горькимъ чувствомъ стыда, что оставляю ихъ... Мои спасители останавливались черезъ каждые пять — десять шаговъ и ложились, чтобы обмануть непріятеля. Пока меня несли, я не чувствовалъ боли, но лишь непріятное ощущеніе тренія раздробленныхъ костей. Мы проходили мимо проволочныхъ заграждeній, шли вдоль траншей и, наконецъ, подъ

палящими лучами полуденнаго солнца я былъ принесенъ въ оврагъ, лежащій ниже проволочныхъ заграждeній... я полагаю, что мы были у подошвы Кикуана.

Я пролежалъ тутъ нѣкоторое время и, наконецъ, почувствовавъ головокруженіе и дурноту, вскорѣ я потерялъ сознаніе. Это было слѣдствіемъ большой потери крови. Въ полку меня уже считали убитымъ и слухъ о моей смерти достигъ и до моей семьи. Я узналъ впослѣдствіи, что мой наставникъ Г. Мурай, вложилъ написанную ему мною прощальную карточку въ семейный ковчежецъ *) и принесъ моему духу жертву изъ цвѣтовъ и ладана.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ я лежалъ безъ движенія и безъ сознанія, но ворота, ведущія въ лучшій міръ, были еще закрыты предо мной и мало-по-малу жизнь стала ко мнѣ возвращаться. Первое, что я услышалъ, былъ страшный взрывъ упавшаго недалеко снаряда, осыпавшаго меня пескомъ и щебнемъ.

Этотъ взрывъ и вернулъ мнѣ сознаніе, но вмѣстѣ съ нимъ начались и ужасныя физическія страданія. Я хотѣлъ было пошевелить правой сравнительно здоровой ногой, но она не двигалась, такъ какъ онѣмѣла отъ потери крови. Надъ головой моей былъ устроенъ навѣсъ изъ японскаго флага, а Такесабуро Кондо сидѣлъ еще около меня, наблюдая за мною. Со слезами благодарилъ я его за то, что онъ для меня сдѣлалъ.

---

*) Buddha Shelf—ковчегъ или ларецъ, находящійся въ каждомъ домѣ; въ немъ хранятся дощечки съ именами умершихъ.

Кондо подвязалъ жерди къ плащу, на которомъ я лежалъ,и, подозвавъ проходившихъ случайно 4-хъ раненыхъ, велѣлъ имъ отнести меня на ближайшій перевязочный пунктъ. Затѣмъ, приподнявъ немного флагъ, закрывавшій мое лицо, онъ сказалъ мнѣ: „Господинъ поручикъ! Надо думать, что рана моя несерьезна, и я могу не итти въ тылъ. Вы же ранены опасно. Лечитесь, выздоравливайте скорѣе“... Съ этими словами онъ ушелъ и я никогда болѣе съ нимъ не встрѣчался.

Мнѣ такъ хотѣлось пожать его честную руку, такъ много для меня потрудившуюся... увы, я не могъ пошевелить своей! Я только могъ плакать слезами безконечной благодарности и молиться за его счастье. Вѣдь онъ добровольно бросился въ водоворотъ опасности и спасъ меня отъ неизбѣжной смерти; онъ вторично даровалъ мнѣ жизнь... слѣдовательно, моя жизнь отнынѣ принадлежитъ ему, ибо ему одному я обязанъ избавленіемъ отъ смерти... Такесабуро Кондо былъ убитъ черезъ мѣсяцъ послѣ описанныхъ событій. Его духъ теперь далекъ отъ меня... всѣмъ ему обязаннаго... Думая о немъ постоянно, я не могу ни выплакать своихъ слезъ, ни высказать тѣхъ чувствъ, которыя меня переполняютъ.

Пользуясь темнотой ночи, мои носильщики—раненые солдаты—пронесли меня мимо непріятельскаго фронта къ перевязочному пункту, съ трудомъ отыскивая дорогу. Я былъ въ полудремотѣ отъ большой слабости. Я помню, что меня вмѣстѣ съ плащемъ и привязанными къ нему палками положили на на-

стоящія носилки и такъ понесли дальше. Наконецъ, меня положили въ какое-то помѣщеніе, гдѣ люди озабоченно сновали взадъ и впередъ. Это и былъ перевязочный пунктъ. Понявъ это, я тотчасъ же спросилъ: „Не здѣсь ли докторъ Васуи или докторъ Андо“?

„Я докторъ Андо; Васуи тоже здѣсь“,—былъ немедленный отвѣтъ. Я никакъ не ожидалъ встрѣтить ихъ обоихъ здѣсь, а назвалъ почти безсознательно эти дорогія мнѣ имена. Но таинственная нить дружбы, сплетающая насъ, привела меня именно сюда, гдѣ я нашелъ ихъ попеченіе и заботу.

Они пришли, мои друзья,—Андо и Васуи... они держали меня за руки, гладили мою голову, приговаривая: „Отлично, Сакурай, отлично!“

Я замѣтилъ, что рядомъ со мной, слѣва, лежало тѣло моего баталіоннаго командира маіора Камимура. Давно ли я видѣлъ его стоявшимъ впереди баталіона передъ непріятельской траншеей... и вотъ отъ этого героя остался лишь безжизненный холодный трупъ, надъ которымъ горько плакалъ его вѣрный деньщикъ.

Скоро мнѣ наложили всѣ перевязки и отослали въ походный госпиталь въ тылъ арміи. Мнѣ пришлось проститься съ моими друзьями Андо и Васуи, встрѣча съ которыми была для меня истинной радостью!

Когда впослѣдствіи я встрѣтился съ докторомъ Васуи, вотъ что онъ мнѣ разсказалъ о томъ, въ какомъ состояніи меня принесли тогда:

„Нашъ перевязочный пунктъ находился въ такомъ мѣстѣ, что мы никакъ не ожидали, чтобъ ка-

кой-либо раненый изъ нашего отряда могъ быть принесенъ туда. А между тѣмъ пришлось помогать вамъ! Когда являлись къ намъ раненые, я всегда спрашивалъ ихъ о васъ, но мнѣ говорили, что вы, вѣроятно, убиты; одинъ изъ нихъ разсказалъ даже, что вы были убиты подъ проволочнымъ загражденіемъ у Кикуана. Тогда я рѣшилъ, что уже не увижусь съ вами въ мірѣ живыхъ, но желая отыскать впослѣдствіи ваше тѣло, я сталъ все-таки разспрашивать, гдѣ и когда вы были убиты, но толку не добился. Немного времени спустя, пришелъ сержантъ Садаоки, я спросилъ и его о васъ, и онъ мнѣ сообщилъ, что вы были убиты въ оврагѣ у Кикуана. Тогда я отправилъ санитаровъ, чтобы разыскать и принести вашъ трупъ на носилкахъ. Но ночь была такъ темна, а огонь непріятельскій такъ силенъ, что они вернулись назадъ, не дойдя до мѣста. Желая непремѣнно найти ваше тѣло, я снова послалъ за нимъ людей, и вотъ къ нашей великой радости намъ принесли васъ живого! Послѣ первой перевязки докторъ Андо и я съ грустью переглянулись другъ съ другомъ,—мы думали, что вамъ осталось лишь нѣсколько часовъ жизни... Поэтому, отсылая васъ въ походный госпиталь, мы рѣшили, что простились съ вами навсегда.

„Черезъ мѣсяцъ послѣ этого случая мнѣ привелось встрѣтить вашего спасителя Такесабуро Кондо и вотъ при какихъ обстоятельствахъ: однажды мимо нашего перевязочнаго пункта проходилъ солдатъ, неся на плечѣ кирку... не знаю почему, но я обратилъ на него вниманіе. Внезапно человѣкъ этотъ

грохнулся на землю навзничь. Я подбѣжалъ къ нему и узналъ Такесабуро Кондо. Я искренно уважалъ его за его отношеніе къ вамъ и его геройскій поступокъ. Онъ дышалъ еще, когда я его поднялъ; отпивъ изъ поданной мною бутылки съ водой, онъ улыбнулся и тутъ же умеръ".

Итакъ, шальная пуля пресѣкла славную жизнь моего спасителя Такесабуро Кондо!

Нашъ первый генеральный штурмъ окончился разсказанными уже ужасами; второй и третій были лишь повтореніемъ тѣхъ же ужасовъ, быть можетъ, еще въ большихъ размѣрахъ. Но наша армія отнюдь не пала духомъ; напротивъ, испытанныя неудачи лишь еще болѣе подняли патріотическій духъ войскъ и жажду одержать верхъ надъ непріятелемъ. Снова и снова, не унывая при неудачахъ, штурмовали мы также упорно защищавшагося непріятеля и, наконецъ, овладѣли крѣпостью. Я не имѣю права говорить о паденіи Портъ-Артура, участвуя только въ первомъ его штурмѣ. Найдутся очевидцы, которые, конечно, лучше меня напишутъ эту длинную главу изъ минувшей войны.

Я же въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ пролежалъ въ постели, не будучи въ состояніи шевельнуть ни рукой, ни ногой. Но среди физическихъ мукъ и страданій я мысленно былъ всегда на Ліаотунгѣ, среди своихъ товарищей. 2-го января благословеннаго Новаго года, 38-го Эры Мейджи, я узналъ радостную вѣсть, что непоколебимая, неприступная крѣпость Портъ-Артуръ, оплотъ запада отъ востока, твердыня, которой охранялась аггресивная политика Россіи на востокѣ,

не могла противостоять грозной силѣ Императорскихъ войскъ и была сдана начальникомъ ея генераломъ Стесселемъ нашему генералу Ноги. Когда намъ сообщили эту вѣсть, то не только я, но всѣ раненые зарыдали отъ радости. Я думаю, что задрожали отъ восторга даже кости нашихъ удальцовъ, бѣлѣющія въ долинахъ и на горахъ около Портъ-Артура. Мрачный, безутѣшный, призывающій къ отмщенію духъ нашихъ мертвецовъ теперь успокоится навсегда.

Извѣстіе о паденіи Портъ-Артура наполнило душу мою несказаннымъ восторгомъ, но скоро къ нему примѣшалось и горькое чувство, когда я вспомнилъ тотъ неудачный бой, въ которомъ погибло столько моихъ товарищей, въ то время какъ я остался живъ; простятъ ли мнѣ это души павшихъ героевъ?! Что буду я чувствовать, когда ихъ друзья и родные взглянутъ мнѣ въ лицо?

Война кончилась, буря стихла. Миръ купленъ цѣною крови многихъ и многихъ храбрыхъ воиновъ. Придетъ, быть можетъ, время, когда горы, окружающія Портъ-Артуръ, сравняются съ землею, когда рѣки Ліаотунга высохнутъ, но не настанетъ тотъ часъ, когда исчезнутъ изъ памяти потомства имена храбрыхъ офицеровъ и неустрашимыхъ солдатъ, отдавшихъ жизнь свою Императору и родинѣ. Ихъ имена будутъ благоухать тысячу лѣтъ, сіять десять тысячъ лѣтъ, а дѣла ихъ не забудутся вовѣкъ!

Приложеніе А.

Императорскій указъ о воспитаніи.

Да будетъ вѣдомо вамъ, Нашимъ подданнымъ:

Наши царственные предки основали Нашу Имперію на широкомъ и прочномъ фундаментѣ, распространяя повсюду добродѣтель. Наши подданные, объединенные любовью и вѣрностью престолу, изъ поколѣнія въ поколѣніе служили украшеніемъ родины. На этомъ основана слава Нашей Имперіи и здѣсь же источникъ воспитанія Нашей страны. Вы, Наши подданные, будьте всегда покорными дѣтьми родителямъ и любящими братьями между собою и покровителями сестеръ вашихъ. Мужья и жены, живите въ согласіи; соблюдайте вѣрность въ дружбѣ; будьте скромны и умѣренны; распространяйте добро на все окружающее, цѣните науки и искусства и потому развивайте умственныя способности и совершенствуйте душевныя качества; всегда служите общему благу и общественной пользѣ, уважайте конституцію и во всемъ блюдите законъ! Въ годину бѣдствій—отдавайте себя на служеніе родинѣ, обе-

регая процвѣтаніе Нашего Императорскаго Престола на небѣ и на землѣ. Мы хотимъ видѣть въ васъ не только хорошихъ и вѣрныхъ подданныхъ, но и славныхъ хранителей и носителей лучшихъ традицій вашихъ предковъ!

Все это можетъ быть достигнуто лишь воспитаніемъ народнаго характера въ духѣ, завѣщанномъ Нашими предками и обязательномъ для Нашихъ подданныхъ. Это воспитаніе приложимо во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ возрастѣ. Это Наше желаніе пусть запечатлѣется въ сердцахъ всѣхъ Нашихъ подданныхъ.

Данъ 30-го дня, 10-го мѣсяца, 23-го года Мейджи.
Собственноручная подпись Императора.

Императорская печать.

Приложеніе В.

Императорскій рескриптъ арміи и флоту.

Съ отдаленныхъ временъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, Наша армія всегда находилась подъ Высочайшей властью Императоровъ. Болѣе 2-хъ тысячъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Императоръ Джимму покорилъ варварскія племена среднихъ провинцій и основалъ здѣсь столицу Имперіи. Эта экспедиція была совершена подъ Высочайшимъ предводительствомъ самого Императора, воинами провинцій Отомо и Мононобе,—наиболѣе прославленными воинами того времени.

Измѣненія въ организаціи вооруженныхъ силъ послѣдовательно и неоднократно вызывались какъ требованіями времени, такъ и новыми условіями веденія войнъ. Но съ начала нашей исторіи и по сей день Императоръ всегда былъ Верховнымъ Вождемъ вооруженныхъ силъ. Его замѣняла иногда на полѣ битвы Императрица или Наслѣдникъ престола, но верховное командованіе арміей никогда не ввѣрялось кому-либо изъ подданныхъ.

Въ средніе вѣка всѣ Наши государственныя учрежденія, какъ военныя, такъ и гражданскія

были организованы по образцу Китая: было образовано шесть гарнизоновъ, два депо для лошадей, а также и цѣлая система пограничной стражи. Такая организація вооруженныхъ силъ, можетъ быть, и была превосходна на бумагѣ, но продолжительный миръ совершенно уронилъ значеніе арміи. Земледѣльцы и солдаты обособились въ два чуждыхъ другъ другу класса. Воины мало-по-малу выдѣлились въ особую касту, называемую обычно буши (bushi); храбрѣйшіе изъ нихъ становились вождями арміи, а со временемъ, благодаря неустройству общественной жизни, они забрали въ свои руки и всю государственную власть. Такой порядокъ держался въ странѣ въ продолженіе семисотъ лѣтъ.

Никакая человѣческая власть не могла предупредить и пресѣчь такой поворотъ нашей народной жизни, а между тѣмъ онъ былъ весьма нежелателенъ и вреденъ, такъ какъ не соотвѣтствовалъ ни Нашей народной конституціи, ни государственному устройству, унаслѣдованному Нами отъ предковъ.

Послѣ періодовъ Коква (1844 г.)—и Ка-еи (1848 г.)—правители изъ династіи Токугава оказались слишкомъ слабыми и не могли нести бремя управленія государствомъ. Столь шаткое положеніе страны сдѣлалось еще болѣе критическимъ, вслѣдствіе домогательствъ иностранныхъ государствъ. Эти обстоятельства весьма озабочивали уже дѣда Нашего Императора Нинко и отца Нашего покойнаго Императора Комеи. Когда въ юныхъ еще годахъ Мы вступили на престолъ предковъ Нашихъ—Шогунъ Токугава передалъ въ Наши руки свою власть,

младшіе бароны отдали Намъ свои владѣнія. Такимъ образомъ въ теченіе одного года вся страна подчинилась Нашей единой власти и Мы получили возможность возстановить прежнее государственное устройство. Такой блестящій результатъ и въ такой короткій срокъ былъ достигнутъ частью благодаря похвальному содѣйствію Нашихъ подданныхъ всѣхъ безъ исключенія классовъ, частью въ силу Нашей всегдашней и неизмѣнной любви и заботливости о благѣ народа. Тѣмъ не менѣе, въ основу столь успѣшно свершеннаго дѣла легло то, что народъ Нашъ имѣетъ правильное понятіе о добрѣ и злѣ и понимаетъ значеніе истиннаго благородства и долга своего передъ родиной.

Въ теченіе истекшихъ съ того времени 15 лѣтъ, Мы преобразовали армію и флотъ, давъ имъ такую организацію, которая, конечно, возвеличитъ Нашу Имперію. Армія и флотъ находятся въ Нашей непосредственной власти и если временно тѣ или другія части отдаются подъ начальство извѣстныхъ лицъ—тѣмъ не менѣе верховная власть надъ ними остается всегда въ Нашихъ рукахъ. Мы желаемъ, чтобъ вы твердо и всегда помнили и внушили бы вашимъ дѣтямъ и внукамъ, что Императоръ—есть главнокомандующій арміей и флотомъ, дабы страна никогда болѣе не подвергалась тѣмъ раздорамъ и неустройству, чрезъ которые прошла въ средніе вѣка.

Какъ главнокомандующій—Мы надѣемся на васъ, какъ на собственныя руки, а вы смотрите на Насъ, какъ на свою голову, поэтому отношенія между нами

должны быть основаны на полномъ взаимномъ довѣріи и правдѣ. Исполненіе Нами нашей обязанности зависитъ отъ того, какъ вы исполняете свою. Если страна Наша не сумѣетъ поставить себя на должную высоту въ глазахъ прочихъ націй—вы раздѣлите Нашу скорбь. Если, напротивъ, страна достигнетъ величія и славы—Мы будемъ ликовать съ вами. Исполняйте неукоснительно вашъ долгъ, помогайте Намъ защищать родину,—только дѣйствуя совмѣстно. Мы добьемся процвѣтанія и благоденствія родины и подобающаго значенія среди другихъ государствъ!

Это еще не все, что Мы хотѣли сказать. Мы дадимъ вамъ слѣдующія указанія:

1) Первая и главная обязанность солдата—это вѣрность Императору и отечеству. Не допускаю мысли, чтобъ кто-либо, родившійся въ Японіи, могъ не любить Нашу страну; но для солдата—горячая любовь къ родинѣ есть то непремѣнное качество, безъ котораго онъ негоденъ для военной службы. Какъ бы ни былъ воинскій чинъ свѣдущъ въ военной наукѣ и искусствѣ, но, если онъ не подчиняется закону—то онъ является лишь куклой; точно также, какъ бы ни было хорошо обучено и предводительствуемо войско, но, если у солдатъ отсутствуетъ патріотизмъ, то оно подобно стаду безъ пастуха. Цѣлость Нашей Имперіи и поддержаніе ея престижа зиждется на силѣ Нашей арміи и флота, ихъ качества и недостатки отзываются на всей странѣ, поэтому—не ваше дѣло впутываться въ соціальные вопросы и политическія умствованія; ваше дѣло—

неуклонное исполненіе своихъ обязанностей. Помните, что долгъ гораздо тяжелѣе горы (значитъ, требуетъ усилія), а смерть гораздо легче пера (значитъ, нечего ея бояться). Бойтесь нарушить свой долгъ,—этимъ навсегда потеряете доброе имя.

2) Солдатъ долженъ быть непремѣнно вѣжливъ въ обращеніи и поведеніи. Въ арміи, какъ и во флотѣ, существуетъ іерархія чиновъ отъ маршала до простого рядового или матроса, которая связываетъ ее въ одно цѣлое въ цѣляхъ удобства передачи приказаній. Младшій обязанъ повиноваться старшему, подчиненный получаетъ приказанія отъ начальниковъ, черезъ которыхъ передается и Наша воля. Младшіе и подчиненные должны всегда оказывать почтеніе старшимъ и начальникамъ, даже если это и не ихъ прямое начальство. Начальники и старшіе отнюдь не должны быть надменны, а тѣмъ болѣе грубы съ младшими и низшими, соблюдая въ то же время въ необходимыхъ случаяхъ всю строгость воинской дисциплины. Вообще же старшіе должны относиться дружелюбно и ласково къ младшимъ, тогда, въ случаѣ нужды, всѣ какъ одинъ человѣкъ встанутъ на службу родинѣ. Если старшіе будутъ грубы съ младшими, а послѣдніе непочтительны къ старшимъ, словомъ, если нарушится взаимная связь между ними—то послѣдствія могутъ быть таковы, что Мы назовемъ ихъ преступленіемъ противъ всей страны.

3) Солдату надлежитъ быть смѣлымъ и мужественнымъ. Эти оба качества высоко цѣнятся у Насъ и безусловно необходимы японцамъ. Солдатъ, идущій на врага, не можетъ ни минуты не быть храбрымъ.

Но храбрость бываетъ истинная и напускная. Заносчивость, свойственная юности, не есть храбрость. Военный долженъ всегда быть благоразуменъ и обдумывать свои поступки хладнокровно и осторожно. Не пренебрегайте даже и ничтожнымъ отрядомъ непріятеля, но еще болѣе не пугайтесь его многочисленности, — исполненіе долга и есть истинное мужество. Тотъ, кто правильно оцѣниваетъ его,—будетъ всегда скроменъ и заслужитъ всеобщее уваженіе. Если вы рѣзки, заносчивы—значитъ вы не мужественны и, конечно, будете ненавидимы всѣми подобно тигру или волку.

4) Солдатъ долженъ быть вѣренъ и правдивъ; эти качества должны быть присущи всѣмъ людямъ вообще, но военному почти невозможно оставаться въ арміи, если онъ лишенъ ихъ. Вѣренъ—человѣкъ, исполняющій свой долгъ, правдивъ—если онъ не измѣняетъ своему слову. Слѣдовательно, не обѣщайте никогда, если вы не увѣрены, что исполните обѣщаніе. Если вы даете неопредѣленныя обѣщанія или связываете ихъ съ другими, то можете поставить себя въ затруднительное положеніе и быть вынужденными измѣнить слову—что непоправимо и вызываетъ напрасныя раскаянія.—Прежде чѣмъ рѣшиться на какой-нибудь поступокъ, хорошенько его обсудите, но разъ вы пришли къ рѣшенію, то и держитесь его твердо. Если у васъ есть основаніе предполагать, что вы не сдержите обѣщанія и что исполненіе его вамъ не по силамъ, лучше воздержитесь обѣщать что-либо. Исторія всѣхъ временъ подтверждаетъ это: не разъ великіе люди и герои губили себя тѣмъ,

что, стараясь быть вѣрными себѣ въ мелочахъ, они не исполняли серьезныхъ обязательствъ, или заботились о личныхъ интересахъ въ ущербъ справедливости. Бойтесь впасть въ подобныя ошибки.

5) Солдату надлежитъ быть воздержаннымъ и скромнымъ. Если вы не соблюдаете умѣренности въ привычкахъ, то сдѣлаетесь изнѣженнымъ и алчнымъ. Въ такихъ случаяхъ мозгъ тупѣетъ, вы опускаетесь и тогда уже ни храбрость ваша, ни мужество не спасутъ васъ отъ презрѣнія и нелюбви товарищей. Распущенность понятій и нравовъ есть главный источникъ человѣческихъ бѣдствій и если она проникнетъ въ войска, то распространится тамъ какъ эпидемія, губя въ нихъ и воинскій духъ и дисциплину.

Мы весьма серьезно озабочены этимъ зломъ и въ предотвращеніе его установили нѣкоторыя дисциплинарныя мѣры. Въ постоянной заботѣ о васъ Мы даемъ вамъ эти совѣты въ увѣренности, что они будутъ исполнены.

Изложенные пять пунктовъ должны всегда быть въ памяти вашей и исполняемы на дѣлѣ. Въ этихъ пяти пунктахъ выражается духъ настоящаго воина, а чистое сердце есть духъ этихъ пяти пунктовъ. Безъ чистоты сердца хорошія слова и даже хорошее поведеніе суть лишь безполезныя украшенія; лишь съ чистымъ сердцемъ можно свершать великія дѣла!

Преподанные вамъ пять пунктовъ представляютъ

доступныя всякому человѣческому обществу правила;—въ нихъ ничего нѣтъ неисполнимаго.

Если вы будете служить, слѣдуя Нашимъ указаніямъ, то дадите полное удовлетвореніе не только всей Нашей націи, но и самимъ себѣ.

Императорскій манифестъ съ объявленіемъ войны.

Мы, милостью неба, Императоръ Японіи, занимая престолъ по преемству Нашей династіи съ незапамятныхъ временъ, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ о слѣдующемъ:

Симъ объявляемъ войну Россіи и повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ сухопутнымъ войскамъ и флоту выступить противъ непріятеля и открыть военныя дѣйствія всѣми наличными силами. Повелѣваемъ также всѣмъ Нашимъ гражданскимъ и прочимъ учрежденіямъ всѣми силами и средствами, имѣющимися въ ихъ распоряженіи, содѣйствовать Нашимъ начинаніямъ къ достиженію общей цѣли—въ предѣлахъ, международнымъ правомъ установленныхъ.

Нашей главной заботой и цѣлью былъ мирный поступательный прогрессъ Нашей Имперіи; Мы старались укрѣпить добрыя отношенія Наши съ другими державами и установить такой порядокъ вещей, который обезпечивалъ бы долгій миръ на Дальнемъ Востокѣ и безопасность въ будущемъ для

Нашихъ владѣній—безъ нарушенія правъ и интересовъ прочихъ націй. Всѣ Наши учрежденія и поставленныя во главѣ ихъ лица исполняли свои обязанности согласно Нашему желанію и старались поддерживать и развивать дружественныя отношенія съ державами. Въ виду сего для Насъ явилась совершенною неожиданностью необходимость объявить войну Россіи. Неприкосновенность и цѣлость Кореи имѣла всегда для Насъ большое значеніе, во-первыхъ, въ силу Нашихъ традиціонныхъ сношеній съ ней, а, во-вторыхъ, потому, что самостоятельная Корея необходима Намъ для безопасности Нашего государства. Но Россія, вопреки ея торжественнымъ завѣреніямъ Китаю и постояннымъ обѣщаніямъ другимъ державамъ, продолжаетъ распространяться въ Манчжуріи, утвердивъ свое владычество въ трехъ провинціяхъ и стремясь къ совершенному ихъ присоединенію. А такъ какъ присоединеніе Манчжуріи къ Россіи сдѣлаетъ сомнительной и невозможной дальнѣйшую неприкосновенность Кореи, а слѣдовательно нарушитъ и миръ на востокѣ, Мы рѣшили, въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, выяснить этотъ вопросъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ и обезпечить этимъ общій миръ.

Съ этой цѣлью по Нашему приказанію уполномоченныя Нами лица сдѣлали Россіи соотвѣтственныя предложенія и имѣли съ представителями Россіи частныя совѣщанія въ теченіе шести мѣсяцевъ. Россія не шла навстрѣчу нашему мирному соглашенію, произвольными задержками оттягивала рѣшеніе вопроса и, соблюдая для видимости миролю-

бивыя отношенія, потихоньку готовила армію и флотъ къ войнѣ, разсчитывая привести въ исполненіе свои эгоистическія намѣренія.

Мы не можемъ допустить, чтобы Россія хоть сколько-нибудь желала мира. Она отвергла всѣ предложенія Нашего правительства; неприкосновенность Кореи въ опасности, что угрожаетъ самымъ насущнымъ, жизненнымъ Нашимъ интересамъ. Гарантіи для будущаго, которыхъ Намъ не удалось добиться отъ Россіи путемъ мирныхъ переговоровъ,—теперь будутъ Нами добыты войной.

Мы горячо желаемъ, чтобъ съ помощью Нашихъ храбрыхъ благородныхъ воиновъ былъ скорѣе возстановленъ прочный миръ и было бы ограждено достоинство Нашей Имперіи.

Собственноручная подпись Императора.

Личная его печать.

10 февраля 1904 г.

Подписалъ Государственный Министръ.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, Спб., Колокольная, 14.

Съ адмираломъ Того. Описаніе семимѣсячной дѣйствительной службы подъ его командой. *Н. С. Степингъ-Райтъ*. Съ рисунками и фотографіями автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Н. Л. Кладо*. 1907 г. **2** р. **50** к.

. . . прочитанныя даже одинъ разъ, художественныя описанія мистера Райта надолго остаются въ памяти — если не словами своими, то своимъ колоритомъ, своей жизненной правдой, тѣмъ „нѣчто“, для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ!..

С. Тулузаковъ. «*Развѣдчикъ*» *1907 г. № 887.*

Переводъ книги г. Райта заслуживаетъ привѣтствія, такъ какъ при скудномъ состояніи матеріаловъ по изученію дѣятельности японцевъ на морѣ, всякая попытка освѣтить этотъ вопросъ не должна пренебрегаться.

И. М—овъ. «*Русск. Инв.*» *1908 г. № 1.*

Письма о войнѣ съ Японіей. *Людовикъ Нодо*. Переводъ съ франц. *Н. М. Лаговa*. Спб. 1906 г. **1** р.

. . . Каждый военный долженъ ознакомиться съ нимъ, т. е. мнѣніемъ Нодо о минувшей войнѣ. Правда, многое читателю будетъ обидно для самолюбія, но, право, пора перестать воспѣвать себѣ панегирики; скрываніемъ правды, маскированіемъ нашихъ больныхъ мѣстъ мы только подготовимъ нашу армію къ новому погрому...

А. Далматовъ. «*Вѣстн. Русск. Кон.*» *1906 г. № 2.*

Интересъ, возбуждаемый письмами Нодо, объясняется ихъ высокими литературными достоинствами. Съ внѣшней художественностью изложенія въ нихъ счастливо сочеталось глубокое знаніе трактуемыхъ предметовъ и, что намъ русскимъ особенно дорого, искреннія его симпатіи къ намъ. Переведена книжка прекраснымъ языкомъ и читается легко.

М. «*Русское государство*» *№ 54.*

Изъ вражескаго стана. Изъ „Дневника военнаго корреспондента“ при японской арміи. *Рэжиналъ Канъ*. Перев. съ франц. *Н. М. Лагова*. Спб. 1905 г. . . . . **40** к.

„. . . Книга Р. Кана заслуживаетъ совершенно исключительнаго вниманія и представляетъ собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ работъ, которыя до сихъ поръ появились о Русско-Японской войнѣ.

„Figaro“ № 109, 1905 г.

„. . . Дневникъ изобилуетъ множествомъ талантливыхъ штриховъ и замѣтокъ, очень интересныхъ въ виду бѣдности свѣдѣній съ японской стороны и доказывающихъ наблюдательность автора... Книга эта написана живо и легко читается“.

«Впьст. Общ. Ревн. Воен. Зн.» № 105.

Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшихъ временъ до начала XX стол. *М. А. Лялина*. Новое изданіе съ рисунками. . . . . **1** р. **50** к.

. . . Въ смыслѣ общаго историческаго очерка жизни Финляндіи книга М. Лялиной является первымъ опытомъ и притомъ довольно удачнымъ... политическая исторія Финляндіи очерчена умѣло и рельефно, а классификація ея по періодамъ съ политической точки зрѣнія сдѣлана вполнѣ обоснованно...

А. И. *«Странникъ» 1907 г. № 11.*

Длинный перечень источниковъ, приложенный къ концу книги, указываетъ на желаніе автора объяснить вполнѣ обоснованно каждый отдѣльный фактъ жизни финскаго народа.

«Нива» 1907 г. № 11.

Спокойное, безпристрастное ознакомленіе съ нашими окраинами—вотъ что особенно важно въ наше тревожное время. Польза книгъ, подобныхъ книгѣ г-жи Лялиной, несомнѣнна.

Энвишъ. *«Развѣдчикъ» 1908 г. № 904.*

Ереси въ ученіи о морской силѣ. Сост. *Фред. Т. Дженъ*. Съ рисунками и картами. Переводъ съ англ. подъ редакц. *Н. Л. Кладо*. 1907 г. . . . . **2** р. **50** к.

. . . Одно перечисленіе затронутыхъ авторомъ вопросовъ наглядно показываетъ, насколько этотъ оригинальный трудъ Ф. Джена интересенъ.

Въ заключеніе остается сказать, что книга обильно снабжена примѣчаніями редактора, а это въ значительной мѣрѣ способствуетъ правильности пониманія идей автора.

Ершовъ. *«Война и Миръ» 1907 г. № 7.*

„Книга Ф. Джена заслуживаетъ большого вниманія и появленіе ея и въ русскомъ переводѣ, особенно сдѣланномъ такъ хорошо и толково, какъ настоящій, нельзя не привѣтствовать... Мы горячо рекомендуемъ прочесть „Ереси въ ученіи о морской силѣ“ всякому, кто еще не утратилъ надежды на способность побѣждать“.

Э. *«Море» 1907 г. № 24.*

Великая осада Портъ-Артуръ и его паденіе. Съ иллюстраціями и чертеж. *Б. В. Норригаардъ*, Корреспонд. при Японской арміи. Перевелъ съ англійскаго *Борисъ Серебрянниковъ*. 1907 г. **2** р.

. . . Авторъ строго объективенъ, тонъ изложенія лишенъ страстности, событія слѣдуютъ одно за другимъ въ видѣ художественныхъ эскизовъ, полныхъ силы и блеска литературнаго таланта.

Бой. «*Голосъ Москвы*» *1907 г. № 273.*

. . . Размѣръ замѣтки, къ сожалѣнію, не позволяетъ остановиться подробно на замѣчательной книгѣ Норригаарда, каждая страница ея имѣетъ для насъ значеніе, наглядно свидѣтельствуя, что доблесть русскаго солдата жива и намъ остается лишь заботливо оберегать этотъ драгоцѣнный даръ, эту основу нашего будущаго могущества.

М. Галкинъ. «*Война и Миръ*» *№ 11.*

На позиціяхъ Портъ-Артура.

Изъ дневника ротнаго и баталіоннаго командира *А. Н. Голицинскаго*. 1907 г. Съ планомъ. . . . . **80** к.

Пусть самъ читатель найдетъ и продумаетъ остальное изъ столь откровенно и правдиво записаннаго, свѣжаго боевого опыта, и мы увѣрены, что, познакомившись ближе съ драмой, совершившейся въ Артурѣ, по этимъ воспоминаніямъ строевого офицера, читатель, даже если онъ не былъ на войнѣ, воскликнетъ вмѣстѣ съ авторомъ слѣдующія заключительныя слова книги. „Ужасы и эпизоды осады неизгладимой „чертой“ останутся на всю жизнь въ памяти каждаго, а затаенная горечь, досада и обида подвинутъ насъ къ тому, чтобы смыть этотъ позоръ“.

III-й. «*Развѣдчикъ*» *№ 884.*

Паденіе Портъ-Артура. Полковн. *Клеманъ-де-Грандпре*. Перев. съ французскаго и примѣчанія Генер. Штаба полковн. *Хвостова*. Спб. 1907 г. . . . . **1** р. **50** к.

Трудъ полковника Клеманъ-де-Грандпре весьма почтенный и для русскаго военнаго читателя чрезвычайно интересный...

Г. Тимченко-Рубанъ. «*Рус. Инв.*» *1907 г. № 261.*

. . . Это талантливое свѣдѣніе (компиляція) лучшихъ данныхъ англійской литературы о Портъ-Артурѣ, разсказанное кратко и выразительно, съ дѣльной оцѣнкой фактовъ въ военномъ отношеніи...

А. Шеманскій. «*Рус. Инв.*» *1907 г. № 39.*

. . . Интересная книга Грандпре заканчивается общими выводами автора относительно причинъ побѣды японцевъ, изъ которыхъ главная—желаніе достичь этой побѣды какой бы то ни было цѣной.

Книга переведена легкимъ, красивымъ языкомъ и издана безупречно.

«*Кавказ. армія*» *1908 г. № 14.*

Вліяніе морской силы въ Балтійскомъ морѣ

на исторію прибалтійскихъ государствъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ. Профессора Кильской академіи Вице-адмирала *Кирюфа*. Переводъ лектора морской академіи *Л. Кербера*. Съ картами и планами. 1908 г. . . . . **3** р. **50** к.

„Разсматриваемая книга вышла очень кстати именно теперь, когда идетъ разборъ вопросовъ не только морской, но и сухопутной обороны. Представители обоихъ отраслей военной силы могутъ прочесть ее съ большой пользою".

Н. Беклемишевъ. «*Рус. Инв.*» *1908 г. прил.* № *11.*

Боевая подготовка личнаго состава арміи.

Сообщеніе Свиты Его Величества генералъ-маіора *Розеншильдъ-фонъ-Паулина*. Изданіе 2-е. 1907 г. . . . . **50** к.

. . . „Небольшая брошюрка эта написана съ такимъ блестящимъ талантомъ, такъ строго содержательна, такъ захватывающе-интересна, что я прямо не запомню чего-нибудь подобнаго въ нашей военной литературѣ".

„. . . оно поистинѣ заслуживаетъ быть прочитаннымъ не только всей арміей, но быть что называется, заученнымъ наизусть: до такой степени въ небольшомъ объемѣ сосредоточено яркое пониманіе коренныхъ язвъ нашего военнаго дѣла". **М. Меньшиковъ.** «*Новое Время*» № *11048.*

Борьба за обладаніе моремъ.

Уроки русско-японской войны. Разборъ и критика. *Рэнэ Давелюи*, капитанъ 2-го ранга. Переводъ со 2 фр. изданія лейтенантовъ: *В. Альтфатеръ* и *Б. Давыдовъ*. 1908 г. **1** р. **25** к.

. . . Книжка капитана Рэнэ Давелюи очень содержательна и интересна, въ особенности въ томъ, что касается изложенія и разбора сраженія 10-го августа и Цусимскаго.

Е. У. „*Рус. Инв.*" *1908 г. прил. № 11.*

Дневникъ забайкальскаго казачьяго офицера.

Русско - японская война 1904—1905 гг. Составилъ *А. Квитка*. Съ фотогр. и рисун. автора 1908 г. . . . **5** р.

Тоже. На мѣловой бумагѣ . . . . . **10** р.

. . . Въ этомъ дневникѣ найдется много страницъ, имѣющихъ цѣнность для дѣйствующихъ лицъ, всегда называемыхъ по фамиліямъ.

А. Н. Апухтинъ. „*Рус. Инв.*" *1908 г. пр. № 12.*

. . . Мы можемъ рекомендовать это сочиненіе лицимъ, спеціально интересующимся работой нашей конницы въ прошлую войну. **А. Свѣчинъ.** „*Офицер. Жизнь*" *1908 г. № 116.*

Морская война. *М. Фоссъ.* Переводъ съ нѣмецкаго лейтенанта *П. Гельмерсена.* Популярное изложеніе. Способы веденія морскихъ войнъ. Описаніе боевыхъ кораблей. Главнѣйшія морскія сраженія. 1906 г. . . . . ц. **2** р.

Историческіе примѣры, приведенные въ текстѣ, весьма поучительны и прекрасно освѣщаютъ теоретическія положенія... авторъ коснулся всѣхъ темъ морской войны, появившихся за послѣднее время во всей печати. Надо отдать справедливость автору, что онъ сумѣлъ легко разрѣшить многіе изъ нихъ не только теоретически, но также ссылками на исторію, почему трудъ М. Фосса можетъ служить настольною книгою даже для спеціалистовъ.

К. *„Офицерская Жизнь“ № 15, 1906 г.*

„Только контроль народа дастъ увѣренность, что такая полная неподготовленность не повторится вновь, но это дастъ только контроль сознательный, основанный на знакомствѣ съ тѣмъ дѣломъ, которое контролируется. Вотъ почему надо привѣтствовать появленіе всякаго изданія, способствующаго такому знакомству.... надо желать, чтобы она получила возможно большее распространеніе. Издана книга очень хорошо и снабжена большимъ количествомъ пояснительныхъ чертежей и таблицъ.

Н. К. *„Новое Время“ 1906 г. № 10714.*

Записная книжка штабнаго офицера во время русско-японской войны. *Сэръ Янъ Гамильтонъ.* Британскій военный агентъ при арміи Куроки, Генер.-лейтенантъ. Томъ I. Переводъ съ англійскаго Генер. Штаба Капитана *Б. Семенова.* Т. II. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Подполковника *Ю. С. Лазаревича*, ц. за оба тома **6** р. Т. II. . . . **3** р.

Томъ I отдѣльно не продается.

. . . Книга написана интересно, живымъ языкомъ, читается легко и даетъ много такихъ справедливыхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о японской арміи, что становятся понятными усиленные происки японцевъ о томъ, чтобы второй томъ этихъ записокъ не появлялся въ печати.

М. *Прил. къ „Русск. Инв.“ 1906 г. № 225.*

Переводъ, исполненный Б. Семеновымъ, отличается вполнѣ хорошимъ слогомъ и дополненъ многими примѣчаніями переводчика, обнаруживающими въ немъ необходимую въ данномъ случаѣ начитанность.

М. Грулевъ. *„Развѣдчикъ“ № 829.*

По своей ясности, толковости эти записки заслуживаютъ полнаго довѣрія, не только военныхъ, но и интересны для русскихъ гражданъ.

Владиміръ Сабуровъ. *„Кіевлянинъ“ 1907 г. № 18.*

Пособіе къ изученію фортификаціи по опыту войны. Съ 3 чертежами въ текстѣ и 2 таблицами. Составилъ капитанъ инженерныхъ войскъ *Юліусъ Риттеръ Мальчевскій фонъ - Тарнава.* Съ нѣмецк., подъ редакц. и съ примѣчаніями *А. В. фонъ - Шварцъ.* Спб., 1907 г. . . . . **80 к.**

Борьба за Портъ-Артуръ. Приложеніе къ австрійскому военному журналу *Штрефлера* съ 4 планами, подъ редакціей и примѣчаніями *А. В. фонъ - Шварцъ* и *Ю. Д. Романовскаго.* Спб., 1907 г. . . . . **2 р. 50 к.**

ОДОБРЕНО Цирк. Гл. Штаба 1907 г. № 283.

. . . Благодаря прекрасному изложенію, великолѣпнымъ приложеніямъ, характернымъ и чрезвычайно цѣннымъ примѣчаніямъ переводчиковъ, принимавшихъ видное участіе въ оборонѣ крѣпости, книга читается съ захватывающимъ интересомъ.

В. Н. «*Братская помощь*» *1908 г. № 1.*

Оборона Портъ - Артура. Часть I. Составил. *А. фонъ-Шварцъ* и *Ю. Романовскій.* Спб., 1908 г., съ планами, картами и панорамой Портъ-Артура. . . . **5 р.**

Рекомендована Комитетомъ по образованію войскъ для обращенія въ частяхъ войскъ.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

„Русская Скоропечатня“ Спб., Екатерининъ кан. 94.